

Торис
Привалов

Всадник без бороды

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

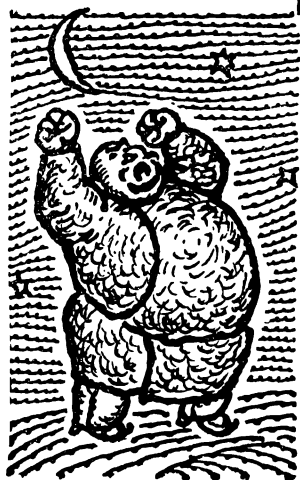

Борис
Тривалов

Всадник без бороды

Юмористическая
повесть

ПО МОТИВАМ
КАЗАХСКИХ
НАРОДНЫХ
ПРЕДАНИЙ,
СКАЗОК
И АНЕКДОТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1964

Р 2
П 75

Рисунки
И. Кошкарева

О БЕЗБОРОДОМ ХИТРЕЦЕ

Седая борода глупцу ума не
заменит.

Казахская пословица

Кто первый рассказал об Алд́ар-Косé, веселом и смекалистом казахе?

Едва ли отыщется человек, который сможет ответить на этот вопрос. Ведь до сих пор никто не знает точно, когда жил Алдар-Косе. И даже больше того — существовал ли он вообще. Но откуда же берутся тогда всё новые и новые сказки о нем, кто вспоминает веселые подробности старых историй, как появляются рассказы о неизвестных доселе **проделках** и приключениях этого знаменитого парнишки?

Акын Джамбул как-то однажды сказал мне, что одна веселая история, происшедшая на его глазах лет шестьдесят назад, ныне приписывается Алдар-Косе. И многие даже ссылаются на него, Джамбула, как на хорошего знакомого Алдар-Косе.

— Но когда я был еще совсем маленьким, таким, что не мог сам сесть в седло, — продолжал Джамбул, — я уже слышал от своего деда о приключениях безбородого хитреца Алдар-Косе...

У каждого народа есть свой сказочный веселый герой. Вы, верно, знаете героя восточных анекдотов Ходжу Насредина, украинца Катигорóшка, белоруса Нéстерку, карела

Кумóху, молдаван Пёкалэ и Ты́ндалэ и многих других. Такому сказочному весельчаку обычно приписывают многие шутки, байки, анекдоты. Он является для своего народа воплощением остроумия и смекалки.

Представим себе, что кто-то весело подшутил над скупым жуликоватым купцом или сумел острым словом, хитростью восстановить права бедняка в споре с богатеем, обличить судью-взяточника и обманщика-попа. Народ, присутствующий при этом, несомненно, оценит по достоинству остроумную шутку, веселую смекалку. И, расходясь с базара, ярмарки, майдана по своим селам, аулам, кишлакам, люди долго еще будут вспоминать о веселом случае, который произошел на их глазах, рассказывать о нем родственникам, знакомым и даже всем встречным-поперечным.

Ну конечно, рассказывая, очевидец добавит два-три слова от себя, кое-что переиначит, а что-то и вовсе позабудет, выпустит из виду. И начнет рассказ кочевать от одного человека к другому, все время немного изменяясь, дошлифовываясь — так шлифуются песчинки в пустыне, когда ветер перекачивает, перегоняет барханы с места на место. В конце концов никто уже не помнит точно, где это произошло и с кем. А так как, например, всем казахам известно, что самым веселым выдумщиком в степи считается Алдар-Косе, то они и начинают приписывать шутку, а то и всю историю Алдар-Косе.

За сто, за двести лет сколько таких занятных приключений с Алдар-Косе накопилось в народной памяти!

Но дело не в том, что было и чего не было и жил ли на самом деле безбородый хитрец. Главное в том, что Алдар-Косе жив и поныне в народных казахских шутках, сказках, притчах, анекдотах, его знает и стар и мал.

Алдар-Косе, который раньше был врагом богачей, и до сего дня помогает нам бороться со всем плохим, лживым, вредным.

ПРОЛОГ

Непобедим тот, кто никогда
не чувствует себя одиноким.

Казахская пословица

Душной беззвездной ночью в степи небо и земля сливаются. Словно в

большой юрте погас огонь, и со всех сторон только черный от копоти — и потому невидимый — войлок.

Можно мчаться всю ночь на лихом коне и не видеть оставленного позади пути — будто на одном месте топчешься.

Можно скакать с открытыми глазами или закрытыми — разницы никакой.

Можно ехать с песней или молча, кому как нравится.

Но кто родился в степи, кто дружит с ней, тот и во тьме не собьется с дороги.

Каждый холмик, каждая лощинка, каждая кочка и каждый камень — это старые знакомые, хорошие друзья, а ведь друга узнаешь всегда!

...Бежал по ночной степи верблюд. Седок, ссутулившись в седле, так уверенно выбирал дорогу, словно светило ему с неба полуденное солнце.

— Э-э, Желмая, — время от времени говорил седок верблюду, — как ты думаешь, не свернуть ли нам направо? Так путь будет короче, а?

И Желмая, словно соглашаясь со сказанным, не сбавляя хода, поворачивал направо.

Наконец далеко впереди появилась узкая серая расщелинка — это рассвет вбил клин между землей и небом. Слов-

но приподнялась крыша темных туч и стала медленно открываться.

Желмая остановился и обернулся, будто спрашивая: ну, что будем делать?

Всадник соскользнул на землю.

Он был невысок ростом, смугл, остроглаз. Никаких намеков на бороду и усы не было заметно на его юношеском, почти мальчишеском круглом лице.

Тихонько напевая, он подошел к небольшой ложбине, едва различимой в густых предрассветных сумерках. Сбежал по склону на дно. Улыбнулся, взглянув на быстро светлеющий, уже почти освободившийся от туч край неба, позвал:

— Желмая!

Верблюд послушно спустился в ложбинку.

— Ложись! — приказал парнишка.

Желмая, невозмутимо пережевывая какую-то травинку, подогнул по очереди сперва передние ноги, затем задние,

опустился на выжженную, еще хранящую ночную свежесть траву. Парнишка дружески потрепал верблюда по шее. Желмая вздохнул, лег на бок, вытянул ноги.

— Жаксы, хорошо! — довольно произнес парнишка и сдвинул на затылок шапку. — Будем немного отдыхать, мой Желмая!

Из притороченной к седлу сумы парнишка достал кошму, расстелил ее. Большая, выцветшая, тонкая от старости, она очень походила по цвету на выгоревшую степную траву.

Беззаботно напевая, парнишка накрыл Желмаю кошмой, затем взбежал по склону вверх, посмотрел на дно ложбинки — чудеса! Только что был верблюд — пропал! Вместо него бугорок появился. А кошму невозможно от земли отличить.

Засмеялся парнишка, поправил шапку на голове, спустился к Желмае и сам залез под кошму.

Солнце уже вот-вот должно было брызнуть светом из-за горизонта. Небо стало чистым, только на западе еще грозно чернели тучи — осколки ночной тьмы.

И оттуда, из-под мрачных туч, донесся глухой топот. Он становился громче, грознее. Неслись над степью легконогие скакуны.

Всадники, сжимая в руках камчи—нагайки, зорко оглядывали степь. У каждого седла дубинка — шокпар.

Недалеко от ложбинки, где под кошмой спрятались верблюды и его хозяин, всадники остановились.

— Этот проклятый парень поскакал, видно, к аулу Сансызбая! — зло сказал рыжебородый жигит со шрамом на щеке.

— Э-э, Желекеш, хитрец свернул, наверно, к Белой степи! — возразил чернородый жигит, такой большой и широкоплечий, что казалось странным, как держит его на себе тонконогий, стройный конь.

— Ты, Срым, поедешь к Белой степи! — приказал рыжебородый и зло полоснул воздух нагайкой-камчой. — Если этот щенок поскакал туда, то твои скакуны к полудню догонят его верблюда. А я поскачу к Сансызбаю.

Чернородый Срым недовольно зашевелился в седле, и конь под ним заржал, словно жалуясь на непосильную ношу. Срым понимал, что Желекеш выбрал себе дело легче и приятнее: в ауле жигитов примут как дорогих гостей, накормят, напоят. А ему придется мчаться по степи день, а может, и ночь...

Но перечить рыжебородому Срым не стал. Он повернул коня, и за ним повернули коней четверо его жигитов.

— Э, попадись мне только Алдар-Косе! — пробормотал Срым. — Я его вгоню в землю!

— Постарайся взять этого щенка живым! — сказал рыжебородый. — Ты же знаешь желание Аблай-бая! Хош! Прощай!

Зазвенели уздечки, кони дружно ударили копытами по сухой земле, будто десятки крепких пальцев ударили в бубенцы, и всадники разъехались.

Когда дробный стук копыт стих, взошло солнце.

Степь преобразилась. Только что она лежала мрачная, серая, и земля казалась изможденной, старой. Но радостные прохладные лучи восходящего светила стерли с нее усталость и серость. При ярком свете почти не стали заметны многочисленные морщины и морщинки — кочки, овражки, холмики, складки, — степь помолодела, как лицо от улыбки.

Из-под кошмы вылез парнишка. Щурясь от света, огляделся, весело подмигнул солнцу, снял шапку. Яркорыжий вихор на макушке вспыхнул, как язычок пламени.

Парень схватил кошму за угол, одним рывком сдернул ее с верблюда.

Желмая, продолжая жевать, открыл один глаз, посмотрел на своего хозяина и сел.

— Хоп, хоп! — сказал парнишка. — Пора в дорогу, дружище!

Он водрузил на голову шапку, быстро скатал кошму, влез в седло.

Желмая нехотя поднялся на ноги.

— Ну, а славные, храбрые, мудрые жигиты пусть ищут ветер в степи! Верно, Желмая? — засмеялся парнишка.

...Желмая шагал все быстрее.

Парнишка, покачиваясь в седле, улыбался своим мыслям и напевал легкую, как взмах птичьего крыла, степную мелодию.

Глава первая

БОЛЬШАЯ ЮРТА АБЛАЯ

Собака лает, а караван идет.

Казахская пословица

Собаки лаяли наперегонки — без усталости, не переставая, до хрипа. Да и

как еще могли вести себя верные псы: к Большой белой юрте Аблая весь день подлетали жигиты на усталых конях, а другие жигиты выбегали из юрты и на свежих скакунах мчались в степь.

Бай Аблай сидел среди старейшин и ближайших сородичей. Молодая жена его так быстро сновала туда и сюда, поднося гостям то лепешки, то свежий кумыс, что тихий звон серебряных украшений, которыми были увешаны ее косы, напоминал трель веселого ручейка.

Юрту украшали богатые ковры, на кошмах ветвились цветистые узоры. Гости сидели чинно: седобородые — на почетных местах, те, кто помоложе, — ближе ко входу. Среди оживленных, взволнованных, разгоряченных лиц гостей лицо хозяина юрты выделялось своей невозмутимостью и спокойствием. Бай Аблай не спеша отхлебывал кумыс из чаши, изредка касался пальцем своих черных как вороново крыло усов или проводил ладонью по короткой, такой же иссиня-черной бородке.

И каждый раз, когда пальцы бая пускались в путешествие по усам и бороде, в юрте стихал разговор, гости настороженно смотрели на Аблая. Уж кто-кто, а они, старые вер-

ные друзья и помощники бая, знали: чем спокойнее он выглядит, тем более сильные бури бушуют и клокочут у него в голове и в сердце. Лишь пальцы, прогуливающиеся по усам и бороде, выдавали степень гнева Аблая: в такие мгновения от вспыльчивого и сумасбродного бая можно было ожидать чего угодно.

Про Аблая казахи говорили, что брюхо его всегда сыто, а глаза вечно голодны; что живет он в теплой юрте, а сердце у него холодно, как камень, лежащий на льду; что хотя он родился как человек, но вырос волком.

Аблай был жесток и властолюбив. Ему все время казалось, что его многотысячные стада слишком малы, что его караваны, шагающие в ближние и дальние города, беднее других, что его знаменитые скакуны хуже, чем скакуны других баев. И хотя не было в степи человека богаче Аблая, он считал себя беднейшим среди бедных.

Народная молва гласила, что жадный Аблай силой или хитростью отнимает у всадника коня, у пешего — посох, у бедняка рваный малахай снимает с головы, а у тех, у кого и шапки-малахая нет, снимает голову.

Если видел Аблай в степи след верблюда, расстраивался: а вдруг это прошел не его верблюд, а чужой? Видел дым над юртой — опять злобой наливался: кого-то другого, не его, в гости ждут. В погожий день он места себе не находил: так ему было обидно, что солнце светит всем. А в ненастье он снова наполнялся гневом: как это дождь пошел без его ведома, сам по себе?

Но сейчас бай Аблай, кроме гнева, испытывал еще и страх: в последнее время все чаще и чаще его приказания оставались невыполненными, а его желания — неудовлетворенными. Страшно баю было потому, что он не мог понять: какая сила ему противоборствует? Почему те, кто прежде покорялись даже его взгляду, нынче подчиняются лишь дубинке-шокпару, а то и вовсе выходят из повиновения?..

Два дня жигиты из аула Аблая и аулов его сородичей мечутся по степи в погоне за Алдар-Косе — парнишкой, который еще и бороды не успел отрастить.

— Скакуны ваши не могут догнать плешивого верблюда, — сквозь зубы говорил жигитам Аблай, и глаза его становились прозрачными от злости. — Вам не на конях ездить, а кобылиц доить! Вы хуже старух — от тех хоть какой-то толк есть!

Жигитам было стыдно смотреть на бая, на старейшин. Их лица чернели, краснели, покрывались потом. Пальцы до хруста сжимали в кулаках камчй — нагайки. Жигиты выбегали как ошпаренные из юрты, вскакивали на коней, с гиканьем и с криками: «Гони, гони, гони!» — снова мчались в степь.

Аксакалы, белобородые аульные мудрецы, собравшиеся вместе с аблаевскими сородичами на совет, только головами покачивали: видно, сам аллах помогает Алдар-Косе! Десятки лучших скакунов не могут догнать одного верблюда! Ох, дела!..

— Алдар-Косе едет к дальним горам, — слегка расклевываясь всем телом, говорил седобородый Ергалы-бай, дядя Аблая, старший из всех собравшихся. — Пути ему семь дней. От силы — восемь.

— Два дня уже прошло, — резко сказал, словно каркнул, Аблай-бай.

— Такой жигит, как Желекеш, думаю, к вечеру поймает этого щенка Алдар-Косе, — продолжал Ергалы-бай.

— Столько уважаемых людей собралось здесь из-за нищего мальчишки Алдар-Косе! — глядя в чашку с кумысом так пристально, будто на дне ее он видел все, о чем говорил, произнес Аблай-бай. — Мы позорим память наших предков. Два дня думаем, как поймать в степи этого волчонка, а он смеется над нами! Лучшие жигиты входят в юрту и говорят одно и то же: «Алдар-Косе прямо сквозь землю провалился!»

Вновь заголосили аульные собаки. Сквозь их лай стал слышен топот копыт. Возле Большой юрты он замер. Даже толстый войлок юрты не мог приглушить усталый хрип коней, их тяжелое ржание.

Аблай и гости с надеждой смотрели на вход: кто прискакал? Какие вести привез?

Коренастый рыжебородый жигит со шрамом на лице вошел в юрту. В руке за спиной он держал камчу, и она, выдавая волнение жигита, виляла, как хвост верного пса, завидевшего грозного хозяина.

— Желекеш... Желекеш... — зашептались гости.

Желекеш отдал салем — поздоровался со всеми.

— Ну? — не выдержал Аблай. — Говори! Скорей говори!

— Алдар-Косе сквозь землю провалился...

— Шайтан! — каркнул Аблай-бай, и его пальцы, сжимающие чашу с кумысом, побелели.

— Мы утром были на урочище Кулиншака и разделились: Срым поскакал в Белую степь, а я — к аулу Сансызбая... Но мальчишку никто из тамошних жигитов не видел... Видно, Срым догонит его...

— И вы не встретили ни одного верблюда? — озадаченно спросил Ергалы-бай. — Иногда Алдар-Косе, это отродье шакала, пускает верблюда пастись, а сам прячется...

— Нет, бай-ага, — со вздохом ответил Желекеш, — мы не встретили ни одного верблюда.

— Кто не хочет видеть, тот и горы не приметит! — проговорил Аблай.

— У него не простой верблюд, — проговорил один из аксакалов, — а Желмая-быстроногий.

— Одногорбый! — уточнил второй аксакал.

— Нет, — покачал бородой первый аксакал. — Двугорбый! Я сам видел!

— Горб один!

— Нет два!

— Пусть будет один с половиной! — примирительно сказал Ергалы-бай. — Ведь недаром говорят, что Желмая родился от одногорбой матери и двугорбого отца...

— В одном старом предании есть предсказание, — начал первый аксакал, — что когда на землю придет трехгорбый верблюд, то это будет означать конец света... Степь и небо поменяются местами...

— Ему осталось пути пять дней, — задумчиво произнес, словно разговаривая сам с собой, Аблай. — Мы должны поймать Алдар-Косе... Вы все понимаете, что будет, если мы не схватим его живым или мертвым. Его нужно привезти сюда!

Аблай задумался, глаза его гневно сверкнули, и он добавил:

— Но лучше — живым!

На окраине аула, у овечьих загонов, вновь залаяли собаки. По мере приближения всадников к Большой юрте, к ним присоединялись все новые и новые голоса. В конце концов лай достиг такой силы, что даже топота копыт не слышно было.

В юрту Аблая втиснулась громадная фигура чернобородого Срыма. Он приветствовал собравшихся и, тяжело дыша, посмотрел прямо в глаза Аблаю:

— Что мы могли сделать, бай-ага?.. Он сквозь землю ушел!

— Будь проклят день, когда я выпустил этого мальчишку из своих рук! — истошно закричал Аблай-бай, и чаша с кумысом полетела на пол. — Сорок лучших жигитов пусть возьмут лучших скакунов! И пусть не возвращаются без Алдар-Косе!

Аблай закрыл глаза, чтобы гости не увидели пламени гнева, которое пылало у него внутри.

В юрте стало тихо. Только едва слышно звенело серебро в косах жены Аблая, которая бросилась подбирать черепки

чаши. Через несколько мгновений бай открыл глаза и спокойно произнес:

— Седлайте коней. Я сам возглавлю погоню.

Аблай поднялся и направился к выходу из юрты. Несколько жигитов пошли за ним следом.

Гости, оставшись без хозяина, для приличия некоторое время озабоченно молчали, потом оживились, и непринужденный разговор вспыхнул сразу в нескольких местах.

Двое аксакалов заспорили о том, когда Алдар-Косе первый раз встретился с Аблаем.

— Он был еще ребенком,—горячился первый аксакал,— когда сумел высмеять бай-ага!

— Когда бай приказал ему придержать коня? — уточнил второй аксакал.

И оба седобородых захихикали. Да, только будущий Алдар-Косе мог так ответить могучему богачу!

...Однажды Аблай поехал в отдаленный аул. Кони спутников отстали от резвого аблаевского скакуна, бай примчался один. Он соскочил с коня возле юрты старейшины и протянул повод какому-то мальчишке, вертевшемуся тут же:

— Эй, подержи моего коня!

— А он не кусается, бай-ага? — спросил мальчик, пряча руки за спину.

— Нет, нет! — нетерпеливо воскликнул Аблай.

Из юрты вышли женщины, остановились, почтительно приветствуя бая.

— Он, верно, лягается? — снова спросил мальчик, все еще не торопясь взяться за повод.

— Да нет же! — ударил камчой по сапогу Аблай.

— Ну, тогда он сбежит от меня! — вздохнул мальчик.

— Он никуда не сбежит! — вскричал выведенный из себя Аблай. — Держи!

— Зачем же держать клячу, которая не кусается, не лягается и не может сбежать? — невинно глядя в злобные глаза богача, удивился мальчик. — Она и так никуда не денется!

Все, кто слушали этот разговор, зафыркали от смеха, а бай побелел от гнева.

— Вот так и встретились первый раз Аблай и Алдар-Косе, — сказал первый аксакал.

— Нет, нет! — потряс сухой ладоншкой второй аксакал. — Впервые они встретились совсем в другой раз... Когда умер любимый конь Аблая.

...Это была знаменитая история, которую знала вся степь.

Лет десять тому назад у Аблая заболел его любимый конь. Жадный бай так близко принял это к сердцу, что чуть-чуть сам не захворал. Не владея собой в гневе, Аблай сказал тем, кто был приставлен к скакуну:

— Знать ничего не хочу о его болезни! Мой конь должен выздороветь! А кто посмеет сказать слово «околел», того я живьем в землю закопаю!

И все, даже самые храбрые, затрепетали. Потому что дни скакуна были сочтены, а слово жестокого Аблая почиталось нерушимым.

Как ни старались слуги спасти коня, ничего не вышло. И в ту минуту, когда он издох, Аблай, словно почуяв смерть любимца, спросил о коне:

— Как он? Лучше ли? Узнайте!

Слуги выбежали из юрты, а назад к баю возвращаться с печальной новостью никто не захотел.

Жигиты и пастухи, коноводы и водовозы толпились возле павшего скакуна и бормотали испуганно:

— Убьет нас бай!

— В землю загонит...

— Погубит... всех погубит...

Тогда к Аблаю смело пошел мальчуган, имя которого ныне все позабыли, потому что вся степь теперь называет его Алдар-Косе.

Толпа затаила дыхание: что-то будет?

В полумраке юрты, как обычно, сидели рядом с баем аксакалы, пили чай, горестно покачивали своими седыми бородами. И услышали старики смелый разговор Алдар-Косе с грозным баем.

— Что с конем? — иступленно каркнул Аблай, даже не разглядев хорошенько, кто вошел в юрту.

— С ним — ничего, — ответил мальчик. — Он такой же, каким был прежде.

Бай рассмотрел, что перед ним почти ребенок, и удивился:

— Ты сам видел его?

— Да, — продолжал мальчик. — Он совсем такой же. Только не ест, не пьет, не открывает глаза, не шевелится.

— Окошел! — закричал Аблай. — Он мертв!

— Бай-ага, вы первый сказали это проклятое слово «окошел»! — воскликнул мальчик. — Значит, вы должны наказывать самого себя!

И Алдар-Косе исчез, словно в воздухе растаял.

Аблай в бессильном гневе посмотрел на стариков, на замерших возле входа жигитов. Слово пришлось нарушить — ведь сам себя бай в землю закапывать не собирался!..

— Нет, нет, — всполошился первый аксакал, — ты неправ, о почтеннейший! Аблай-ага и Алдар-Косе встретились не так...

— Хватит! — поморщился Ергалы-бай. — В воде нет масла, в болтовне — смысла. Вам бы только спорить! Кому какое дело, когда они встретились... Сейчас бай вернется в юрту и спросит, что мы придумали. Как поймать безбородого хитреца? Что вы скажете? У него в степи везде дом... Говорят, у его отца было десять братьев и сестер, да у его матери десять братьев и сестер... Вот почему у него всюду родня.

Аксакалы замолчали и принялись внимательно следить за молодой женой Аблая, которая внесла в юрту большое блюдо с куырдаком — поджаркой из бараньих почек и печени.

Ноздри гостей зашевелились — так аппетитно дымило блюдо с угощением.

— Алдар-Косе трус! — сказал один из гостей, не сводя взора с куырдака. — Если б он был настоящий жигит, он бы не прятался трусливо в степи, а принял бой... Сразился бы с нашими жигитами!

— Да, да, — закивали бородами аксакалы, — верно говоришь.

— И не только трус, а еще и наглец, — молвил Ергалы-бай. — Помните, как он обидел Сансызбая, когда тот приехал к нам с богатыми дарами?

— Э-э, ага, в тот раз сначала Сансызбай обидел Алдар-Косе, — сказал первый аксакал.

— Да, да, ведь он подарил Алдар-Косе ослиную попону, хе-хе! — развеселился второй аксакал.

— Хватит спорить! — прикрикнул Ергалы-бай. — Я говорю не о Сансызбае, а о наглости Алдар-Косе. Что ответил этот щенок великому и щедрому баю? «Да благословит тебя аллах за то, что ты возложил на меня платье со своего плеча!»

— Хе-хе, это же все равно что назвать бая ослом! — заметил первый аксакал.

— Хо-хо-хо! — рассмеялся кто-то из гостей, но, испугавшись, добавил: — Как земля носит такого наглеца!

— Один чабан говорил мне, — сказал второй аксакал, — что Алдар-Косе отрастил себе бороду... большую, черную.

— Он потому и зовется «Косе» — Безбородый, что у него не растет еще борода! — воскликнул первый аксакал. — Откуда же у него, почти мальчишки, может быть борода?

— Э, он же потому и зовется «Алдар» — Обманщик!

У него, может, и не одна борода, а сразу три! — завистливо сказал второй аксакал. — Ведь совсем еще мальчишка, а поймать его не могут! Знаете, что случилось с его бородой?

Однако эта история осталась неоконченной. Ржание коней заглушило все остальные звуки — видно, жигиты подвели своих скакунов к Большой юрте.

Потом послышались крики: «Хон! Прощайте!», «Да будет с вами благословение аллаха!», «Живым или мертвым!»

Ударили по тугой степной земле десятки копыт, даже войлочные бока юрты вздрогнули.

Аксакалы смиренно склонили головы — может, они молили аллаха об удаче, а может, просто не хотели, чтобы другие гости видели голодный блеск их глаз, устремленных на блюдо куырдака.

Вошел в юрту хмурый Аблай. Молча прошел на хозяйское место. Сказал, ни на кого не глядя:

— Лучшие жигиты наших аулов отправились в погоню за безбородым щенком!.. Прошло уже два дня! Осталось пять...

— Два дня, два дня, — заговорили гости.

— Пять осталось, пять... — забормотали аксакалы.

Аблай внимательно оглядел льстивые и тупые физиономии, окружающие его. Он понял, что сейчас все гости думают только о еде и та страшная опасность, которая им угрожает, если Алдар-Косе не будет пойман, им сейчас кажется незначительной, мелкой.

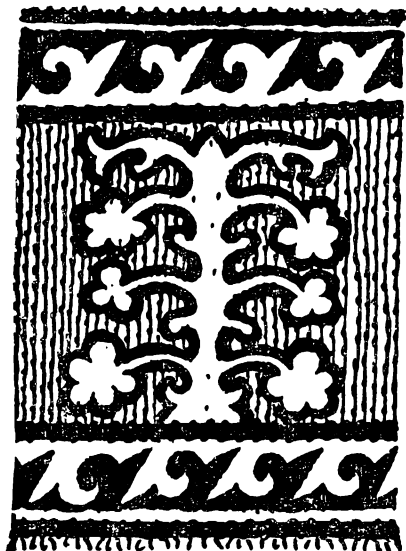
— Да, пять дней, — жестко повторил бай. И, не в силах отказать себе в удовольствии хоть немного испортить аппетит дорогим гостям, добавил: — Вы, о почтеннейшие, хорошо знаете, что нас всех ждет, если он не будет пойман! Угосщайтесь!

И, криво усмехнувшись, протянул руку к блюду.

Глава вторая

ВОЛКИ В СТЕПИ

У птицы сила в крыльях, у человека — в друзьях.

Казахская пословица

Если смотреть с горы на жайлау — летнее пастбище, — то кажется, что

небо отражается в блестящей траве лугов: по небу плавно движутся облака, а по лугам — табуны и отары. Коням, верблюдам и овцам так же привольно на зеленых жайлау, как облакам в сине-голубых небесных просторах.

В небе ветер-пастух один справляется: перегоняет облака с места на место, не дает резвым разбегаться. На земле чабанам помогают пасти отары овчарки. Они быстры, как ветер, но злее. Им не страшны ни хитрый волк, ни могучий орел, ни коварная змея — только своим хозяевам подвластны они.

Чабан Сабыр и его племянник Казангап в предгорье пасли овец и верблюдов бая Шик-Бермеса. Небольшая летняя юрта их стояла прямо против выхода в долину, за которой начиналась степь.

Когда со стороны долины раздался злобный, захлебывающийся лай овчарок, Казангап сразу же вскочил на своего коня и, воинственно размахивая камчой, помчался к собакам.

Старый чабан Сабыр погладил усы, внимательно прислушался.

— Волк, — сказал он сам себе. — Так собаки лают только на волка. Вот чудо-то: волк среди бела дня! Чумной ка-

кой-то, видно... Надо достать мешок. Взять его живым... — И Сабыр вошел в юрту.

Когда он снова появился с мешком в руках, Казангап уже мчался обратно.

— Волк... волк! — кричал он, азартно молотя воздух камчой.

Осадив коня перед дядей, он скороговоркой выпалил:

— Волк упал в старый колодец, вылезти не может, собаки его облаивают; как он туда попал, ума не приложу!

— Держи! — бросил парнишке мешок Сабыр. Затем взял прислоненный к юрте соил — длинный шест с петлей на конце, которым отлавливают коней из табуна, — и, подойдя к своему коню, не спеша взобрался на седло.

Волк сидел на дне сухого колодца. Такие колодцы часто роют в степи казахи, когда перекочевывают с летних пастбищ на зимние и с зимних на летние. Вода из них быстро уходит, края зарастают ковылем, и получается что-то вроде ловушки или охотничьей ямы — из иной даже человеку и то выкарабкаться трудно.

Два лохматых, рослых, как жеребята, пса неистовствовали возле колодца. Волк беззвучно скалил зубы. В узкой яме он не мог присесть для прыжка и только скреб когтистыми лапами по песчаным стенкам.

Сабыр лег на край колодца и, держа соил обеими руками, опустил его вниз. Волк зарычал. Лучи солнца не доставали до дна, там царил полумрак, и глаза волка сверкали, как звезды.

Петля на конце соила начала свой танец перед самой мордой зверя. Волк лязгнул зубами раз, два — мимо! Он вытянул шею, чтобы уж наверняка перекусить дразнящую, пахнущую конским потом петлю, но Сабыр ловко накиннул ее на шею волку и, несколько раз повернув соил, сильно затянул. Шест пополз вверх. Волк закачался в петле, захрипел.

— Как только его голова покажется над колодцем, — приказал Сабыр Казангапу, — перехвати шест! Я завяжу ему морду!

Казангап отогнал истошно лающих собак, а когда голова хищника, с вытаращенными от удушья глазами показалась над землей, взял шест из рук дяди.

Чтобы волк не мог раскрыть пасть, Сабыр двумя кожа-

ными шнурками стянул ему челюсти.

Зверь оказался крупным, матерым.

— Ой, тяжело, ой, не удержу! — запричитал Казангап.

Сабыр снова взялся за соил, а Казангап связал шнурками волку лапы — отдельно передние, отдельно задние. Потом схватил мешок, растянул его. Чабан опустил хищника в мешок, снял петлю с его шеи. Горловину мешка Казангап завязал ремнем — крепко, двойным узлом.

Овчарки кинулись было на мешок, но Сабыр соилом отогнал их:

— Пошли к отаре! На ваш век волков хватит!

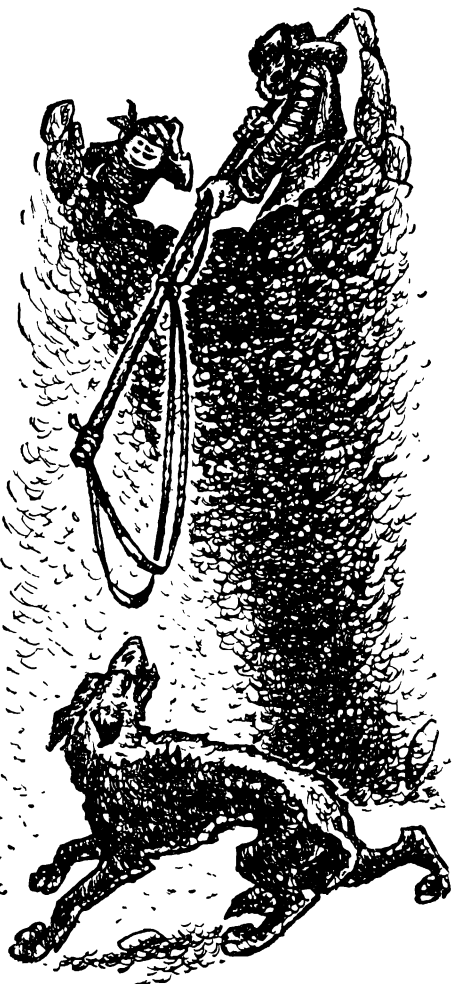
— Э, Казангап, — промолвил старик, — пожалуй, волк попал в колодец с перепугу... Все утро здесь скакали жигиты: туда-сюда, туда-сюда.

— Они хотели поймать Алдар-Косе! — засмеялся Казангап.

— Видно, волк спал где-то поблизости, испугался коней, побежал и угодил в яму, — продолжал Сабыр.

Волк в мешке шевельнулся.

— Ожил, ночной жигит, — сказал Сабыр, ударив древ-

ком соила по мешку. — Когда будут с тебя шкуру спускать, вспомни, сколько овец да жеребят ты зарезал! Это твой волк, Казангап! Ты первым его увидел! Продашь шкуру — купишь себе новый чапан, а то совсем рваный носишь...

— У вас, дядя, чапан еще хуже, — дотронулся до старой одежды Сабыра Казангап. — Сначала вам нужно купить. А я потом!

— Жаксы! Хорошо! — улыбнулся Сабыр, погладив усы. — Ты — как твой покойный отец: он всегда уважал старших! Но только глупцы делают шкуру неубитого зверя!

Вместе с племянником Сабыр уложил мешок на испуганно захрапавшего коня.

— Чует волчий дух! — ласково-успокаивающе потрепав коня по боку, произнес Сабыр и вскочил в седло.

У юрты чабаны спешили, свалили мешок в тень, пустили коней пастись.

Сабыр вынул острый нож, попробовал ногтем лезвие.

Казангап сидел на корточках, внимательно смотрел за тем, как дядя готовится резать волка.

— Э-э, много волков в степи нынче, — словно сам с собой заговорил Сабыр. — Охо-хо, что-то будет...

— А почему жигиты ловят Алдар-Косе? — спросил Казангап. — Что он сделал? Может, за то, что он высмеял жадного мулла? Помните, дядя, как в юрте Алдар-Косе решил заночевать мулла вместе со своим ишаком? И как он потребовал еды для себя и для ишака? Алдар-Косе предложил им мяса и сена, ишак и мулла уехали голодными.

— Э-э, племянник, ты что-то путаешь! — усмехнулся Сабыр. — Не может быть, чтобы мулла отказался от мяса, а ишак — от сена.

— Отказались! Ведь Алдакён дал мулле сена, а ишаку — мяса! — И Казангап радостно засмеялся.

— Из-за такого пустяка не станут поднимать всю степь на ноги, племянничек! Э-э, наш Алдакен хитрец и весельчак! Откуда только у него это берется! Я знал отца Алдар-Косе — его убили бай, когда мальчишке было всего две-три зимы... Они с матерью остались без юрты и кочевали в степи от аула к аулу, как нищие... Алдакеном же его называли потом, когда уже все стали удивляться необычайной смекалке малыша...

— Я много о нем слышал, — весело продолжал Казан-

гап. — Говорят, как-то раз Алдар-Косе помогал сторожить лошадей. Табунщик ему сказал: «Здесь конокрады ходят, уздечки наших коней ночью из рук не выпускай». А ночью Алдар-Косе коней продал, деньги спрятал, заснул. Спит, а уздечки в руках держит. Утром табунщик смотрит: нет коней! Разбудил Алдар-Косе, спрашивает: «Где кони?» Алдар-Косе ему отвечает: «Ты же приказал уздечки из рук не выпускать, вот я и держу. А где кони, не знаю!»

Сабыр спрятал нож в ножны, задумался, погладил усы. Потом заговорил тихо:

— Вот, племянничек, старая притча. В большую беду попала перепелка: дом у нее загорелся. Горит гнездо, пылает. Прилетели на пожар разные птицы. Кто кричит, кто волнуется, кто издали смотрит. А ворон подлетел да в огонь соломку бросил. «Не хотела каркать по-моему, сказал, так тебе и надо!» Потом ласточка прилетела. И уронила из клюва каплю воды в пламя... Сгорело гнездо у перепелки, пришлось ей строить новое. Вот как...

— А дальше, дядя, что было?

— Ничего. Тут и притче конец... Ведь от соломки ворона пожар не стал злее. И от капли воды, которую ласточка принесла, огонь не погас. Но перепелка узнала, кто ее друг, а кто враг... Вот так и у нас: в беде сразу узнаешь, кто желает тебе зла, а кто — добра... Если услышишь, как будут говорить, что Алдар-Косе причинил кому-то из бедняков зло, — не верь, мой мальчик. Это говорят те, кто бросает в огонь, когда горят наши юрты, охапки сухой травы.

Казангап опустил голову.

— Если придется тебе увидеть нашего Алдакена, — продолжал Сабыр, — то ты сразу поймешь, какими бывают хорошие люди. И еще поймешь, что не нужно спешить, когда хочешь сказать плохое о ком-нибудь.

— А я слышал, — не сдавался Казангап, — что Алдар-Косе умеет ездить так хитро и тихо, что, когда подъезжает к аулу, на него даже собаки не лают. Но так, дядя, ездят только конокрады!

— Не понял ты меня, племянник. Тот, кто крадет коней, — злой судьбы человек. Он приносит беднякам-жатакам, таким, как мы с тобой, горе. Алдар-Косе ездит тихо, потому что у него много врагов — баи, муллы, старейшины... Тот, кто дружит с нами, с жатаками, богачам ненавистен. Вот один старый мудрый табунщик и открыл Алдакenu се-

крет своих дедов: ездить так, чтобы ни один пес никогда не залаял.

— Что же надо для этого делать? — вдруг раздался молодой задорный голос.

Казангап вскочил на ноги и широко раскрытыми глазами смотрел на непонятно откуда явившегося гостя.

Сабыр остался сидеть, только голову повернул к приезжему да за ус схватился.

Высокий круглолицый парнишка с острыми смеющимися глазами стоял перед чабанами. Сзади него, переминаясь с ноги на ногу, стоял и с любопытством поглядывал на чабанов худой верблюд неопределенной масти. На лбу верблюда, как маленькая луна, белела круглая лысинка.

Парнишка почтительно приветствовал Сабыра, потом лукаво отдал салем растерявшемуся Казангапу.

Сабыр встал, предложил гостю войти в юрту.

— Принеси кумыс! — приказал он племяннику.

— Позвольте, почтенный Сабыр-ага, — попросил парнишка, — пустить моего верблюда к вашим: устал он, бедняга.

Сабыр разрешил. Парнишка вмиг развьючил верблюда, повозился немного с какими-то корешками, потер верблуду лоб, бок. Потом верблюд сам, словно он вырос на этом жайляу, побежал к табуну, который пасся далеко за овечьей отарой.

Парнишка, не выпуская из рук снятых с верблюда мешков, зашел следом за Сабыром в юрту.

Казангап, тащивший большую деревянную чашу с кумысом, остановился, проводил тощего верблюда взглядом: бежит, словно летит! И ни одна овчарка на него не обращает внимания, словно он не чужой! Вот колдовство!

В юрте шел вежливый, обычный для степных жителей, разговор: взаимные расспросы о благополучии, о здоровье.

Парнишка, к удивлению Казангапа, оказывается, отлично знал всех их родственников. То и дело спрашивал:

— Как здоровье Айгыз? Да продлятся ее годы! А как себя чувствует Батимá-апа? Все еще жалуется на ломоту в ногах?

— Э-э, ты меня, видно, за бая принимаешь! — отмахивался довольный Сабыр. — Это ведь у бая семь колен родичей знать нужно!

— Каждый казах сам себе бай, — ответил парнишка. —

Только не все бедняки об этом знают... А что делает Казангап, сын покойного твоего брата Али?

— Казангап сильно вырос. Совсем большой стал. Ты даже не узнал его! — улыбнулся Сабыр.

— Э-э, так вот он какой! — Гость весело поглядел на Казангапа, перемешивающего кожаным черпаком кумыс в чаше. — Разве узнаешь? Молодец!

И снова начались вопросы о родственниках, их детях, знакомых.

— Волков сейчас много в степи... Опасно стало ездить, — сказал Сабыр, когда с расспросами было покончено.

— Мы сегодня схватили одного! — нарушая приличия, вмешался в разговор старших Казангап. — Большой!

Он поймал недовольный взгляд дяди, но подумал про себя: «Этот приезжий чуть старше меня. Весны на три, не больше! А дядя с ним обращается, как с аксакалом! Чудно!»

— Есть волк в мешке, — подтвердил Сабыр. — Упал в колодец, вытащили...

Но, видно, волк, даже живой, совсем не интересовал приезжего. И это показалось Казангапу еще более странным.

— Тяжелый был путь? — спросил Сабыр с беспокойством.

— Нет ничего тяжелее пустого желудка, — улыбнулся таинственный парнишка.

Казангапа послали за сыром-күртом, за лепешками.

«Такой вежливый и почтительный гость, — не успевал удивляться Казангап, — и вдруг просит есть! Ух, кажется, никогда бы язык у меня не повернулся сказать такое!»

Когда Казангап внес в юрту угощение, то разговор между дядей и парнишкой был в разгаре.

— У жатаков в Белой степи жигиты Аблая угнали сто овец, — перечислял Сабыр, — и в нашем ауле угнали двадцать коней...

— Жаксы, хорошо, жаксы, — полузакрыв глаза и покачиваясь всем телом, приговаривал парнишка. — Видно, баи решили, что им все равно: отвечать за один грех или за сто. От камня больше пользы, чем от человека, потерявшего совесть. Что ж, хорошо, сочтемся! — гневно проговорил парнишка.

Он внимательно посмотрел на вошедшего Казангапа. Обычно смеющиеся глаза приезжего на этот раз были суховаты.

— А как ты считаешь, Казангап, какие волки опаснее — у которых четыре ноги или у которых две? — спросил странный гость.

— И с тех и других нужно спускать шкуру, — уверенно ответил Казангап. — У тех и у других, хоть брюхо и набито, глаза голодны!

— Э-э, хорошо сказал, сын Али-ага, хорошо! — улыбнулся гость.

Во время еды Казангап снова не сводил взгляда с приезжего: как он успевает — быстро есть да еще говорить?

Тут же попробовал было сам сказать что-то с полным ртом, но закашлялся, чуть не подавился.

Дядя с осуждением поглядел на племянника: мол, так себя не ведут.

Приезжий же не умолкал ни на минуту, не забывая тем временем и угощения.

— Я и мой Желмая всегда точно предсказываем погоду в степи, — весело рассказывал он. — Когда в небе появляется тучка, я говорю: «Будет дождь». А верблюд никогда со мной не соглашается. Всегда выходит, что прав или он, или я. Вот поэтому у нас никогда и не бывает ошибок!.. Сансызбай предлагал за моего верблюда сто голов коней!

— Сделка состоялась? — спросил Сабыр.

— Конечно, — беря с деревянного блюда последний кусок лепешки, кивнул головой гость. — Я отдал своего Желмая и взял сто коней. Коней я раздал жатакам, а через пять дней Желмая прибежал ко мне. Ему не привыкать возвращаться! Он находит меня в степи, как собака!

— Угощайтесь, угощайтесь, — приветливо пододвинул гостю блюдо с куртом Сабыр. — Видно, тяжела была дорога...

— Когда мудреца спросили, — приступая к курту, сказал гость, — в какое время следует принимать пищу, то он ответил так: «Богатому — когда проголодается, а бедному — когда есть что есть». А вы не слышали, Сабыр-ага, как прошлой осенью на празднике у Аблая я убил его любимую собаку? Он, для того чтобы позабавиться, стал ее на меня награвливать. Я стукнул ее топором, почти пополам разрубил. Аблай-бай немедленно потащил меня к судье — бийю. «Почему ты убил ее?» — спросил бий. «Она на меня бросилась!» — ответил я, и это было правдой. — Она бросилась на меня, а я выставил вперед топор. Собачка ударилась об него и сдохла».

Что же, вы думаете, друзья, ответил мне мудрый бий? «Нужно было выставить вперед не топор, а топорище, древко». — «Вот если бы она собиралась укусить меня хвостом, — сказал я, — тогда я бы выставил вперед деревянную ручку — топорище...»

Послышался сначала далекий, а потом все более близкий лай овчарок.

— Опять жигиты скачут, — взволнованно произнес Сабыр и схватился за ус. — Как быть?

— Я останусь здесь, — сказал гость, — а вы идите им навстречу. Если они заглянут сюда, то меня не увидят... За Желмаю не беспокойтесь: он в игольное ушко проскочит, если надо будет!

— Казангап, спрячь угощение! — приказал Сабыр выходя. — Быстрее!

Топот слышался уже совсем близко.

Сабыр взволнованно погладил усы. Казангап вышел из юрты и с любопытством смотрел на мчащихся к ним всадников.

Жигитов было шестеро. У двоих в руках — соилы. Тот, что скакал последним, отмахивался камчой от овчарок.

— Какие кони! — восхищенно шелкнул языком Казангап. — Вот бы поскакать хоть разок на любом!

Жигит на караковом, черно-буром скакуне, скакавший первым, резко осадил. Хлопья пены с морды коня упали на чапан Сабыра, на лицо Казангапа.

Считая ниже своего достоинства приветствовать каких-то безродных табунщиков, жигит не отдал салаема, а крикнул:

— Это табуны Шик-Бермеса?

— Да, — поклонился Сабыр.

— Эй, кто-нибудь! — приказал жигит своим спутникам. — Скачите к верблюдам — проверьте, нет ли там верблюда с лысиной на лбу! Ты, — жигит указал камчой на струхнувшего Казангапа, — скачи с ними, отгони псов!

Двое всадников следом за Казангапом поскакали к верблюдам.

— Кто-нибудь сегодня проезжал тут?

— Утром были жигиты, — ответил Сабыр, спокойно поглаживая усы, — и больше никого.

— Мы ищем Алдар-Косе, — сказал жигит. — Ты его знаешь?

— В степи разговоров больше, чем людей. Слышал это имя.

— Может, ты видел его вчера или позавчера? — Жигит пристально всматривался в глаза Сабыра, и камча, как змея, извивалась в его крепкой руке.

— Спрашивай не у того, кто много прожил, а у того, кто много видел, — вздохнул Сабыр. — Мы же ничего не видим тут. Наше жайляу лежит далеко от степных дорог и путей... Проходите в юрту, дорогие гости... Выпейте холодного кумыса, — поклонился Сабыр.

Но жигиты решили выпить кумыс, не сходя с коней, — видно, очень торопились и только ждали, чем кончится осмотр верблюдов.

Пока Сабыр выносил из юрты кумыс, вернулись Казангап и всадники.

— Желмай там нет! — сообщили они.

Казангап даже не слез с седла. Он, видно, был так удивлен осмотром верблюдов, что еще не пришел в себя: глаза его были полны недоумения и по лицу бродила растерянная улыбка.

Сабыр обнес всех кумысом.

— Если здесь появится Алдар-Косе, — сказал старший из жигитов, — то пошли весть Шик-Бермесу. Если узнаю, что ты нас обманул, — сброшу тебя со скалы. Понял?

Всадники повернули коней и умчались по дороге, ведущей в долину.

— Хош, прощайте! — почтительно кланяясь вслед жигитам, пробормотал Сабыр. — Чтобы вы все разбились в первом же ущелье, волки!..

— У верблюда, на котором приехал наш гость, — сказал Казангап, слезая с коня, — тавро Шик-Бермеса. И лысины на лбу нет. Как же это может быть, дядя?

— Ты сам и спроси об этом нашего гостя, — улыбнулся Сабыр, провожая взглядом всадников.

Когда они скрылись из глаз и овчарки успокоились, дядя с племянником вошли в юрту.

Юрта была пуста.

— Он исчез! — удивленно воскликнул Казангап.

Зашевелилась кошма у самого порога, и оттуда показался улыбающийся во все лицо парнишка.

— Ох, и поспал я сладко! — потянувшись, сказал он. — А в степи, видно, идет байгá — скачки. Скачут жигиты на

расстояние дневного пути? Целый день скачут, скачут... И кто победил?

— Тот, кто не скачет, — усмехнулся Сабыр, довольно поглаживая усы.

— Значит, не я, — произнес парнишка, вставая на ноги. — Мне пора в путь.

— Оставайся у нас, — предложил Сабыр. — Пусть станет спокойно в степи. Шик-Бермес такой же зверь, как Аблай. А зверь к зверю в логово часто не заглядывает. Здесь ты спокойно проживешь два-три дня!

— Что же еще натворил Шик-Бермес? — спросил гость. — Он вернул Одёк-апе баранов?

— Ну что ты! Он скорее умрет, чем выпустит соломинку из рук!

Гость вышел из юрты, свистнул один раз коротко, один раз длинно. Из далекого табуна выскочил тощий верблюд и, легко касаясь земли, помчался к табунщикам.

Рыжий вихор на макушке гостя трепетал на легком ветерке, как язычок маленького костра.

Сабыр вынес мешки-вьюки, а Казангап — шапку гостя, которая лежала под кошмой.

— Была бы голова на плечах, а малахай найдется! — беря из рук Казангапа шапку, сказал гость. — Ты молодец! Отец гордился бы тобой!

— Э-э, сынок, — задумчиво промолвил Сабыр, — если уж сюда два раза заглядывали стаи Аблая, то он знает твой путь. А день еще не кончен.

— Что же делать, Сабыр-ага? — спросил гость.

— Если мой скромный совет поможет, я буду счастлив, — приложил руку к сердцу Сабыр. — Опять говорю тебе: хотя бы день не появляйся в степи... Пусть все утихнет. Погоня устанет и вернется в свои аулы.

Парнишка нахлобучил шапку, задумался.

— Верно, пожалуй, — проговорил он после молчания. — Лучше, конечно, спрятаться здесь, но... у меня счеты с Шик-Бермесом. Ведь он не вернул баранов Одек-апа!

Подбежал верблюд. Продолжая жевать траву, он оглядел собеседников, словно пытаясь разобраться: о чем же они договорились?

Сабыр начал приторачивать мешки-вьюки, а гость, подмигнув Казангапу, поплевал на ладонь и отер с верблюжьего лба желтую краску, скрывавшую лысину-луну.

— Отправляясь в дальнюю дорогу, не забудь взять с собой осторожность, — сказал гость Казангапу.

— Все готово, — произнес Сабыр.

— А почему наши овчарки не лают на этого верблюда? — спросил Казангап, с восхищением глядя на гостя.

— Есть у меня баночка с каким-то салом — подарок одного аксакала, — охотно ответил парнишка. — Как намажешь Желмае ноги, ни одна собака рта не раскрывает. Видно, отбивает этот жир верблюжий запах. А может, Желмая начинает пахнуть по-собачьи, кто знает?

Верблюд пошевелил горбом, словно плечом пожал, — дескать, действительно, кто знает?

— Я тоже хочу вам сделать подарок, — сказал Казангап. — Мы сегодня волка поймали, дядя сказал, это мой волк. Я дарю вам его.

— Зачем он ему? — удивился Сабыр. — В аул, да с волком, живым?

— Очень хорошо! — рассмеялся гость. — С живым волком можно сделать гораздо больше, чем с мертвым! Я еще не знаю, зачем он мне, но мы с Желмаей что-нибудь придумаем! — И он поблагодарил Казангапа.

— Не жалко тебе нового чапана? — подтолкнул локтем Сабыр племянника.

— Новой одежде радуешься один раз, старой — пока не износится! — ответил Казангап и радостно рассмеялся: он был очень рад, что такой необычный подарок пришелся по вкусу такому необычному гостю.

Приторачивая мешок с волком на верблюда, гость сказал:

— Э, Желмая мой, мы с тобой возили баев и мулл, а это всего-навсего волк!

Когда гость простился с чабанами и уселся в седло, Казангап вдруг взволнованно спросил:

— Скажите, ага, а почему жигиты ловят вас?

Сабыр дернул племянника за рукав чапана, но было уже поздно.

Гость весело поглядел на Казангапа, затем глаза его посуровели, и он ответил тихо:

— Потому что я еду в Шойтасу!

— Да будет благословен твой путь, Алдакен! — сказал Сабыр сердечно.

— Хош! Прощайте! — крикнул гость, и верблюд легко побежал к долине.

К Шойтасу?! Казангап был поражен. К самому великому богатырю Шойтасу! И еще задерживается в ауле из-за вдовы Одек! Э-э, странный этот Алдар-Косе! Уж он-то, Казангап, если бы его послали к Шойтасу, бросил все на свете и мчался бы к Дальним горам день и ночь, без остановок!

ШОЙТАС-БОГАТЫРЬ —
ГРОЗА БАЕВ

Солнца халатом не прикро-
ешь.

Казахская пословица

Шойтаса-богатыря Алдар-Косе никогда и не видел. Впрочем, никто из тех бедняков-жатаков, которые послали Алдар-Косе в Дальние горы, тоже не встречался с могучим Шойтасом.

Но не было ни одного казаха на всем пространстве от Иртыша до Ала-Тау, который бы не знал о славном богатыре Шойтасе — защитнике бедняков и грозе степных богатеев.

Акыны в песнях называли его «человеком тверже камня и нежнее цветка».

Шойтас был тверд, как камень, когда бился с врагом, и был нежнее цветка, когда встречался с другом. В степи не знали богатыря честнее его и бесстрашнее.

Как говорит народная молва, однажды, еще мальчиком, он заплакал: жигиты бая угнали у отца Шойтаса весь скот.

Мать подошла к плачущему сыну и дала ему пощечину.

— Я думала, сын мой растет мужчиной, — сказала она, — а он льет слезы тогда, когда нужно сжимать кулаки и стискивать зубы!

С тех пор Шойтас не плакал ни разу.

Даже тогда, когда аткаминеры — родовые старшины — сожгли за непокорство их юрту и убили отца.

Даже тогда, когда бродил вместе с матерью по бескрайним степным просторам, изнывая от холода и голода.

Даже тогда, когда видел горе людское.

Он только сжимал кулаки и стискивал зубы. Он старался запомнить слезы старух и женщин, бессильный гнев стариков и мужчин, страдания детей.

Он ждал, когда у него хватит сил отомстить за себя и за народ.

Незадолго до своей гибели во время степной пурги мать Шойтаса рассказала сыну сказку, которую мальчик запомнил на всю жизнь. Это была сказка про хозяина земли.

...Жил на свете бедный казах, по имени Мусá. Он пас овец, выделявал овчины, дрался с волками, спасал свою отару от голода во время снеговых заносов и степных засух. И все же еды часто не хватало, чтобы дотянуть от весны до весны. Стал Муса черным и согбенным, как обгорелый сушок.

— Эх, быть бы богатым! — бормотал Муса, обливаясь потом во время летней жары или дрожа зимой от мороза. — А то я и выспаться не успеваю, не то что поесть досыта. Вот бы мне стать самым богатым баем в степи! Чтобы мне принадлежали все табуны коней и верблюдов, все стада и все пастбища! Чтобы я был хозяином земли!

Однажды встретил Муса старого-престарого акына. Усталый старик, закинув домбру себе на спину, ехал на старом коне.

Поговорили о том о сем. Пожаловался Муса на свою жизнь, рассказал о своей мечте. Улыбнулся акын, взял в руки домбру и молвил:

— Будь по-твоему!

И только тронул струны, как все исчезло — и жалкая отара Мусы, и горы, и степь...

Сидит Муса в богатой белой юрте, на коврах, пьет кумыс, и самые богатые баи гнут перед ним шеи.

Исполнилась мечта Мусы — он самый богатый человек в степи! Степной хан!

Ох, и жирная же пошла жизнь!

Но через некоторое время Муса узнал, что есть на свете и другие ханы, султаны, эмиры, короли, цари, императоры... И захотелось ему быть царем царей, шахиншахом всей земли. И чтобы всякие там прочие ханы-султаны были у него в услужении.

— Вот тогда бы я стал хозяином земли!

Потерял из-за своей мечты Муса-бай аппетит и сон. И, когда в тысяча первый раз произнес слова: «Как хочу я стать царем царей, чтобы быть хозяином всей земли...» — снова встретил знакомого акына с волшебной домброй. Положил певец пальцы на струны, и... стал Муса царем царей!

Все, что есть на земле, — все в его владениях! Судьбы всех смертных подвластны ему одному. Нет предела могуществу Мусы! Теперь он хозяин земли!

Только начал Муса привыкать к новой жизни, как заметил: во дворце что-то неладно. Слуги шепчутся, визири-министры волнуются...

— О повелитель всей земли! — сказал наконец главный визирь. — Мы не знаем, в чем дело, но во дворце почти не осталось еды! Нет мяса, нет молока, нет хлеба! На земле пропали все пастухи, все хлебопашцы, все табунщики! Что делать, о царь царей?

Муса повелел немедленно отыскать пропавших. Но никогда найти не удалось, а во дворце уже совсем нечего стало есть, и слуги потихоньку начали убегать куда глаза глядят — голода они боялись больше, чем гнева царя царей!

Потом исчезли и министры-визири: то ли умерли от голода, то ли отыскиали для себя более сытое местечко.

Ничего не оставалось Мусе, как уйти из опустевшего дворца и пойти в поисках пищи по первой попавшейся дороге.

И тут он вновь встретил старого акына. Усталый старик ехал на старом коне, и волшебная домбра лежала перед ним.

— Отец, я хотел быть хозяином земли, — сказал Муса. — Но вот что из этого вышло... Я царь царей, а какие-то пастухи, какие-то презренные хлеборобы, оказывается, сильнее меня... Помогите мне стать настоящим хозяином земли!

Зазвучали струны домбры, и... Муса очутился возле своего маленького стада, у своей старой юрты. Хорошо еще, что, пока он царствовал, в его отаре ни одной овцы не пропало!

Первое, что сделал бывший могучий царь царей, — это наелся досыта. Наелся, оглядел родное пастбище и почувствовал себя настоящим хозяином земли!..

...Шойтас рос и все больше и больше чувствовал себя сыном своей земли, хозяином своей земли, защитником своей земли.

Однажды, уже юношей, он зашел в юрту к одному из самых богатых степных баев и, так как никто не обратил на него внимания, громко произнес:

— Что же вы так неучтиво встречаете владыку?

Все удивились дерзости нищего пришельца, а бай, предвкушая развлечение, спросил:

— Чем же ты владеешь?

— Ничем, — спокойно ответил Шойтас.

— Почему же ты называешь себя владыкой? — усмехнулся бай.

— Я владел стадом — его у меня угнали. Я владел юртой — ее сожгли. Я владел конем — его украли. Я был владыкой стада, юрты, коня, но стадо, юрта и конь пропали. Осталось только слово — владыка. Я владыка ничего. Поэтому мне принадлежит все!

Шойтас взялся двумя руками за опоры большой байской юрты и так ее потряхнул, что сломал шесты, и войлочный шатер рухнул, накрыв собой богача и его гостей.

А сам Шойтас сел на лучшего байского коня и ускакал.

Жигиты бросились за ним, но не смогли совладать с юношей-силачом: он разметал байских храбрецов, как волк разбрасывает ягнят.

С той поры стала расти в народе богатырская слава Шойтаса.

Он раздобыл себе такого коня, о котором говорили, что передние его ноги — как ветер, а задние — как молния. Конь этот бегал так быстро, что мог зубами схватить летевшую низко птицу.

О силе же Шойтаса-палуана, Шойтаса-богатыря складывали легенды. Говорили, например, что он один справился с сотней жигитов, которые прискакали в аул бедняков-жатаков, чтобы сжечь его.

...Что одной рукой Шойтас вытаскивал за задние ноги свалившегося в колодец верблюда.

...Что, когда богатеи пытались в степи затравить Шойтаса овчарками, он так исхлестал камчой-десятихвосткой верных байских псов, что они, ошалев от боли, перекусили сначала друг друга, а потом и своих хозяев.

Голос богатыря был так силен, что соперничал с громом, и стоило только Шойтасу крикнуть посильнее, как из туч начинал литься дождь.

Те, кто видел, как он сражался с байскими жигитами,

рассказывали, что Шойтас кидался верблюдами, словно камнями. Он легко поднимал на́ра — одногорбого верблюда — за ноги и, повертев им над головой, метал его в толпу врагов.

Многие поэтому и звали Шойтаса Нарату́, то есть кидаящий нара, верблюда.

Да мало ли легенд о могучем Шойтасе бродило по степи!

Богатыри-палуаны жили и до Шойтаса. Но ни один из них не защищал бедняков так истово, так преданно, как он. Стоило ему услышать о каком-нибудь бесчинстве, учиненном богатеями, как на бая, виновника беды, обрушивалось несчастье. Горела его юрта, пропадали табуны его лучших коней, заболели байские жигиты. И как только Шойтас успевал почти одновременно оказываться то в одном конце степи, то в другом? Видно, его чудесный легконогий конь трудился без отдыха!

Но те, кто считал себя хозяевами степи — богачи со своими прислужниками, — все еще не верили в силу Шойтаса, не принимали его всерьез. Думали они так: молод еще палуан, силен, да неразумен. Придет время — поумнеет, захочет богатой жизни, тогда мы его приберем к рукам и все, что потеряли, вернем сторицею!

Однажды молва народная разнесла по степи большие новости: будто попал Шойтас во дворец к самому хану!

Дело было, если верить слухам, так. Хан от скуки решил поразвлечься и приказал слугам привести к нему во дворец самого глупого человека на земле.

Слуги вскочили на коней и помчались выполнять повеление своего хозяина. По дороге, однако, они решили устроить совет: слезли с коней, уселись в тень.

— Где же нам отыскать самого глупого человека? — растерянно произнес один.

— И как мы узнаем — самый ли он глупый? — спросил второй.

Третий оказался смышленее своих товарищей:

— Вот если бы нам нужен был мудрец, то пришлось бы искать долго. А дураков на земле, как овец в отаре! Мы просто возьмем первого, кто нам попадется, и привезем во дворец! Как хан сможет узнать, что это не глупец? Ведь перед очами нашего грозного повелителя даже любой мудрец от испуга глупеет! Вы, когда стоите перед ханом, можете хоть два слова сказать? А?

— Нет, — сознался первый. — У меня от страха даже язык куда-то проваливается...

— А у меня сердце замирает! — вздрогнул другой жигит.

Так и порешили они: привести хану первого, кто им под руку подвернется.

Первым им повстречался в степи пастух, который рыл колодец.

— Брось свое глупое занятие, — сказали слуги хана, — едем во дворец!

— Для вас это, может, и глупое занятие, — ответил пастух, — а мой старый колодец высох. Если я не напою овец, они погибнут! Нет у меня времени ехать во дворец! Пусть туда едет тот, кому делать нечего!

— Кажется, он не такой уж глупец! — переглянулись слуги.

Поехали посланцы хана дальше и увидели женщину, которая возле юрты варила сыр — курт.

— Тебя зовет хан! — сказали они. — Едем!

— Что случилось? — удивилась женщина. — Зачем я ему нужна?

— Хан ищет глупого человека. Ты ему подойдешь. Была бы ты умная, разве спорила бы с тремя жигитами?

Женщина схватила шест, который лежал возле юрты, и грозно им взмахнула:

— Я работаю, чтобы прокормить своих детей! А вот бездельники, которые шатаются по степи, — настоящие глупцы! Поезжайте сами к своему хану! Привезите ему самих себя! А мне некогда!

— Кроме того, что она глупа, она еще и нахальна! — обиделись слуги. — Так отругать нас, посланцев великого хана! Ее ко дворцу близко и подпускать нельзя!

— Так мы никогда не отыщем то, что нам нужно, — сказал один из слуг. — Никто не захочет признать себя глупцом. Давайте просто схватим того, кто нам сейчас на глаза попадется.

Тогда-то и повстречался жигитам Шойтас. Он помогал беднякам-жатакам взрыхлять землю под посеvy.

— Кончай работу, ты, длинный! — приказали ханские слуги. — Поедешь с нами к хану!

— Не видите: я занят делом, — спокойно ответил Шойтас.

— Чего с ним разговаривать? — бросаясь на Шойтаса, воскликнул один из жигитов. — Хватайте!

Через секунду он оказался вместе со своим конем заброшенным на ближайший холм. Ноги второго жигита торчали из колодца. А третий, как кол, был всажен в землю по самые колени.

— Видно по всему, — сказал Шойтас мирно, — что вы глупцы. Сейчас страдная пора — много работы и у табунщиков, и у чабанов, и у земледельцев, а вы всем мешаете! Но самый большой глупец ваш хан, который не знает, как время убить!

— Ты оскорбил хана, несчастный! Пеняй на себя! Тебя ждет смерть! — закричали жигиты и помчались во дворец жаловаться.

А им вдогонку неслись раскаты грома — это хохотал Шойтас.

Хан повелел привести к нему дерзкого казаха. Конечно, и двум десяткам ханских слуг не справиться бы с Шойтасом, но ему самому было интересно побывать во дворце, и он туда охотно поехал. Слуги же сопровождали его, как свита.

— Значит, я глуп? — зло сказал хан, когда Шойтас пришел к нему. — А себя ты считаешь умным? Ну, тогда пойди к моему лучшему жеребцу, поухаживай за ним и скажи мне, что ты о нем узнал... Ошибешься — голова с плеч!

Шойтас усмехнулся и отправился на ханскую конюшню.

Жеребец и действительно был чудом природы — сильным, быстрым, выносливым. Ему далеко было до коня Шойтаса, но среди прочих скакунов он не знал себе равных.

Три дня ухаживал за ним Шойтас и на четвертый явился к хану.

— Твой жеребец, — сказал Шойтас, — гордость степей. Но в нем есть повадки осла и коровы.

Хан чуть не умер от гнева: он топал ногами, стучал кулаками, а бесцветные глаза его едва не выскочили из глазниц — раздулись, как дождевые пузыри.

— Сожгите этого глупца, стреляйте в него отравленными стрелами, сбросьте на него скалу! — визжал хан.

Но старый конюх хана сказал:

— Не гневайся, повелитель! Этот человек прав. Твой конь родился во время перекочевки табуна, мать его пала

в дороге, и нам пришлось выкармливать его коровьим молоком. А рос он первый год вместе с ишаками, так уж получилось...

— Как же ты догадался о том, чего никто не знал? — испуганно спросил хан Шойтаса.

— Я не отходил от коня ни на миг, — ответил Шойтас, — и заметил, что он, выходя из реки, трясет задней ногой: так делают только коровы. А иногда во сне он вдруг начинал реветь, как осел. Вот и все.

— Он, пожалуй, не такой уж дурак, — сказал хан своим мудрецам. — Но мне хочется еще раз испытать его...

И хан начал советоваться со своими придворными, что бы придумать? Ведь идет спор, кто глупее: этот степняк или он, великий хан? Нужно дать дерзкому казаху такое дело, с которым справиться нельзя, и тогда хан будет торжествовать победу!

— Вот что, — решили мудрецы, — пусть он от восхода до захода солнца сумеет вырыть в степи пять десятков колодцев. Если он этого не сумеет сделать, то он глупейший глупец из самых глупых!

И все придворные захихикали, предвкушая победу над Шойтасом, — ведь вырыть полсотни колодцев за день было не под силу и двум десяткам жигитов!

— Хорошо, — согласился Шойтас, — только дайте мне самый большой меч, который есть во дворце!

Ему принесли громадный, тяжелый и широкий древний меч, который впору было поднять только пятерым силачам сразу.

— Солнце уже клонится к земле, — сказал Шойтас, — но до захода я вернусь!

Богатырь легко, словно перышком, взмахнул мечом, вскочил на коня и умчался в степь. Махнул мечом — земля до самой воды расступилась. Сто раз воткнул меч в землю, сто раз вытащил — сто колодцев готовы!

Не успело солнце коснуться земли, как Шойтас уже снова стоял перед ханом.

Хан щедро наградил богатыря — дал Шойтасу пшеничную лепешку, а слуги поднесли чашу кумыса.

— Если уж ты такой умный и сильный, — сказал хан, — вот тебе последнее мое повеление: отвечай, где находится наш бог — аллах?

— Пусть все уйдут, великий хан, — попросил Шойтас. —

Я буду говорить с аллахом, и эту тайну узнаем только мы вдвоем.

А когда они остались одни, Шойтас повел такую речь:

— Хан мой, если я в своем бедном платье обращаюсь к аллаху, то он не захочет меня выслушать. Ведь бог — хан над всеми ханами, и, чтобы говорить с ним, я должен иметь вид хана. Поэтому ты оденься в мою одежду, а я оденусь в твою. И тогда мы все узнаем!

Глупый хан согласился, и они переоделись.

— Теперь встань передо мной на колени, — сказал Шойтас, — чтобы аллах не заметил подмены!

Хан встал на колени.

И тогда Шойтас громовым своим голосом позвал жигитов, слуг и мудрецов. Он сказал им:

— Вы искали самого глупого человека в нашем ханстве? Вот он, стоит передо мной на коленях! Неужели вам не стыдно служить такому дураку? Не позорьте себя больше, увезите его в пустыню, и пусть он там будет правителем шакалов, пока они его не сожрут!

Хана, который до того испугался, что лишился языка и только мычал по-коровьи, увезли в пустыню и бросили там среди раскаленных песков. А Шойтас стал ханом.

Степные богатеи сначала радовались: вот, решили они, стал богатырь ханом, теперь и будет вести себя по-хански, забудет о нищих, станет привечать баев да мулл.

Но их мечтам и надеждам не суждено было сбыться. Шойтас остался прежним.

Он сразу же отменил налоги и поборы, начал помогать беднякам. Соседние ханы, узнав о том, что степью правит бедняк, испугались. Ведь бедняки из их аулов тоже могли в таком случае стать ханами!

Пять, а может, десять ханов, султанов и эмиров собрали своих жигитов и объявили войну Шойтасу.

Шойтас не боялся битв. Но ведь от них пострадали бы прежде всего бедные казахи! У них сожгут юрты, разграбят их стада, потопчут поля и пастбища.

Золото не ржавеет, умный не зазнаётся.

Не захотел приносить своему народу горя богатырь Шойтас.

И Шойтас бросил дворец, ускакал в степь, чтобы снова мчаться по ней от края и до края, помогать бедным, не давать их в обиду...

Богатырь легко, словно перышком, взмахнул мечом...

...Однажды в одном из аулов встретил богатырь старого акына.

Он спел насмешливую песню о Шойтасе, который думает, что он богатырь, а на самом деле — слабая былинка.

Шойтас разозлился, но акын продолжал его высмеивать.

— Ты думаешь, что можешь один перевернуть землю, — сказал он богатырю. — Ты был ханом, но не смог помочь народу... Потому что ты был один...

И акын рассказал богатырю притчу о перепелках.

...Охотник ловил в степи перепелок. У него была большая сеть, которой он накрывал стаю. Пока птицы испуганно метались под сеткой, охотник по очереди убивал их. Старый мудрец перепел посоветовал птицам: если уж попались, то пусть каждая просовывает голову в ячейку сетки, и все вместе поднимают сеть в воздух и летят куда-нибудь подальше. А уж там, вдали от охотника, спокойно распутываются.

Так птицы и делали. И часто спасались от беды. Спасались до той поры, пока не начали ссориться между собой, куда лететь. Одни рвались в одну сторону, другие — в другую. А сетка оставалась лежать на месте, и охотник настигал птиц.

— Ты, богатырь, как перепелка, — закончил акын. — Летишь куда придется. И другие палуаны летают по степи тоже сами по себе... Если вы хотите помочь народу, летайте вместе!..

Говорят, будто после этой встречи с мудрым акыном Шойтас собрал вокруг себя тысячу силачей, стал жить в Дальних горах и оттуда — с поднебесной высоты — смотреть за тем, чтобы баи не обижали бедняков.

С той далекой поры жигиты Шойтаса лишь однажды спустились в степь. Это случилось тогда, когда у жатаков-бедняков уже не стало мочи терпеть обнаглевших богатеев.

Чтобы сделать бедняков совсем нищими, заставить их работать на себя, баи шли на любые злодеяния.

На тощие хлебные поля казахов совершали набеги тысячные байские табуны; после них вместо нивы оставалась голая земля.

Угонялись стада бедняков — это называлось барымтой. Баи даже особо награждали тех жигитов, которые успевали угнать больше скота у бедняков. Такие жигиты — барымтачи — наводили страх на аулы, ими матери пугали детей, как шайтаном — чертом.

Часто у бедняков отбирались пастбища, выпасы — баи просто забирали себе эти земли и не давали жатакам пасти там свой скот.

А если жатаки объединялись, чтобы защититься от бесправия, то такие непокорные аулы баи сжигали.

— Видно, забыли злодеи о Шойтасе, — все чаще говорили обездоленные казахи. — Нужно послать весть нашему защитнику...

И жигит с перьями филина на шапке — зна́ком того, что он несет срочное известие, — был отправлен в Дальние горы.

Баи узнали об этом и долго потешались над бедняками:

— Сколько лет прошло. Вашего Шойтаса давно след простыл. Он или за горы ушел или погиб со всеми своими палуанами... Лучше молитесь аллаху — он скорее поможет!

Но посланец бедняков доскакал до Дальних гор. И хотя не видел самого Шойтаса, но встретил там одного из его жигитов.

Долго рассказывал гонец о горе казахов: сколько людей погубили баи, сколько юрт сожгли, сколько скота угнали, сколько полей потравили.

Ничего не сказал горный жигит, вскочил на коня и скрылся в ущелье.

А через несколько дней загорелись юрты богачей.

Пропали лучшие байские табуны: кто-то угнал их в далекие Калмыцкие степи.

Исчезли и те баи, которые особенно лютовали.

Остальных предупредили: если кто-нибудь по-прежнему будет обижать бедных, то и их постигнет кара — погибнет не только сам бай, но и весь его род будет уничтожен.

Вновь на всю степь зазвучал голос Шойтаса:

— Живите в мире! А если я приду к вам, богачи, в следующий раз, то вы все погибнете!

Потом горные жигиты исчезли так же неожиданно, как появились.

Богатеи притихли. Уж очень велико было их разорение, да и страху они натерпелись.

Бедняки вздохнули свободно. Два лета они пасли свой стада без помех, выращивали хлеб, растили детей.

Но, видно, нет ничего на земле живучее зависти, злобы и жадности.

Снова всякими правдами и неправдами богачи стали

прибирать бедняков к рукам. Опутали их хитрыми родовыми и племенными законами, обычаями, обрядами.

Бии-судьи держали сторону богачей.

Родовые старшины и аксакалы хитрыми речами заманивали простодушных и честных бедняков в свои сети: вспоминали старые долги, требовали выполнения древних обязательств.

Дальше—больше. Все наглее вели себя баи. Видно, стали забывать о том, что им сказал Шойтас.

Начались новые поборы, налоги, грабежи дневные и ночные.

Начались потравы полей у жатаков, угон скота.

Горели аулы бедняков. Силой у них отбирались луга.

Тех, кто возмущался, закапывали живьем в землю, травили собаками.

Тому, кто поминал Шойтаса, вырывали язык.

— Забудьте об этом разбойнике! — бесновались баи. — Его уже давно шайтан забрал!

Застонал народ.

Тайно собрались старейшины жатаков-бедняков и решили послать гонца в Дальние горы.

Но баи перехватили посланца и убили его.

Поехал второй жигит. И тоже погиб.

Богачи радовались:

— Никто не доберется теперь до Шойтаса! Ни зверь, ни птица! Уж мы-то позаботимся!

Вот тогда-то бедняки надумали послать в Дальние горы самого хитрого и смекалистого человека: Алдар-Косе.

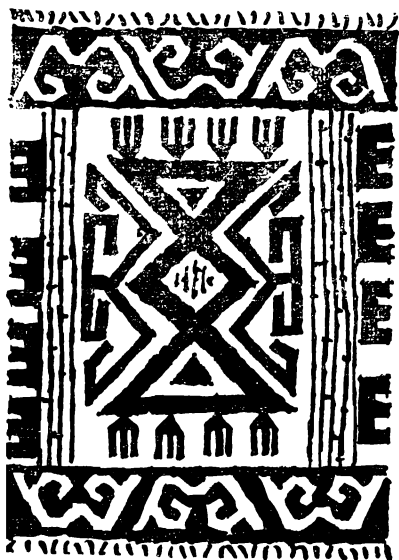
— Он обманет баев и доедет до гор, — сказали старики. — Он наша последняя надежда!

Вот почему всполошились баи и самый богатый из них — Аблай.

Он хорошо понимал: если Алдар-Косе доскачет на своем легконогом Желмае до Шойтаса, то ему, Аблаю, за все его злодеяния придет конец.

А если удастся поймать Алдар-Косе и казнить его, то никто больше не осмелится ехать в горы.

Глава четвертая

ЗНАМЕНИТЫЙ ШИК-БЕРМЕС

Дураки все одинаковы, нет среди них ни старшего, ни младшего.

Казахская пословица

Может, и нашлось бы еще в степи несколько стариков, которые помнили,

что настоящее имя Шик-Бермеса — Шига́йба́й. Но спроси любого казаха, кто такой Шига́йбай, — он только руками разведет в ответ. А спроси: «Знаешь Шик-Бермеса?» — любой расскажет, где и когда он ставит свои юрты.

Не было жаднее бая, чем Шига́йбай. В конце концов его и прозвали Шик-Бермес — «не дающий капли воды». Даже близкие родичи и те иначе его в разговорах меж собой не называли: Шик-Бермес да Шик-Бермес.

— Точно побывал в гостях у Шик-Бермеса! — говорили казахи, когда чувствовали голод.

— Даже хитрец из хитрецов, сам Алдар-Косе и тот не заставит Шик-Бермеса быть гостеприимным! — шутили бедняки-жатаки.

Жадный бай так часто обижал своих жатаков, что они уже ничему не удивлялись.

Однажды бай до того обнаглел, что обобрал беззащитную вдову Одек, мать четырех детей, — отнял у нее последних овец.

— Проживут твои щенята и без мяса, — сказал Одек Шик-Бермес, когда она пришла просить свою отару назад. — Не ханов растишь, ничего с ними не случится. А у меня расходы. Жигиты часто заезжают ко мне, их угощать нужно.

Вот твои овечки и пригодятся, хе-хе... Иди, иди отсюда и молись аллаху — он поможет, накормит!

Алдар-Косе считал, что в меру сил каждый казах должен придерживаться заветов богатыря Шойтаса: всегда помогать бедным и наказывать богатых за беззаконие.

— Прежде всего, мой Желмая, — сказал он верблюду, — мы должны помочь Одек-апа. Вернем ей баранов или заставим Шик-Бермеса заплатить сполна...

Желмая посмотрел на своего хозяина и одобрительно кивнул головой.

— Но, как ты думаешь, — продолжал Алдар-Косе, — стоит ли мне показываться в ауле этого скряги? Ведь тогда мы не сможем отдохнуть перед длинной дорогой...

Желмая отрицательно покачал головой: мол, нет, не стоит будоражить аул.

Тому, кто не знал Желмаи, могло, конечно, показаться, что верблюд просто поворачивает голову из стороны в сторону, но Алдар-Косе отлично понимал друга: когда тот был согласен с ним, когда нет; когда дело было ясным, а когда требовалось над ним еще подумать.

— Э-э, загадка получается! — сказал Алдар-Косе. — С одной стороны, мы с тобой должны денек пожить в ауле, с другой — никто не должен знать, что это мы... А?

Выбрав ложбинку поглубже, Алдар-Косе направил туда Желмаю.

— Теперь, друг, смотри на меня! Если увидишь, ошибку делаю, поправь! — весело молвил Алдар-Косе, достал из выюка длинную седую бороду, приложил ее к подбородку и спросил: — Ну, Желмая-ага, как?

В глазах Желмаи играли насмешливые искры.

— Сам знаю, еще не совсем похож! — рассмеялся Алдар-Косе. — Морщин мало. Сейчас постареем...

Из мешка были извлечены какие-то корешки, и Алдар-Косе сделал седыми брови, аккуратно положил темные складки на лбу, провел «морщины» от носа к концам губ, нанес штрихи вокруг глаз.

— Что ты теперь думаешь, Желмая? Лучше немощный старик, чем молодой лентяй, а?

Верблюд пренебрежительно отвернулся.

— В чем дело? — удивился Алдар-Косе. — Одной бороды мало? Ведь еще и шапка есть, и кобыз...

Алдар-Косе достал из выюка кобыз, потрогал струны, ка-

жется, все в порядке. Долго шарил в мешке и наконец извлек оттуда смычок кобыза, похожий на небольшой лук. Только вместо тетивы у этого лука были струны из конского волоса.

— Чем теперь я не бахсы — знахарь? — спросил Желмая Алдар-Косе, нахлобучивая на голову старую шапку из лисьих хвостов.

Желмая одобрительно закивал головой.

— Теперь твоя очередь! — сказал Алдар-Косе верблюду. Запустил руку в мешок, извлек оттуда кожаный узелок с краской. Потер ею в трех местах один бок Желмаи. Потом другой.

На верблюжьей шерсти появились черные пятна.

— Ой, смотреть на тебя страшно! — усмехнулся Алдар-Косе, отступая на шаг. — Не верблюд, а шакал!

Приведя в порядок выюки, Алдар-Косе взобрался в седло, похлопал по мешку, в котором лежал волк:

— Терпи, овечий вор, терпи... Скоро и твоим зубам найдется работа!

Желмая выбрался из ложбинки и, как птица, которая, прежде чем взлететь, немного разбегаются, сначала сделал несколько десятков быстрых шагов, а потом перешел на бег.

Алдар-Косе ехал молча, лишь изредка задумчиво производил:

— Что же нам делать с баем-скрягой, а, Желмая?

Потом вдруг он заливался таким задорным смехом, что даже струны кобыза звенели, будто их щекотали, а Желмая оглядывался и смотрел на друга с недоумением.

— Чему ты удивляешься? — сквозь смех говорил Алдар-Косе. — Ты же знаешь, о Шик-Бермесе рассказывают сотни веселых историй. Я вспомнил одну. Ее любит рассказывать мой друг Жиреншэ-Острослов. О том, как Шик-Бермес гостил у своего бедного родственника. Гостит и гостит, гостит и гостит. На угощение скряги бедняк всю живность извел, последнего барашка зарезал... Шик-Бермес замечает: кормить стали плохо, нужно уезжать. «Утром, говорит, уеду...» Бедняк радуется, зари дожидаться не может. Чуть свет разбудил скрягу: «Светаает, дорогой, уже пора в путь!» — «Еще рано», — бормочет Шик-Бермес спресонок. «Как рано? — испугался хозяин. — Уже мой петух пропел!» С Шик-Бермеса сон ветром сдуло. «У тебя еще есть петух? — вскочил он. —

Значит, сперва мы его зажарим, а уж потом я отправлюсь в дорогу!»

Желмая пробормотал нечто вроде «гм-гм», что по-верблюдьи означало: ничего себе история, но бывают лучше.

— А когда Шик-Бермес привез в свою юрту жену, — продолжал Алдар-Косе, — то приказал ей сварить несколько яиц вкрутую. Яйца бай съел сам, а жене дал выпить воду, в которой они варились. «Хороший суп?» — спросил Шик-Бермес. «Хороший», — робко ответила жена. «Ты у меня каждый день будешь такой есть! — гордо сказал бай. — Мы ведь не какие-нибудь нищие!»

Желмае, должно быть, этот рассказ понравился — он даже побежал рзеве.

— А ты не слышал, как знахарь вылечил Шик-Бермеса от лихорадки? — снова засмеялся Алдар-Косе. — Ну, тогда, дружище, ты ничего еще не знаешь! Когда Шик-Бермес почувствовал себя лучше, он спросил знахаря: «Как я мог прожить десять дней без еды?» — «У тебя же была лихорадка, — ответил знахарь, — которая лишает человека аппетита». — «О любимец аллаха! — взмолился Шик-Бермес. — Нельзя ли сделать так, чтобы все сородичи, как только приезжают ко мне в гости, сразу же заболели этой лихорадкой?»

Желмая от восторга даже взбрыкнул задними ногами.

— Э-э, друг, — сказал Алдар-Косе, — не сбрасывай меня, а то ты не узнаешь много интересного... Вот хотя бы про то, как эта жадина Шик-Бермес ел баурсак... Может, ты уже слышал эту историю?.. Нет? Принесла жена ему целое блюдо баурсака, этих жаренных в масле шариков из теста, которые сами так и просятся в рот и благоухают медом... тьфу, даже есть захотелось!

Алдар-Косе вздохнул и облизнулся. И тотчас же испугался: как бы не слизнуть морщины вокруг губ?

— Да, что и говорить, прекрасную еду послал аллах в тот день этому гнусному скряге! Ты знаешь, мой Желмая, что он сказал жене? «Что-то нас сегодня многовато собралось за едой». — «Да разве может быть меньше? — удивилась жена. — Ведь нас всего двое — ты и я!» — «Если бы нас было двое, — вздохнул Шик-Бермес. — А то нас трое: ты, я и баурсаки... Уйди, сделай милость, оставь нас одних...» Э-э, жадный ест — не наестся, спит — не наспится. Вот, мой Желмая, к какому чудовищу мы едем!

Зашевелился волк в мешке, Алдар-Косе пристукнул его камчой:

— Лежи, степной бай, лежи! Твоя служба впереди... Но что с тобой делать? Подарить тебя Шик-Бермесу? Впустить тебя ночью в его юрту? Так он с тебя, пожалуй, еще шкуру на память снимет — он привык спускать шкуру даже со своих сородичей... Э-э, Желмая, ты слышишь? Я, кажется, придумал, как помочь Одек-апа! Мы заставим раскошелиться Шик-Бермеса! — И, щелкнув по мешку с волком, Алдар-Косе добавил: — Хоть раз в жизни ты, брат шакала, поможешь беднякам!

...В душный, знойный день, когда часть нижних войлоков юрты обычно поднимают, заворачивают, чтобы проветрить жилище, дать возможность случайному, чудом залетевшему ветерку погулять среди кошм и подстилок, пронзительный голос Шик-Бермеса звучал на весь аул.

— Э-э, плохо бедному человеку, — доносилось из байской юрты, — ни крошки сыра, ни капли кумыса... Э-э, вот пришел голод... совсем пропал Шигайбай, совсем...

Вслед за этими словами некоторое время слышалось пыхтенье и чавканье — бай ел. Потом все начиналось сначала: жалобы, чавканье, жалобы, чавканье.

Иногда причитали два голоса сразу — бай и его жена. По сравнению с сытым, гладким баем маленькая сухая жена действительно выглядела голодающей. С годами она стала во всем под стать Шик-Бермесу. Бедняки даже считали ее более прижимистой, чем бай.

— Э-э, скоро будем умирать! — пронзительно кричал бай. — Бараны погибают, табуны мои редуют, пастбища горят... Э-э, плохо Шигайбаю. Нет кошмы, чтобы сесть, нет войлока, чтобы положить на юрту... Нет лепешки, чтобы съесть... Пропали, совсем пропали...

Но все в ауле уже давно привыкли к причитаниям богатого скряги и только улыбались, когда слышали байские жалобы. Тем более, что бедняки знали истинную цену воплям Шик-Бермеса. Например, такая жалоба, как сегодня, означала, что бай зажарил себе по крайней мере целого барана и выпил уже порядочно кумыса или айрана — овечьей простокваши.

Вокруг юрты Шик-Бермеса был выложен большой круг из стеблей сухого камыша. Кто шел к баю, непременно должен был наступить на камыш, чтобы пройти к юрте. Сухой

камыш громко шуршал и хрустел. Это было сигналом: кто-то идет! Бай успевал спрятать еду в тайник и принимался сетовать на судьбу и голод еще громче и жалостливее.

Именно в такой час, когда жалобы бая звенели над аулом, заглушая блеяние и мычание возвращающегося с пастбища стада, у дальних юрт появился лениво шагающий пятнистый верблюд, на котором восседал маленький длиннородый старичок.

Аульные собаки, которые обычно горланили всем: «Вон! вон! вон! вон!» — на этот раз вели себя спокойно. Может быть, поэтому жители аула и заметили верблюда только тогда, когда он уже поравнялся с овечьим загонем.

— Это бахсы, знахари! Редкий гость! — приветствуя всадника, говорили друг другу бедняки, жители старых, закопченных юрт. — Видишь, у него кобыз. Знахари всегда играют на кобызе!

— Видно, не из наших мест! — рассуждали другие.

— Уважаемый человек, большой человек, — подтверждали третьи. — Простой бахсы ездит на коне, а этот — на верблюде!

Возле камышового круга, опоясывающего юрту Шик-Бермеса, верблюд остановился.

Так как нижние войлоки были приподняты, то жена Шик-Бермеса увидела гостя и первой вышла из юрты ему навстречу. Затем появился и Шик-Бермес, уже успевший спрятать в тайник то, что он не сумел доесть.

Гладкие щеки Шик-Бермеса обрамляла смуглая, под цвет щек, небольшая полукруглая борода, которая делала лицо бая овальным, как яйцо.

— Какого гостя послал нам аллах! — почтительно склонился Шик-Бермес перед бахсы. — Он поможет нам изгнать из нашей юрты злых духов, которые совсем нас разорили, морят нас голодом!

— Я помогу, — слабым голосом проговорил бахсы, — помогу... Только сперва помогите мне сойти на землю...

— Снимите почтенного гостя, чего стоите, бездельники? — крикнул бай подошедшим мужчинам. — Несите его в юрту!

Старого бахсы, нежно прижимающего к груди кобыз, перенесли через камышовый шуршащий круг и внесли в юрту Шик-Бермеса.

— Мешок вон тот, со священным бараном, тоже неси-те, — устало сказал бахсы. — Я не могу с ним расставаться. Остальные выюки положите в гостевую юрту. Мой верблюд любит кумыс, напоите его. Если обманете, я узнаю...

Байбише чуть не упала на землю при этих словах знахаря.

— Поить верблюда кумысом! Вай! Видно, в нем сидит какой-то дух! — пробормотала она.

Но побоялась перечить знахарю и почтительно пошла за мужчинами к юрте.

Шик-Бермес замахал руками, чтобы жигиты, которые внесли знахаря, ушли.

— Идите, идите! Аллах вас благословит! Потом, может, придете! Сейчас мне нужно поговорить с бахсы.

Мужчины ушли: они знали, чего бай боится — как бы всех не пришлось угощать!

— Я устал, — прошамкал бахсы, — я еду из калмыцких степей. Звезды на небе сейчас расположены по-злomu... Если будет на то благословение аллаха, я изгоню злых духов из вашей юрты. Завтра.

Он расправил бороду и закрыл глаза.

— Завтра! — простонала байбише. — Завтра!

Шик-Бермес понял свою жену: значит, гостя придется кормить не только сегодня, но еще и завтра!

— Или послезавтра, если звезды не станут добрее! — не открывая глаз, сказал гость.

— О аллах! — молвил Шик-Бермес. — За что ты послал нам такое испытание?

Бахсы открыл глаза, взглянул пристально на Шик-Бермеса:

— Это ты про злых духов, почтенный бай?

— Да, да, — поспешно подтвердил Шик-Бермес. — А про что же еще?

— Я плохо слышу, — слабым голосом молвил бахсы. — Говори громче, добрый человек... А?

Шик-Бермес начал расспрашивать гостя, откуда он сам, из какого рода, кто его сородичи, где живут.

«Ох, и хитер же я! — с гордостью подумал Шик-Бермес. — Пока мы будем говорить, старик устанет, заснет... Тогда перенесем его в гостевую юрту, и до утра он проспит без еды. А сейчас обойдемся одним кумысом, тем, который прокис...» — И он многозначительно повел бровью.

Байбише поняла и вышла за кумысом.

Блеяние овец, рев верблюдов, ржание коней, мычание коров доносились в юрту: стада заворачивали в загоны. То о срубы колодцев, то о корыта для водопоя стучали кожаные ведра.

Кислый кумыс налили только гостю, а себе и мужу байбише наполнила чаши хорошим кумысом из другой миски.

Шик-Бермес, подавая гостю чашу, все продолжал спрашивать его о сородичах и родственниках:

— Значит, вас было трое братьев? Ты и еще двое?

Гость в это время отхлебнул кумыс и чуть не выплюнул его обратно, такой он был горький.

— Э-э, добрый человек, нас было трое братьев, — сказал он, — но ты меня уже не считай. От этого кумыса я живым не останусь!

— Что ты, о бахсы, — молвил Шик-Бермес, делая несколько глотков из своей чаши. — Отличный кумыс!

Гость посмотрел на свою чашу и сказал:

— Да, я ошибся, кумыс прекрасен. Это злые духи хотят испугать меня... Так с нами, бахсы, часто бывает. Злые духи даже могут внушить вам, что я не голоден и что меня не надо кормить... А? Что ты сказал, добрый человек?

— О аллах, за что ты нас так наказываешь? — взмолилась байбише и сказала мужу: — Давай его уложим спать!

— Тш-ш, услышит! — испугался бай. — И наколдует нам болезнь за это!

— Он же глух, как войлок, — отмахнулась байбише. — Я вот что придумала. Разведем огонь, поставим казан с водой. Гость подождет, подождет и заснет. А мы потом скажем: не хотели будить, ведь гость так устал...

Шик-Бермес поглядел на безучастного бахсы, который, качая головой, что-то беззвучно бормотал, и сказал весело:

— Ставь казан!

Когда был разведен огонь и казан наполнили водой, жена бая громко сказала на ухо знахарю:

— Отдохните, дорогой гость, а то у нас овца варится в казане такая старая, что всю ночь вариться будет!

— Гость тоже не молодой, — ответил бахсы, приоткрывая веки, — и если уж сел, то будет до осени сидеть... Подождем. — И он снова закрыл глаза и забормотал свои заклинания.

Бай и жена переглянулись.

— Придется сварить кусок мяса, — жалобно сказала байбише.

— О-о-о... чем я прогневал аллаха! — застонал Шик-Бермес.

Но делать было нечего — пришлось варить мясо. Один кусочек маленький, а другой — большой.

Но после того как был съеден маленький кусок мяса, гость сказал:

— Сегодня мне нельзя уходить из той юрты, где живут злые духи! А то они могут подумать, что я их испугался!

Хозяева дружно вздохнули, мысленно прокляли еще раз незваного гостя. Делать нечего, пришлось и большой кусок съесть втроем.

Бахсы лег спать у самого входа — возле мешка, в котором что-то шевелилось.

Бай долго шептался с женой.

— Он даже во сне держится за священного барана! — возмущалась байбише. — Как будто мы его украдем или съедем.

— Священный баран, видно, дорого стоит, — предположил бай. — Узнать бы, какая от него польза!

Ночью бахсы все время бормотал во сне, разговаривал:

— У бая золото украли... у бая золото украли... волшебный баран... одна овца... две овцы... украли золото...

Байбише проснулась, прислушалась, растолкала мужа:

— Это не у тебя золото украли? Слышишь, бахсы-то что говорит...

Бай завозился, полез в тайник, потом сказал облегченно:

— Хоть он и бахсы, а ошибся! Все на месте!

— Значит, это он не про нас говорил! — сонно пробормотала байбише.

И в юрте снова стало тихо.

Утром бай с женой проснулись рано, а бахсы долго еще лежал — притворялся, что спит.

— Что это он говорил про волшебного барана? — спросила жена бая. — Одна овца, две овцы?

— Шайтан знает! — махнул рукой Шик-Бермес. — Колдовство кто разберет? Только бы на нашу юрту не наслал какой-нибудь хвори! Пока он спит, ты испеки мне лепешки. Поем хоть всласть без него...

Напекла байбише лепешек, принесла их в юрту.

— Как же я их тут есть буду, — сказал Шик-Бермес, — а вдруг бахсы проснется? Тогда придется делиться с ним. Пойду-ка я в гостевую юрту — там никого нет...

Шик-Бермес спрятал горячие лепешки за пазуху и пошел.

А бахсы лежал у самого выхода. Когда хозяину юрты до порога один шаг оставался, бахсы встал, потянулся, расправил бороду.

Шик-Бермес остановился.

— Я видел во сне, что тебя жжет огонь, — сказал бахсы. — Я так рад, что ты жив и здоров!

С этими словами бахсы быстрым движением, совершенно неожиданным для такого глубокого старика, как он, крепко обнял бая.

Горячие лепешки, как горящие угли, начали припекать живот и грудь Шик-Бермеса. А бахсы как обнял, так и не отпускал.

— Ой-ой-ой! — закричал наконец бай. — Горю! Живот жжет!

Шик-Бермес с трудом вырвался из рук маленького цепкого старикашки и начал выбрасывать из-за пазухи лепешки:

— Ой, проклятые, чуть насквозь не прожгли!

— Спас я бая от большой беды, — промолвил бахсы серьезно. — Если б не я, сгорел бы ты живьем! Возблагодарим аллаха за то, что он послал мне вещий сон!

Когда лепешки были съедены гостем, бай сказал:

— Аллах лишил меня своих милостей! Видно, потому, что злые духи сидят в юрте. Э-э, совсем плохо... Выгони шайтана, бахсы!

Старик уселся на почетное хозяйское место, взял в руки кобыз, провел смычком по струнам, словно пробуя их голоса. Затем заиграл что-то очень печальное. Постепенно мелодия менялась: сначала она была грустной, потом вдруг стала веселой.

Бахсы сначала раскачивался тихонько, в ритм музыке, потом стал подпевать, качаться все сильнее и сильнее.

Кобыз зазвучал отрывисто, звонко. Бахсы положил его, вскочил, закружился по юрте, выкрикивая непонятные слова:

— Абалдыр! Самáг! Ахашén!

Шик-Бермес и его жена, как очарованные, следили за метаниями бахсы. Хилый старичок крутился и вертелся, падал, вскакивал, снова падал.

Наконец, крикнув последний раз: «Абалдыр! Ахашен!» — он упал посреди юрты и затих.

Он полежал некоторое время, потом открыл глаза и обвел взглядом юрту, словно спрашивая: «Где я нахожусь?» Сел и, молитвенно сложив руки, долго бормотал что-то про себя.

«Молитву читает!» — решил Шик-Бермес.

— Спасти вас может только волшебный баран! — вдруг сказал бахсы. — Мне было видение: белый волшебный баран отпугнет от юрты злых духов и принесет вам счастье, богатство.

Бахсы встал, подошел к своему мешку и сел возле него. Лицо его стало грустным.

— О великий бахсы, — дрожащим голосом спросил Шик-Бермес, — но где же нам взять волшебного барана? Отдашь ли ты нам своего?

— Да, великий бахсы, — повторила за мужем байбише, — где нам взять барана?

— О, горе, горе мне! — всхлипнул бахсы. — Я берег этого барана для себя, я хотел стать богачейшим из богатых, а теперь духи хотят его отобрать у меня и передать доброму баю!

Бахсы горестно вздохнул и пнул ногой свой мешок. Мешок зашевелился.

— Я всюду возил его с собой. Хотел хоть последние свои годы прожить в довольстве и сытости. А теперь должен отдать! За что ты наказываешь меня, аллах?

— Скажи мне, о бахсы, — продолжал Шик-Бермес, — что ж это за баран?

— Волшебный священный баран — совсем-совсем белый. Он упал с неба. Мне его подарил один мулла за то, что я спас его дочь от страшного недуга.

— Почему же он волшебный? — сгорая от любопытства, спросила байбише.

— Белый баран — это богатство, — начал бахсы, нежно проводя смычком по струнам кобыза. — Если расколдовать его и пустить в овечий загон, то сразу начнут лаять собаки, кричать верблюды, блеять бараны, но к утру количество овец удвоится. Каждая овца, к которой лишь прикоснется белый баран, сразу же превращается в две, а то и в три.

— И я стану к осенней кочевке самым богатым человеком в степи! — закричал Шик-Бермес, ударяя в ладоши.

— Ты хочешь купить барана? — удивленно спросил бахсы и опустил смычок. — Он стоит очень много. Хватит ли у тебя денег?

— Э-э, бахсы, мы же бедные люди, ты должен нам уступить барана подешевле, — заскулил Шик-Бермес. — Это же несправедливо, когда богатеи, вроде Аблая и Сансызбая, могут звезду с неба купить. Как же нам стать богатыми?

— Уступи нам барана, мы бедные люди, — поддержала мужа байбише.

Шик-Бермес с женой начали так жалостливо расписывать свою бедность, что старый бахсы даже слезу вытер.

— Хорошо, жаксы, — сказал он наконец. — Вы добрые люди, и я желаю, чтобы вы получили свою долю счастья. Давайте двадцать золотых монет, и волшебный баран ваш.

Шик-Бермес вместе с женой, не сговариваясь, упали на пол юрты, словно в них ударила молния.

— Я и одну-то монету золотую видел только раз в жизни, — сказал, поднимая голову, Шик-Бермес.

— А я никогда не видела золота, — сквозь слезы молвила байбише.

Бахсы бесстрастно водил смычком по струнам кобыза, а бай и его жена торговались, сбивали цену, падали то и дело на кошмы, изображая полное бесчувствие, причитали, клялись, что они самые бедные из всех беднейших.

— Духи сказали мне, — наконец молвил бахсы, — что деньги у вас лежат вон в том углу, за занавеской.

Бай и жена его сперва окаменели, потом снова начали причитать и стонать.

В конце концов договорились на десяти золотых монетах.

Шик-Бермес доставал из-под кошмы в углу юрты деньги, а байбише закрывала его занавеской, чтобы — о, будь же милостив, аллах! — бахсы не увидел, сколько монет в тайнике.

Но старик и не думал подглядывать. Он давно выронил смычок и клевал носом, изредка задевая — словно невзначай — пальцем струны кобыза.

Когда монеты перекочевали к знахарю, Шик-Бермес бросился обнимать и тискать мешок, в котором лежал волшебный баран.

Бахсы улыбнулся, наблюдая за баем, который все крепче прижимал к себе большой кожаный мешок с волком.

— Не задави барана, — сказал бахсы. — А то богатым не станешь!

— А ты, о посланец аллаха, говорил, что перед тем как пускать этого барана к овцам, нужно его расколдовать. Как это сделать? — спросила байбише.

— Э-э, дело простое, — прошамкал бахсы, — когда будешь его пускать в загон, нельзя думать о белом баране. Думай о чем хочешь — о супе-сурпе, о вкусных баурсаках, о

кислом или хорошем кумысе, — но только не о белом баране. Иначе быть беде. Какая беда может случиться, не знаю... Но она случится.

— Слышишь? — грозно спросил бай жену. — Посмей только думать о белом баране! Скажи, ходжа, а когда можно запускать в загон барана?

— Вот стемнеет, мы пойдем туда все вместе, я помогу, а то вы и не справитесь, — сказал бахсы. — А сейчас надо отдохнуть немного.

...Когда на степь спустились вечерние тени, Шик-Бермес вытащил из юрты тяжеленный мешок с волком, взвалил его, крихтя и пыхтя, на спину и зашагал к овечьему загону.

Жена бая помогала идти старенькому знахарю. Бахсы, хотя был невелик ростом и худощав, но шел с трудом.

— Только не думай о белом баране, — шептал бахсы, — слышишь, женщина? Только не думай о белом баране...

— Я и не думаю, тыфу на него, — сплевывала байбише. — Чего о нем думать? Отдали десять золотых монет да еще думать... Десять золотых за какого-то белого ба...

— Тс-с! — зашипел бахсы. — Видишь, опять ты о баране... Ох, будет беда!

Несколько собак увязались за баем. Они лаяли на мешок, пытались допрыгнуть до него.

— Отгони их, отгони! — сказал бахсы байбише. — Собака негодна аллаху, ее даже в мечеть не пускают!

Тем временем Шик-Бермес со своей ношей дошел до загона.

— Э-э, подожди, бай! — тоненьким дребезжащим голосом крикнул бахсы. — Я сам должен открыть мешок. И вы все должны отойти подальше, оставить меня одного. Самое главное, не накличь беду. Не думай о белом баране. Не думай... иначе...

Оставшись один, бахсы развязал мешок.

Волк сверкнул на него большими голодными глазищами.

Бахсы засунул руку с ножом в мешок, быстро разрезал ремни на задних ногах волка.

— Ничего, барашек, ничего, — приговаривал бахсы. — Сейчас ты будешь сыт, как бай-обжора.

Потом разрезал путы на передних ногах.

Расчет был правилен: ноги волка затекли и встать сразу на них он не мог. Бахсы быстрым движением ножа ловко

разрезал кожаные шнуры, стягивающие челюсти зверя. И тотчас же завязал мешок. Теперь «волшебный баран» был свободен от пут. Только завязанная горловина мешка отделяла его от желанной свободы.

Волк лежал в мешке молча, только начал шевелиться сильнее. Через мгновение-другое он совсем придет в себя.

— Бай, иди сюда! — крикнул старичок бахсы. — Только не думай о баране!

Шик-Бермес вырос как из-под земли. Бахсы ослабил ремень, связывающий мешок, и сказал:

— Бросай, бай, мешок прямо в загон. Баран сам из мешка выйдет. Большой шум будет, не бойся!

Шик-Бермес поднатужился и перебросил мешок с волком в овечий загон.

В быстро сгущавшейся темноте все-таки можно было различить, как из мешка выскочило что-то четвероногое, постояло немного и исчезло в том направлении, где, сгрудившись, стояла отара байских овец.

Тотчас же раздались собачий истошный лай, испуганное овечье блеяние.

— Началось, слава аллаху! — вздохнул бахсы облегченно. — Ты станешь самым богатым баем в степи.

— Э-э, завтра увидим, — ответил довольно Шик-Бермес.

— Но, если ты или твоя жена хоть раз подумали в этот момент о белом баране, придет беда! — повторил бахсы.

— О чем же я должна была думать? — обиделась жена бая. — Десять золотых монет!

— Значит, ты будешь виновата, если что-нибудь случится, — сказал бай. — Ты все время думала о баране! Я о нем ни разу и не вспомнил!

А шум в загоне тем временем рос. Прибежали пастухи, табунщики, но Шик-Бермес остановил их, сказав гордо:

— Там белый баран! Он из одной овцы делает две! Придержите собак! Что вы понимаете в волшебных делах?

— Как же, удержишь их, — произнес один из пастухов. — Они рвутся так, словно волка почуяли!

— Разве собака, это животное, которое даже в мечеть не пускают, — затараторила жена бая, — понимает что-нибудь в волшебных делах?

— Бахсы, — спросил Шик-Бермес, — а если сейчас зажечь огонь? Мы увидим, как волшебный баран делает из одной овцы две.

— Утром, бай, только утром, — ответил бахсы. — Сейчас все должны идти спать. И пусть пастухи не мешают волшебному барану!..

...На этот раз бахсы, взяв кобыз, лег спать в гостевой юрте возле своих снятых с верблюда вьюков.

Ночью у юрты вдовы Одек послышался крик филина. Лениво затыкали собаки. Вдова Одек вышла из юрты, тихо спросила:

— Алдакен?

— Я, Одек-апа, я. Вот тебе немного денег... десять монет.

— Будь благословен, Алдакен! А то совсем пропадаем! Э-э, как тут много! О, золото!

— Как только удастся, уходи от Шик-Бермеса, иди в аул жатаков, тех, которые сажают хлеб. Они не кочуют, тебе и детям там будет легче. Деньги здесь не трать. Шик-Бермес каждую монету помнит...

— Ты, Алдакен, уже взрослый жигит, а ведешь себя как мальчишка. Зачем волка привез? Аул не спит, над баем смеется...

— Пусть всем будет стыдно, что их бай глупец. А волк порежет овец, вам бай мяса даст.

— Э-э, Шик-Бермес обозлится, тебе плохо может быть...

— Я его не боюсь, Одек-апа. Если баев бояться, нужно из степи удирать. Я не заяц, они не соколы.

— Ох, слишком ты храбрый, Алдакен! Среди твоих врагов тоже есть хитрецы, не забывай! Почему ночью без бороды ходишь по аулу?

— Надоела, жарко в ней... А с бородой еще хуже — увидят, скажут, бахсы бродит, беду на аул кличет.

— Уезжай, Алдакен, скорее!

— Да не бойся, апа! Я сейчас позову Желмаю, заберу мешки в юрте — и в степь!

— Рядом юрта родственника бая, еще услышит нас. Бедь сегодня все не спят. Уходи скорей. Вот и луна всходит.

— Тс-с, Одек-апа! Кажется, кто-то вышел из той юрты...

— Я же говорила, Алдакен. Ой, что делать?

— Дай мне аркан. Я днем шел — видел, он возле юрты лежал. Аркан меня выручит...

— Ребята играли, забыли... Сейчас, иди сюда. Тише! Вот, бери!

— Успею — отдам... Живи счастливо! Хош! Прощай!

— Береги себя, Алдакен! Будь осторожен ради нас всех...

Горб красной, как лисья шкура, луны встал над горизонтом.

Родственник бая бежал за Алдар-Косе. Его пыхтение Алдакен слышал почти за своей спиной. Родственник был толст и неуклюж, поэтому он мог делать что-нибудь одно: или бежать, или кричать. Иногда он останавливался и, не успев перевести дух, громким шепотом произносил:

— Стой, стой! Я узнал тебя...

Затем снова молча пускался в погоню.

Алдар-Косе не спешил. Он нарочно бежал медленно, чтобы толстяк не слишком отстал. В овечьем загоне по-прежнему шумел скот, кричали пастухи и табунщики, дружным хором лаяли собаки со всего аула.

«Хорошо, что все псы нашли себе дело у овечьего загона, — подумал Алдар-Косе, — а то бы мне было труднее. Однако пора этого родственника проучить, чтобы не подслушивал, не подсматривал».

В неверном свете восходящей луны толстый родственник успел заметить, как перед входом в гостевую юрту убегающий от него человек выронил что-то. Пыхтя и сопя, толстяк подбежал к юрте, наклонился, протянул руку к лежащему на земле предмету, и в тот же миг кожаная петля аркана захлестнула его горло. Толстяк сразу же схватился обеими руками за петлю, чтобы не дать себя задушить. Этому-то и ждал Алдар-Косе: пока толстяк оттягивал петлю, его ноги уже были крепко обмотаны арканом.

— Резвого пса не любит лиса! — усмехнулся Алдар-Косе.

— А-а! — захрипел родственник бая, но Алдар-Косе всунул ему в рот клочок верблюжьей шерсти, затем деловито связал руки и поволок в гостевую юрту.

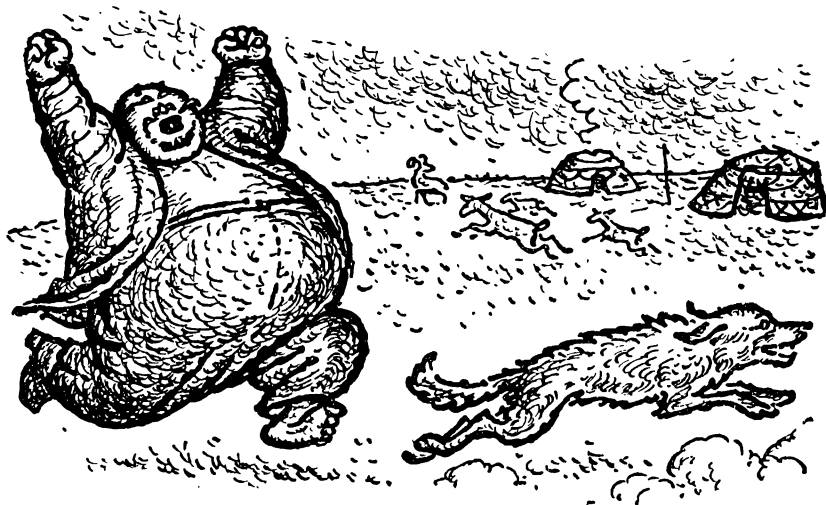
— Ох и тяжелый же ты! — дыша с трудом, сказал Алдар-Косе. — Наверно, много съел вечером, а? Ну, теперь отдохни...

Алдар-Косе втянул тушу толстяка в юрту, закатил его в тот угол, где спал сам.

«Пожалуй, пора идти за Желмаей!» — подумал Алдар-Косе, взвалил на спину свои легкие вьюки, взял кобыз и вышел из юрты.

Луна уже светила ярко. Овцы блеяли так громко, словно решили раз и навсегда доказать, что они гораздо голосистее собак.

Алдар-Косе беспрепятственно добрался до верблюжьего

загона, свистнул раз, другой. Желмая, блеснув круглой лысиной на лбу, легко перескочил через дувал и оказался перед хозяином.

А через несколько минут по дороге в степь мягкой рысью помчался верблюд с всадником.

...Шик-Бермес ворочался с боку на бок. Ему чудились голоса, крики, шорохи, шепот. Только заснул и увидел белоснежного барана во главе бесчисленной овечьей отары, как жена разбудила:

— Тебя зовут! Проснись, слышишь, кричат?

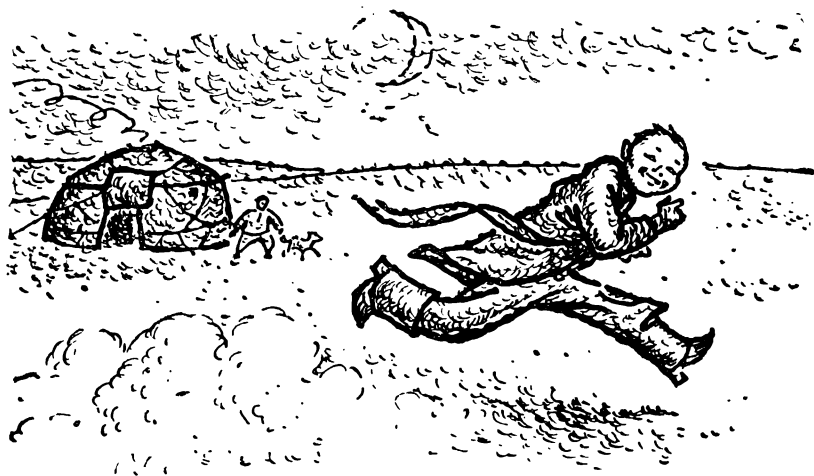
Она встала, открыла входной войлок. Камышовый круг шуршал под торопливыми шагами.

— Кто тут? — спросила байбише, высовывая голову из юрты. — А-а, что тебе нужно? Бай, это пастух пришел!

Шик-Бермес надел халат, ежась от прохлады, вышел в лунную ночь.

— Бай, там волк в загоне, а вы приказали его не трогать, как быть? — спросил пастух. — Он же всех овец порежет, такой голодный... Ягнят жалко, овец жалко. Что делать, скажи?

Шик-Бермес стоял как громом пораженный. Глаза выпучил по-лягушачьи, шея надулась — вот-вот лопнет.

Байбише и пастух со страхом глядели на него.

— Ты... ты... отродье шайтана! — наконец повернулся бай к жене и сжал кулаки. — Ты думала все время о белом баране... Из-за тебя беда пришла!

— Ой-ой-ой! — заголосила байбише, хотя Шик-Бермес не успел ее еще и пальцем тронуть. — Пропали наши десять монет! Ой-ой-ой!..

И она резво, как молодая девушка, юркнула во мрак юрты — подальше от гневных кулаков.

Рассчитала байбише правильно: Шик-Бермес не стал ее преследовать, а побежал к загону.

Предсказания бахсы сбылись — «волшебный баран» поработал на славу: он честно пытался разделить на две части каждую овцу, к которой прикасался зубами. Иногда это ему удавалось, иногда нет. Но загон был усеян телами байских овец, а вошедший в азарт волк продолжал резать их налево и направо.

Первая мысль, которая пришла в голову жадному баю, была не об убытках, нанесенных «волшебным бараном», а о том, что мясо овец придется отдать аульной бедноте. Куда ж его девать в такую жару? Самому все не съесть, если даже созвать всех сородичей на угощенье!

— Бейте его! — крикнул бай.

И пастухи, которые с трудом сдерживали овчарок, спустили их.

— Байское добро, — сказал пастух табунщикам, — а жалко! Ну, пошли и мы!

Перескочив через дувал, ограждающий загон, пастухи и табунщики, размахивая дубинками-шокпарами и камчами, побежали к волку.

Там уже метался клубок собачьих тел. Через несколько мгновений с волком было покончено. Собак отогнали.

Шик-Бермес, вслед за пастухами вбежавший в загон, схватил у кого-то из рук камчу и начал хлестать мертвого волка. Потом замер, словно озаренный какой-то мыслью, и побежал к аулу.

Вертя в руке камчу и подобрав халат, Шик-Бермес мчался к гостевой юрте.

Откинув закрывавший вход войлок, он ворвался туда, ощупью отыскал в дальнем углу спящего и начал его хлестать камчой, приговаривая:

— Злой дух... баран... десять монет... шайтан тебе брат... вот тебе за овец... вот тебе за колдовство... отдай золото, шайтан... убью...

Выскочила из большой юрты байбише, подбежала к гостевой. Открыв входной войлок, она впустила в юрту свет луны. Лунная тропка пролегла от входа до места, на котором спал бахсы.

Камча в руке Шик-Бермеса замерла: на кошке лежал не маленький, сухонький старичок, а кто-то толстый, опоясанный арканом, с распухшим от ударов плетки лицом.

— Шайтан, шайтан, шайтан... — зашептал бай, делая шаг назад.

— Бу-бу-бу, — бормотал связанный толстяк, и из его рта лезла клочьями верблюжья шерсть.

Еще мгновение, и Шик-Бермес выскочил бы в испуге из юрты, но тут вошла байбише и узнала родственника.

Причитая и вопя от страха, как бы самой не попало от мужа, байбише начала развязывать толстяка, а Шик-Бермес вытаскивал из него изо рта клочок шерсти.

Развязанный толстяк сперва только стонал и говорить не мог. Байбише развела огонь в очаге, принесла кумыс.

— Что с тобой? — устало спросил Шик-Бермес толстяка. — Такой ночи никогда не было в нашем роду. Бахсы,

волк, деньги пропали... Овцы... Тебя выпорол... За что аллах покарал меня? Кажется, уж хуже и не бывает...

— Бывает, — заговорил наконец толстяк.

И он произнес три слова, которые сразу заставили покрыться холодным потом страха бая и его жену.

Он сказал:

— Бахсы — это Алдар-Косе!

Шея Шик-Бермеса стала раздуваться от гнева, как шея кобры, когда змея видит врага.

Жена бая завизжала, словно собака, укушенная скорпионом.

— Да, это был проклятый Алдар-Косе, я видел его без бороды, — продолжал родственник, заглатывая кумыс. — Он бродил ночью вокруг моей юрты... Не знаю, что ему там было нужно. Я вступил с ним в драку, но ему помогают злые духи — они все вместе связали меня и перенесли сюда... по небу...

— А почему у тебя был рот забит шерстью? — спросил Шик-Бермес.

— Я бился, как барс! Я кусал злых духов, — бойко ответил толстяк.

— А сам Алдар-Косе? — спросила байбише. — Куда он делся? Улетел?

— Нет, уехал на своем проклятом верблюде, — ответил родственник.

— Седлай коней, — приказал Шик-Бермес. — Ты поедешь вместе со мной к Аблаю.

Когда родственник ушел, Шик-Бермес сказал жене:

— Нужно предупредить Аблай-бая, что Алдар-Косе ездит по степи с бородой, что у него есть кобыз и он выдает себя за бахсы.

— Э-э, как кормят у Аблай-бая, — мечтательно произнесла байбише. — Можно есть целый день, если захочешь!.. О-о, где наши десять монет?

...Утром, когда жители аула разносили из овечьего загона по юртам мясо, они увидели всадников — Шик-Бермеса и его родственников, скачущих в степь.

Глава пятая

МРАЧНЫЙ КАРАВАН

Кто не сажал дерева, тому не
лежать в тени.

Казахская пословица

Легконогий Желмая бежал всю ночь и утро, а ближе к полудню, когда земля

в степи начала накаляться под лучами палящего солнца, заметно замедлил шаг.

Когда начался восход солнца, Алдар-Косе сменил шапку на чалму. Человек в чалме уже не простой человек, а ходжа, то есть паломник, совершивший ходж — путешествие к могиле пророка Магомета. Любой ходжа почитался правоясным за свое религиозное рвение, и Алдар-Косе надеялся, что в чалме ему будет легче обмануть преследователей.

Седая борода, которую Алдар-Косе считал обязательной принадлежностью чалмы, была до поры до времени засунута под седло и во время езды вилась по воздуху, словно от верблюда шел дымок.

Алдар-Косе зорко осматривал степь, и стоило показаться какой-нибудь подозрительной точке, как он тотчас же прилаживал бороду и оттенял жженым корешком морщины на лице.

— Пусть путники видят, что ты везешь почтенного старца, — говорил Желмае Алдар-Косе, — и тебе будет больше почета. Тебя даже могут накормить лишний раз. Э-э, жалко, что на тебя тоже нельзя надеть чалму! Ты был бы великолепный верблюд-ходжа!

Кобыз еще ночью был бережно убран в мешок, и теперь едва ли кто-нибудь мог бы узнать в уважаемом, убеленном сединами аксакале-ходже недавнего бахсы.

Алдар-Косе предстоял еще трудный и длинный путь до Далеких гор.

До сих пор Алдар-Косе двигался по степи к цели не напрямик, а зигзагами, медленно, но верно.

— Если бы мы направились прямо к горам, — сказал Алдар-Косе верблюду, — то путь занял бы дня четыре...

Желмая покачал головой.

— Пять, пять, — поспешно поправился Алдар-Косе. — Но, как говорили старики, провожая нас в дорогу, не надо торопиться, спешкой можно погубить надежду. Днем позже, днем раньше — наше дело добраться до Шойтаса.

Только Алдар-Косе решил расположиться на отдых и стал уже выбирать подходящее для этого дела место, как увидел вдали небольшой караван.

Караван стоял. Видимо, там что-то случилось.

Алдар-Косе прицепил бороду.

— Если нас заметили, а мы не подъедем и будем отдыхать в стороне, — сказал он Желмае, — то ведь это покажется подозрительным?

Желмая кивнул головой.

— Тогда поедем туда. Да хранит нас аллах! — вздохнул Алдар-Косе. — Когда выхода нет, всегда все можно свалить на аллаха! Э-э, как ты побежал, мой друг Желмая! Может, думаешь среди этих верблюдов встретить родственников?

...Караван встретил Алдар-Косе и Желмаю шумом, криками, галдежом.

— Ты хотел меня ограбить, мошенник!

— Аллах свидетель, я не заглядывал в этот проклятый кошелек!

— Посмотрите на этого вора, правоверные! Он еще лжет!

Все караванщики, увлеченные спором, собрались возле верблюда, который выглядел богаче других: дорогая сбруя, красивое седло, над седлом что-то вроде зонта — спасение от солнца.

На Алдар-Косе, хотя он был уже рядом, пока еще никто не обращал внимания.

Зато Алдар-Косе сразу же придержал Желмаю:

— Э-э, дорогой, гляди, что везет этот караван... Ай-ай-ай...

Каждый верблюд был нагружен двумя большими клетками, в которых сидели десятки, сотни птиц. Клетки прикрывались от солнца материей, но духота и пыль измучали пернатых пленников: там, где материя сбилась или сдвинулась, виднелись птицы, сидящие с раскрытыми клювами, закрытыми глазами. У многих были бессильно распахнуты крылья. Время от времени из клеток раздавался слабый крик или клетот; медленно, как осенний лист, падало на землю яркое перышко.

— Мрачный караван, — покачал головой Алдар-Косе, — он везет в клетках волю и простор... А, Желмая? Ты ведь тоже думал, что нет никого на свете вольнее, чем птица, любимица неба?

Каких только птиц не было в клетках! Черные лебеди и белоснежные чайки, зеленые попугаи и пестрые дрофы, красноклювые фламинго и розовые пеликаны — всех не счесть! Птицы толстые и маленькие, глазастые и хвостатые, яркие, как пламя костра ночью, и сизые, как пасмурный день.

Алдар-Косе представил себе на мгновение, как пели бы они сейчас, если б жили на свободе, как радостно они перекликались бы друг с другом, как привольно шумели бы крыльями, и ему стало грустно.

— О, аллах сжалился над нами и послал нам ходжу! — вдруг раздался крик караванщиков. — Рассуди нас, ходжа!

Алдар-Косе опустил плечи, расправил бороду, и Желмая зашагал навстречу спорщикам.

Одного из караванщиков обвинял в воровстве ученый мулла в шелковой чалме, в богатом халате. Это ему принадлежал верблюд, на котором были дорогая сбруя и седло с зонтом.

Караванщик, худой и черный, словно обгорелый сучок, клялся, как только может клясться человек, верящий в справедливость, в том, что он невиновен.

С их обоюдного согласия Алдар-Косе взялся рассудить дело.

А дело было несложно: караванщик, шагающий последним, нашел оброненный кем-то кошелек.

Он сразу догадался, что этот кошелек выронил тот богатый ученый мулла, который присоединился к их каравану вчера днем.

Караванщик пробежал вперед, поравнялся с верблюдом, на котором ехал богач, и отдал ему кошелек.

Богач обрадовался, зашлепал ладонями по бедрам, словно петух, пытающийся взлететь.

— Суюнши! — закричали караванщики, останавливая верблюдов. — Суюнши!

Суюнши — это старый обычай: вознаграждение за сообщение доброй вести. Раз караванщик сообщил мулле: «Вот ваш потерянный кошелек!» — то за это ему полагалось суюнши от владельца кошелька.

Алдар-Косе прикрыл глаза и, слушая рассказ муллы, тотчас же представил себе, как развивались события.

— Ты достоин суюнши, — сказал мулла, — аллах свидетель. Ты получишь награду!

Мулла полез в кошелек, чтобы выбрать для караванщика монету помельче, но в кошельке были одни лишь золотые.

Тогда мулле стало жалко самого себя: ведь если каждому нищему давать по золотой монете, то так и самому можно обнищать. И он решил ничего не давать караванщику. А так как отказать в суюнши было уже невозможно, то он применил старый, испытанный ход: обвинил честного караванщика в воровстве.

— Аллах свидетель, ты достоин награды, — продолжал бормотать мулла, высыпая себе на колени содержимое кошелька и делая вид, что он бегло пересчитывает монеты. — Девяносто восемь! — воскликнул он. — Смотрите, о правоверные! Здесь девяносто восемь монет, а у меня их было сто! Этот мошенник, этот нищий украл две монеты из моего кошелька!

Алдар-Косе, закрыв глаза и слегка покачиваясь в седле, отчетливо представил себе, как это все происходило... Неумудренному в спорах и хитростях караванщику, конечно, никогда и в голову не могло бы прийти, что богатый ученый мулла действовал, как мелкий мошенник: монет-то в кошельке было сто, но пока мулла их пересчитывал, он две успел спрятать в рукав халата или еще куда-нибудь. О аллах, сколько раз Алдар-Косе сам проделывал это. Правда, от этих проделок никогда не страдали бедняки...

— О ходжа! — певуче проговорил мулла. — Ты сам можешь убедиться — здесь девяносто восемь монет. Две исчезли! Украсть их мог только тот, кто поднял кошелек. Выпасть они не могли — кошелек был хорошо завязан!

— Да, ходжа, завязан кошелек был крепко, — подтвердил караванщик. — Выпасть они не могли. Но и я их не брал! Клянусь аллахом всемогущим! Я не вор!

И, словно в подтверждение его слов, застонала какая-то птица.

— Мало ли что будет говорить этот нечестивец! — вскричал мулла. — Он еще клянется аллахом! Не сам же я у себя украл две монеты? Кто умеет воровать, тот умеет и лгать!

Алдар-Косе улыбнулся в бороду и поднял руку:

— Недаром говорится — увидев свое отражение в воде, лжец сказал: «Вода врет!» Тише, правоверные, тише! Ложь — больной зуб, который нужно скорее вырвать!

Наступила такая тишина, что стал слышен птичий плач.

— Ты, мулла, утверждаешь, что он тебя обокрал? Как ты это докажешь?

— Здесь было сто монет, а теперь двух не хватает, — усмехнулся мулла. — Вот мое доказательство.

— Да, оно справедливо, — произнес Алдар-Косе немощным старческим голосом. — Но раз в твоём кошельке было сто монет, а здесь девяносто восемь, то это не твой кошелек.

— Как... не мой? — опешил мулла.

— Но в твоём же было сто монет? — Алдар-Косе с удовольствием наблюдал, как лицо муллы из красного стало синим, а из синего — серым: богач понял, что он попал в собственную ловушку. — Поэтому, я возвращаю кошелек караванщику. А когда он встретит настоящего владельца, то отдаст деньги ему. Я сказал. Во имя аллаха справедливого и всемогущего!

— Будь проклят день, когда я связался с этим караваном! — всхлипнул мулла и со злостью бросил кошелек на землю.

И в то же мгновение Желмая вздрогнул, подпрыгнул на месте, да так, что Алдар-Косе чуть не вылетел из седла.

— Что случилось? — побряхтывая, спросил Алдар-Косе.

— Мулла попал кошельком в колено твоему верблюду, о ходжа! — объяснил один из караванщиков.

— Я не завидую мулле, — сдерживая улыбку, промолвил Алдар-Косе.

Желмая, вздрагивая всем телом и гневно поглядывая на муллу, небрежно пошевелил нижней губой — плюнул мулле прямо в бороду.

— А-а, шайтан! — закричал мулла. — Я убью это жи-

вотное! Эй, правоверные, на помощь! Он оскорбил слугу аллаха!

— О мулла, — посоветовал Алдар-Косе, — этот верблюд не простой верблюд. Он такой же ходжа, как и я. Он мулла среди верблюдов. Не надо его оскорблять. Он очень обидчивый.

— Это не верблюд, это порождение шакала и свиньи! — продолжал мулла, выжимая бороду. — Он...

Но тут Желмая плюнул второй раз, и слуга потащил муллу под зонт. Там он вылил на своего хозяина половину бурдюка воды, и только тогда мулла снова смог открыть глаза.

— Вот видите, — отъезжая подальше от муллы, сказал Алдар-Косе караванщикам, — золото доставляет неприятности не только людям, но и верблюдам. Караванщик, возьми же свой кошелек!

Все еще не веря своему счастью, худой, до черна прокопченный солнцем караванщик бережно взял кошелек.

— Эй, ходжа! — произнес мулла, провожая взглядом кошелек. — Пусть золото не мое. Но почему ты решил, что этот голодранец не вор? Может, он украл все-таки две монеты?

— Если бы этот человек хотел украсть, — устало ответил Алдар-Косе, — то он украл бы весь кошелек. Ведь никто же не видел, как он его поднял с дороги. А он честный казах и пошел искать владельца. Не его вина, что владельца не нашлось. Да, очень жаль, мулла, что это не твой кошелек. Может быть, тогда и мой верблюд отнесся бы к тебе с большим почтением!

Слуга помог мулле взобраться в седло, и там богач затих, укрывшись в тени зонтика.

Подъехав к мулле, Алдар-Косе произнес тихо, чтобы никто не слышал:

— Не потеряй хотя бы тех двух монет, которые ты держишь в рукаве!

Мулла схватился было за рукав, но понял, что жест выдал его. Он посмотрел на Алдар-Косе ненавидящим взглядом и отвернулся.

Караванщики собрались у последнего верблюда и рассматривали монеты — ведь никто из них никогда и не видел столько золота сразу!

Краснобородый купец, владелец каравана, стоял тут же, молчал, но глаза его говорили красноречивее слов: даже при солнечном свете было видно, что они светятся неумейной жаждой наживы. Золото притягивало купца, как взгляд змеи притягивает мышь.

Ухзатившись за свою крашеную бороду, он пытался отойти от караванщиков, но только переминался с ноги на ногу.

Тихо вздыхали, словно видели плохие сны, птицы в клетках.

— Куда ты везешь — ох! — птиц, добрый — ох! — человек? — спросил Алдар-Косе купца, слезая с верблюда и охая при каждом движении.

— Птиц хочет купить у меня один хорезмский торговец, — ответил купец, не отрывая глаз от сверкающих на солнце золотых кружочков. — Он поставляет их к столу самого хана. Великий хан любит вареные языки попугаев и

печень пеликанов. — И еще глубже погрузил свои алчные пальцы в бороду.

Алдар-Косе подошел к караванщикам, они почтительно расступились.

— Что ты будешь делать с этими деньгами? — спросил он счастливец.

— Сам не знаю, о справедливейший ходжа, как мне быть, — ответил караванщик, и на его радостное лицо легла тень. — Ведь если в городе узнают, что у меня такие деньги, то меня заберут стражники. Они подумают, что я убил кого-нибудь и ограбил.

— Нам даже денег нельзя иметь, — грустно молвил второй караванщик.

— Только баям да муллам все дозволено! — вздохнул третий.

— А с нами не разговаривают: в яму, на цепь! — махнул рукой четвертый.

— О правоверные! — воздел руки к небу Алдар-Косе. — Но ведь стражникам можно сказать, что кошелек найден на дороге...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся самый рослый из караванщиков. — Тогда стражник скажет, что это он его и потерял!

— ...или что кошелек вам подарил какой-нибудь бай, — наивно продолжал Алдар-Косе.

Тут уж захохотали все четверо караванщиков.

— Кто видел когда-нибудь доброго богача? — спросил рослый. — Вы, ходжа, встречали такого?

Алдар-Косе вспомнил Шик-Бермеса и еще с десятков знакомых баев — едва ли среди них был хоть один добряк, хоть полдобряка, хоть четверть добряка!

— А ты не станешь жадным, когда разбогатеешь? — обратился он к обладателю кошелька.

— Я знаю верный способ, как не стать жадным: я никогда не стану богатым! — сказал караванщик. — Дам всем вам по три монеты! А на остальные куплю птиц у нашего купца! И мы их выпустим на волю!

— Ни один богач никогда не станет богаче тебя! — радостно воскликнул Алдар-Косе.

— Птицы стоят девяносто восемь монет! — сразу же подал голос купец.

Он страхнул с себя оцепенение, в которое его поверг

блеск золота, и одной рукой уже держался за кошелек караванщика.

— Девяносто восемь монет, — повторял он, — девяносто восемь. За всех птичек... Вместе с клетками!

— Нет! — сказал обладатель кошелька. — Нас, караванщиков, здесь четверо да еще ходжа, и каждый получит по три золотые монеты! И слуга муллы тоже. Он такой же, как и мы. А то, что останется, пойдет в уплату за птиц.

— Меня не считайте, — улыбнулся Алдар-Косе, — судья не может брать денег у тех, чей спор он решал!

— Нет, — сказал купец. — Или все девяносто восемь, или ничего.

— Э-э, добрый человек, — тихим, старческим голосом произнес Алдар-Косе. — Эти люди хотели разговаривать с тобой мирно. Но ты болтаешь глупости и не соглашаешься на хорошую цену...

— Мне эти куски мяса в перьях самому обошлись в сто монет! — закричал купец, все еще цепляясь за кошелек караванщика. — Сто монет без клеток! А сейчас я отдаю товар почти задаром, в клетках, только потому, что мне нравятся мои караванщики!

— Скажите, правоверные, — продолжал Алдар-Косе, — вы давно водите караван этого любителя птиц?

— Первый раз, о ходжа, — сказал самый рослый из караванщиков. — И будь проклят его груз!

— Мы не знаем этого купца, ходжа, — проговорил обладатель кошелька. — Он нанял нас по дороге. От него сбежали люди — не могли видеть, как птицы страдают...

— Я вас спас от голода, нечестивцы! — закричал купец. — Вы не имели ломаной монеты, чтобы купить лепешку в караван-сарай! Если бы не я...

— Хватит! — поднял руку Алдар-Косе. — Теперь скажу я. Кто сажает птиц в клетки, сам достоин той же участи! Ломайте клетки и давайте пленникам свободу! А ты, красноротый, если еще раз пойдешь через нашу степь с таким же грузом, пеняй на себя! Жигиты посадят тебя в клетку! Ты будешь умирать в ней от жажды и солнца, и волки будут караулить твой последний вздох. Ломайте!

Купец раскрыл рот, вцепился руками в бороду и испуганно смотрел на Алдар-Косе.

Караванщики начали открывать клетки, срывать дверцы, выламывать прутья.

— Что вы делаете, свиньи! — бросился на них купец, но, получив крепкий удар, сел на сухую, выжженную траву и начал вытирать бородой мокрые от слез щеки.

— Не надо, Желмая! — уловив презрительное движение верблюжьей губы, сказал Алдар-Косе. — Этот бесчестный человек недостоин твоего плевка.

Птицы, почувствовав свободу, взвились в небо. Те, кто больше других пострадал от дороги, вылетели не сразу. Но парящие в небе ждали отставших. Птиц было так много, что когда клетки опустели, то на мгновение день стал вечером и от взмахов птичьих крыльев поднялся такой ветер, что даже с голов слетели шапки.

Алдар-Косе и караванщики долго смотрели вслед птицам.

— Если хоть половина из них вернется сюда и каждая принесет в клюве одно семя, — сказал рослый караванщик, — то в степи вырастет сад.

— И в его тени будут отдыхать караваны, — мечтательно промолвил владелец кошелька.

— И мы, когда судьба занесет нас в этот край, — произнес Алдар-Косе. — Но если вы хотите дожиться до этого времени, — обратился он к караванщикам, — то вам нужно сейчас же уезжать от краснобородого. В первом же городе он сдаст вас стражникам.

— Как нам быть, ходжа? — испуганно спросил самый щуплый из караванщиков. — Нас всех закуют в кандалы!

— Купите у него верблюдов и отправляйтесь в другую сторону, — посоветовал Алдар-Косе. — Верблюдов при первом же случае продайте или обменяйте, чтобы следов не осталось. А если когда-нибудь потом с ним встретитесь — не бойтесь. Говорите, что он обознался.

Краснобородый, как только речь зашла о купле-продаже, вновь оживился, распустил бороду, чтобы она просохла, и принялся торговаться отчаянно и самоотверженно. Караванщики отсчитали ему десять монет за четырех верблюдов, пять монет за седла, еще несколько монет за воду, лепешки, вьюки.

Наконец все расселись по своим верблюдам. Купец решил продолжить путь и ехать на встречу с хорезмским купцом. А бывшие караванщики договорились возвращаться обратно.

— Мне с вами не по пути, жалко, — сказал Алдар-Косе. — Хош! Прощайте!

Но верблюды не успели тронуться, как, откуда ни возьмись, появилось пятеро всадников.

С гиканьем ворвались они в расположение каравана. Камич и дубинки грозно разрезали воздух.

— Стойте! — закричал широкоплечий жигит с густой до глаз бородой. — Здесь прячется шакалье отродье Алдар-Косе! Того, кто нас обманет, забудем тут же до смерти!

— Здесь нет Алдар-Косе! — испуганно заговорили караванщики.

— Разве кто-нибудь из нас похож на безбородого обманщика? — прижимая руку к сердцу и нащупывая спрятанный под халатом кошелек, сказал купец.

Всадники быстро осмотрели караван, даже в клетки заглянули.

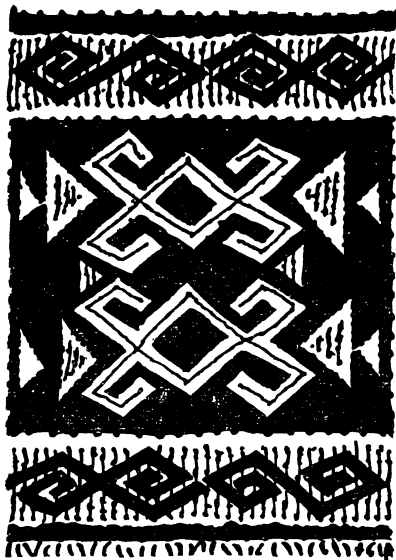
Потом широкоплечий бородач подъехал к Алдар-Косе и закричал:

— Вот он! Это его верблюды Желмая! Лысинка на лбу! Сюда! Я поймал Алдар-Косе!

И он сорвал с «ходжи» бороду вместе с чалмой.

СУЮНШИ

Всем горе — одному радость.

Казахская поговорка

Шик-Бермесу и его толстому родственнику не повезло. Они мечтали ото-

спаться в ауле Аблая, поесть власьть. Но, когда аул уже был виден и усталые кони сами ускорили бег, впереди поднялось большое облако пыли. А когда оно двинулось навстречу Шик-Бермесу и его спутникам, те поняли: скачут десятки всадников. И впереди Шик-Бермес узнал самого Аблая.

Шик-Бермес приветствовал Аблая и после взаимного обмена вежливостями поведал о цели своего приезда. Потом он показал на толстого родственника, который почтительно стоял в отдалении.

— Этого невинного человека Алдар-Косе бил камчой всю ночь, до утра!

— Крепкий жигит твой родственник, — ответил Аблай. — Его били всю ночь, а после этого он еще целый день скакал.

Шик-Бермес всмотрелся в лицо бая, стараясь понять, смеется он или нет. Но разве на непроницаемом лице Аблая кто-нибудь мог прочесть что-либо?

— Ради погибших овец и избитого родственника я бы не рискнул тревожить тебя, — продолжал Шик-Бермес. — Алдар-Косе ездит по степи как старик бахсы. Он нацепил боро-

ду, у него кобыз, ну прямо бахсы... Иначе бы он меня ни за что не обманул!

— Слышите? — спросил Аблай жигитов, стоящих поблизости. — Алдар-Косе стал бородатым! Пусть все знают об этом! Какая у него борода?

— Большая, седая, как у старого козла, — уточнил Шик-Бермес.

— На коней! — сказал Аблай. — Ты и твои жигиты, — обратился он к Шик-Бермесу, — конечно, поедете вместе с нами за головой Алдар-Косе! Дайте гостям свежих скакунов!

Бай Аблай славился не только сумасбродным характером, но и твердостью слова: никто в степи не помнил, чтобы он отказался от сказанного, не добился того, что хотел.

Но в погоне за Алдар-Косе жигиты бая оказались беспомощны. Хитрый парнишка был неуловим. Аблай бесновался от бессилия.

Однако кое-что жигитам удалось узнать: Алдар-Косе поехал не прямо к Дальним горам, как думали вначале. И он совсем не спешил — кружил, возвращался назад, прятался где-то день-другой.

Аблай и его сородичам, которые держали военный совет в Большой юрте, стал ясен план Алдар-Косе: петляя по-заячьи, скрываясь в аулах бедняков-жатаков, сбить с толку погоню, пустить ее по ложному следу. В то время как все жигиты ищут и ждут Алдар-Косе на путях, ведущих к горам, он крутится где-то на обочине степи, медленно двигаясь к своей цели и оставляя позади себя самых опытных и верных людей Аблая.

Аблай еще колебался, не зная, как поступить. Но когда он увидел, что детишки в ауле вместо обычных игр «шалаш-шалаш» играют в погоню, причем никто не хотел быть байским жигитом и все — Алдар-Косе, бай решил: пора самому вступать в борьбу.

— Мы переедем поближе к Дальним горам, — сказал он баям на совете. — Там есть несколько аулов, где живут наши родичи. Жигиты оттуда поскачут на поиски Алдар-Косе. Получится так: чем чаще он станет их обманывать, чем ближе он продвинется к своей цели, тем ближе он будет к нам. В конце концов он сам придет прямо в наш капкан...

Вперед были посланы вестники, чтобы предупредить те аулы, где будут останавливаться Аблай и жигиты, о грядущих гостях, и отряд тронулся в путь. Привезенная Шик-

Бермесом новость, что у безбородого Алдар-Косе теперь есть борода, лишний раз помогла Аблаю убедиться в точности своих расчетов.

— Он уже боится нас, этот шакаленок, — сказал бай. — А тот, кто боится, — тот всегда делает ошибки!

Сородичи, которые получали весть о приближении Аблая и жигитов, спешно готовились к достойному приему. Для бая и почетных гостей готовились юрты. Жигиты, разбитые на несколько групп, располагались в ближних аулах — принять всех воинов Аблая сразу даже самый богатый аул не мог.

Богатеи понимали, чем грозит им появление в степи Шойтаса, и готовы были на любые жертвы, лишь бы помешать этому. В Аблае и его жигитах они видели спасителей и благодетелей.

В ауле Бапáс-бая, коренастого, молчаливого жигита, казавшегося из-за своей ширины почти квадратным, решено было принять самого Аблая и его свиту.

Бапас позаботился обо всем, даже о музыке. Но так как настоящих музыкантов сразу найти не удалось, он послал за Мынбаём.

Мынбай, невзрачный человек с тоненькой и блестящей, как струйка воды, бородашкой, играл на сыбызги — пастушеской дудке, которую вырезают из тростника. На сыбызги играют обязательно возле воды — у родника, реки, колодца: тростник быстро высыхает и начинает звучать плохо, поэтому его нужно все время макать в воду. Когда играют в степи, то рядом с музыкантом ставят черпак с водой.

Так теперь и ездил Мынбай по степи с дудками и ве-

А ведь был он когда-то богатым баем. Владел табунами, стадами, отарами. Но разорился из-за музыки. Да хоть бы еще играть-то умел по-настоящему! А то вообразил себя музыкантом, а слушать его долго никто не мог — разбегались. Дудел бай неутомимо, громко и на редкость противно.

Мынбая звали к гостям только в том случае, когда уж никого из музыкантов не успевали раздобыть. Бапас в данном случае рассчитал точно: во-первых, Аблай ничего не понимает в музыке. Он увидит Мынбая, оценит почет и заботу, а сама игра его мало интересует. Во-вторых, на этот раз Мынбай как никогда к месту, потому что больше всего на свете он ненавидит Алдар-Косе.

Года два назад, когда Мынбай еще считался богатым, Алдар-Косе здорово проучил его.

...Зима была суровой, снега было столько, что скот не мог добраться до травы. Начался голод, падеж. Больше всех, конечно, пострадали бедняки. У них никакого запаса кормов не было, и на их долю, как обычно, приходились самые плохие пастбища.

Нет ничего ужаснее, чем вид табуна после тяжелой зимы! У лошадей гривы и хвосты как грязный войлок. Молодые кони похожи на больших тощих собак: шерсть дыбом, живот к хребту пристает. Взрослые кони и те словно скелеты, обтянутые чем-то грязным...

Алдар-Косе попал в аул Мынбая, когда жатаки оплакивали своих погибших и погибающих коней.

Мынбай тоже понес убытки. Но по сравнению с тем, как пострадали бедняки, он отделался легко. Однако, сколько его ни просили жатаки-сородичи оказать им помощь, он только отмахивался да отговаривался.

В последнее время бай всем начал говорить о том, что он провидец и во сне общается с самим Магометом, единственным пророком аллаха. Богатеи смеялись над этим чудачеством, а для тех, кто был беден, это оборачивалось грустно. Так, например, на этот раз бай заявил своим сородичам:

— Магомет сказал, что я не должен никому помогать. Ибо те, кто пострадал, пострадали по воле аллаха за грехи свои. Как же идти против воли аллаха, а? Больше того, Магомет сказал, что вы должны собрать для меня пятьдесят золотых монет или сто коней.

И Мынбай, чтобы восполнить зимние потери, обобрал бедных, отобрав у них всех лошадей и коней, которые еще могли стоять на ногах.

Тогда в дело вмешался Алдар-Косе. Он пришел к баю и, поговорив о том о сем, сказал:

— Э-э, Мынбай, есть в степи музыкант и лучше тебя. Я видел одного, он играл на сыбызги, не переставая, от восхода до заката.

— Подумаешь! — усмехнулся Мынбай и затряс бородкой, изображая презрение ко всем музыкантам. — Я тоже так смогу! Давай завтра с утра начнем — ты посмотришь, сколько времени я буду играть!

Когда Мынбай дул в дудку, то он закрывал глаза. На это и рассчитывал Алдар-Косе. Он сказал беднякам: «Я достану вам денег, и вы продержитесь до будущего года».

На следующий день, как только Мынбай задудел на весь аул и все близкие его, заткнув уши, убежали в свои юрты или усаkali в степь, Алдар-Косе спокойно отыскал байский тайник, вынул оттуда золото и серебро. Разделив его между ограбленными, он сел на Желмаю и отправился дальше. Бедняки были спасены.

Когда к вечеру бай сломал последнюю дудку и открыл глаза, он не обнаружил ни Алдар-Косе, ни денег. Долгое время он пытался обвинить Алдар-Косе в похищении, но ему это не удалось — весь аул стеной стоял за Алдакена.

Сам Алдар-Косе, когда ему напоминали об этом деле, говорил:

— Э-э, Мынбай не только лучший музыкант в степи, он еще и провидец, друг Магомета. Почему же Магомет не сказал, что деньги вернутся к бедным? Тогда бы Мынбай и не отбирал у бедняков коней. Не нужен мне такой друг, как Магомет. Мой Желмая гораздо надежнее!..

Вот этого-то Мынбая и пригласил Бапас-бай для встречи баев.

И не ошибся в своих расчетах: Мынбай сразу же начал славословить Аблая. Он сравнивал его сначала с различными богатырями, потом со звездами, наконец, дошел до того, что сказал нараспев:

— Зачем нам солнце в небе, если в юрте есть Аблай-бай?

Потом он стал поносить Алдар-Косе, сравнивая его со всеми злодеями и разбойниками.

— Мне виделось, — закричал Мынбай, трясая бородкой, —

виделось, что Алдар-Косе будет пойман нашим солнцем, Аблай-баем, и умерщвлен на глазах всей степи! Я предсказываю, что это случится очень скоро! Мы еще не успеем и три раза встретить восход солнца, как это произойдет!

Когда Мынбай отер пот и выпил чашу холодного кумыса, Аблай спросил его, показывая на сидящего рядом Шик-Бермеса:

— А ты, провидец, знаешь, кто это?

Шик-Бермес приосанился.

— Нет, не знаю, — растерянно тряхнул бородкой Мынбай.

— Если даже не знаешь, кто сидит с тобой рядом, — спокойно произнес Аблай, — то как же ты можешь знать, что ждет нас впереди?

Старикашка смутился было, но Бапас взглядом подбодрил его. Мынбай откашлялся и произнес важно:

— Тебя, бай Аблай, впереди ждет слава! Ты победишь хитрого Алдар-Косе!

— Не велика слава — справиться с безбородым парнишкой! — ответил Аблай. — Слава придет к тому, кто победит Шойтаса!

— Ты победишь и его! — визгливо вскричал предсказатель.

И все баи нестройным хором заговорили:

— Аллах не даст в обиду своего верного слугу!

— Бай Аблай никогда не знал неудач!

— Что такое Шойтас перед нашим баем!

Аблай поднял чашу с кумысом, и все замолчали.

— Волку сказали, — произнес бай, насмешливо поглядывая на сидящих вокруг: — «Скоро тебя сделают пастухом!» И волк заплакал. Все удивились: «Почему ты плачешь?» Волк ответил: «Боюсь, что вы сказали неправду!»

Но льстецы не смутились: угощения, которые вносили слуги хозяина, только подогревали их рвение. Они наперебой заговорили о том, что бай, как и подобает великому житику, слишком скромн.

Не успел осесть пар от только что поставленных перед гостями блюд с вареным мясом, как в юрту ворвался запыленный житиг.

— Суюнши, бай! — обратился он к Аблаю после того, как отдал сале́м всем присутствующим. — Мы поймали Алдар-Косе!

Все онемели от радости. Один Аблай был по-прежнему невозмутим. Он провел ногтем по холеной своей бороде, сказал тихо:

— Покажи его нам!

Толстый родственник Шик-Бермеса на всякий случай спрятался за спину одного из жигитов — кто не знает безбородого хитреца! Вдруг он выкинет какую-нибудь штуку?!

В юрту ввели парнишку в разорванном чапане, без шапки.

По сравнению с рыжебородым грузным жигитом Желекешем, который крепко держал парнишку за худенькое плечо, пленник казался совсем мальчишкой.

— Он, он! Аллах говорит мне об этом! — истово закричал Мынбай и затряс бородкой.

Парнишка вежливо приветствовал старших.

— А-а, попался негодяй! — страстно крикнул Шик-Бермес. — Где мои десять монет?

Глаза парнишки не выражали испуга. Наоборот, он смотрел на баев насмешливо, даже несколько презрительно.

— Желекеш, — произнес Аблай, — где ты его схватил?

Желекеш, громадной ладонью приглаживая бороду, рассказал, что возле урочища Кара-Кулак увидели верблюда с седоком. Погнались за ним, схватили. Алдар-Косе пытался драться.

— Верблюда привели тоже! — закончил Желекеш.

— Почему же ты решил, что это Алдар-Косе? — спросил Аблай.

Желекеш удивился и даже заглянул парнишке в лицо:

— Потому, бай, что он ничего не боится! Обычный парнишка, тот дрожал бы, как ковыль в бурю... А этот только улыбается!

— Любой улыбнется, если попадет в руки таких болванов! — спокойно молвил Аблай. — Он такой же Алдар-Косе, как ты мулла. Вы приняли этого заморыша за Алдар-Косе! Почему вы не приняли его за великого эмира? Теперь он всю жизнь будет гордиться тем, что его называли Алдар-Косе! Дайте ему шапку, и пусть убирается!

— Не похож, — запикивая мясо в рот, пробормотал Шик-Бермес, — совсем не похож! Разве Алдар-Косе такой?

— Он совсем не такой! — подхватил толстый родственник. — Ничего похожего! Я же его хорошо знаю!

— Только невежды могли спутать обычного пастушонка с отродьем шакала! — затряс бородой Мынбай.

Аблай сидел задумавшись, не прикасаясь к мясу.

— Что с вами? — обратился к нему Бапас, хозяин юрты. — Угощайтесь, вы ничего не едите, обижаете меня!

— Вспомни, Бапас, — молвил Аблай, — прежде ты встречал в степи таких парнишек?

— Каких? — не понял Бапас и на всякий случай угодливо поклонился.

— Вот таких, которые ничего не боятся, — сказал Аблай. — Пастух-жатак должен трепетать, когда видит жигита. А уж если его вводят в юрту к баям, он должен падать на землю, а не приветствовать нас, как ровню! Ты понял, Бапас, почему нужно уничтожить Алдар-Косе? Потому что из-за него все чаще попадают теперь в степи такие мальчишки! И это страшнее Шойтаса!

— Он бил его камчой всю ночь, и утро, и день, и еще ночь! — тем временем кричал Шик-Бермес. — И он весь в шрамах. От рубцов он стал полосатым, как тигр! Покажи жигитам, как тебя изуродовал этот безбородый шакал!

Толстый родственник хотел уже раздеваться, чтобы показать шрамы и рубцы, но его усадили на место, сунули в руку кость с мясом, и он заурчал над ней, забыв обо всем на свете.

Но Шик-Бермеса, который от дарового угощения всегда приходил в хорошее настроение, остановить было уже трудно. Теперь он начал рассказывать истории об Алдар-Косе.

— Этот хитрец глуп... да, да, он глупый хитрец! — кричал Шик-Бермес. — Один раз Алдар-Косе спрятал в степи деньги, которые он утащил у одного доброго бая... Спустя несколько дней жигиты увидели: безбородый бегаёт по степи, как слепой заяц, — туда-сюда, туда-сюда! Он не мог найти место, куда спрятал золото, хе-хе! Жигиты спросили у него приметы места. И знаете, что ответил этот хитрец? Что он спрятал их в землю как раз под краем облака, которое тогда было на небе, но, видно, за эти дни облако кто-то украл! Хе-хе-хе! Ну, не глуп ли он?

— Если он так глуп, — сказал Аблай, — то как же глуп тот, кого он обманывает?

Другой человек поперхнулся хотя бы, но Шик-Бермес только льстиво заулыбался и продолжал уничтожать баранину.

— Мы не должны считать врага глупцом, — твердо произнес Аблай. — Какая честь жигитам быть победителями глупца?

В юрту вошел чернобородый жигит Срым. Про него говорили, что его рука не расстается с камчой, а сердце — со злобой; не было у Аблая более ретивого слуги, чем Срым.

Отдав салем, Срым сказал, радостно сверкая глазами:

— Суюнши, бай!

Аблай нахмурился.

— Опять поймали? — обрадовался Шик-Бермес.

Аблай дал знак: говори.

— Я встретил купца, — начал Срым, возбужденно постукивая камчой по сапогу, — говорил с ним и ученым муллой. Они ехали вместе... Алдар-Косе в чалме ходжи и с привязанной бородой повстречался им.

— В чалме ходжи?! Нечестивец! — зашумели бай.

— Как они узнали, что это Алдар-Косе? — спросил Аблай.

— Они его не узнали, — продолжал Срым, — но тут налетели какие-то жигиты, поймали его. Сорвали чалму и бороду, избили, на аркане потащили куда-то...

Аблай вынул из кармана кошелек с монетами и бросил его через всю юрту Срым:

— Получай свое суюнши!

Глава седьмая

ОСТРОСЛОВ ЖИРЕНШЕ

Пришла беда к другу — пришла и к тебе.

Казахская пословица

аркана не выпускал из кулака всадник, который ехал на низеньком коренастом коньке впереди тощего высокого Желмаи.

Сзади Желмаи тоже ехали двое — попробуй удери!

Алдар-Косе долго присматривался к всадникам, что-то прикидывая и рассчитывая, потом на его безбородом, исчерченном полустертыми морщинами лице заиграла лукавая улыбка; он вдруг начал сползать с седла и, натянув аркан, мягко упал с верблюда в сухую теплую траву.

Остановился Желмая, спешили всадники.

Густобородый жигит, верховодивший налетом на караван, встревоженно склонился над Алдар-Косе, который лежал бездыханный, с закрытыми глазами.

И тут Алдар-Косе вцепился зубами в густую бороду жигита. Жигит отпрянул, и... борода осталась в зубах у Алдар-Косе.

Засмеялись и лежащий на земле Алдар-Косе, и пострадавший жигит, и все остальные.

— Как ваше здоровье, уважаемый Жиренше? — вежливо спросил Алдар-Косе, вскочил на ноги, и двое жигитов, толкаясь и мешая друг другу, бросились развязывать ему руки.

Бывший бородач все сще смеялся. Вместо накладной

до глаз бородачи у него оказалась своя небольшая, почти прозрачная, светлая бородка. Не дожидаясь, пока Алдар-Косе стянет с себя петлю аркана, и все еще продолжая смеяться, жигит с распростертыми руками шагнул к Алдар-Косе и обнял его.

— Алдакен! Прости, что напугал тебя!

— Жиренше! Друг! Я должен был все понять сразу. Но последние дни я жил в юрте Шик-Бермеса, думал только о еде. Поглупел, видно...

— И удалось тебе, Алдакен, получить хоть каплю воды у этого скряги? — спросил круглоглазый молоденький казах, юное лицо которого казалось чужим на громадных богатырских плечах.

— Наш Илхас однажды прожил у Шик-Бермеса два дня и не пригубил даже чашки кумыса, — сказал Жиренше.

— Если бы у Илхаса была такая же длинная и почтенная борода, как у меня, — рассмеялся Алдар-Косе, — и он бы умел играть на кобызе, то и ему что-нибудь перепало!

Алдар-Косе сел на Желмаю, всадники вскочили на коней и тронулись в путь.

— Мой Желмая оказался догадливее меня, — сокрушенно вздыхал Алдар-Косе. — Он сразу почуял друзей... А я только в степи стал думать: знакомо мне лицо этого бородатого, вроде видел где-то! Э-э, как я не узнал тебя, Жиренше!

— Очень трудно было размахивать камчой так, чтобы со стороны казалось, будто я стегаю Алдакена! — рассмеялся широколицый и белозубый всадник, придерживая своего коня возле Желмаи.

— А я-то думал: какой я ловкий! Так умею увернуться, что все удары идут мимо. Тебя-то, Жаншá, я и узнал первым! — Алдар-Косе весело подмигнул всаднику. — «Очень знакомая улыбка, — подумал я, когда ты тянул меня на аркане. — Враг не может так улыбаться...»

— Мы гонялись за тобой три дня, — сказал Жиренше, принаравливая шаг своего коня к мягкому бегу Желмаи. — Аблай всю степь поставил на дыбы — десять отрядов жигитов вышли на охоту.

— Не очень-то хочется баю встречаться с Шойтасом! — усмехнулся Жанша.

— Когда в наш аул завернули аблаевские псы, — про-

должал Жиренше, — я созвал друзей и сказал: «Надо помочь Алдакену... Он должен добраться до гор!»

— Мы решили провожать тебя! — сказал Жанша и радостно улыбнулся.

— Э-э, провожать меня не нужно, — покачал головой Алдар-Косе. — Врагам легче поймать нас всех, чем меня одного...

— Я говорил вам то же самое! — воскликнул Жиренше. — Слышите, что сказал Алдакен?

— Алдар-Косе и Жиренше всегда думают одинаково, — произнес Илхас, прислушиваясь к разговору друзей. — Они ссорятся только тогда, когда остаются вдвоем!

...Жиренше был на десять зим старше Алдар-Косе. Когда по степи начали гулять рассказы о необычайной смекалке и необыкновенных выдумках мальчугана, впоследствии прозванного Алдар-Косе, то Жиренше был уже юношей: у него пробивались усы и один раз он даже пришел первым на байгё—скачке. К этому времени не только родной аул, но аулы всех сородичей звали Жиренше Острословом. Его ответы и шутки, как птицы, перелетали от юрты к юрте.

...Однажды отец Жиренше, бедный скотовод, в ненастный вечер начал жаловаться на жизнь и сказал, как обычно обращаясь к самому себе:

— Э-э, когда от нас уйдет бедность?

Жиренше с улыбкой ответил:

— Зачем же ей от нас уходить? Вы с матерью добрые, честные люди, все время работаете, никого не обижаете, разве бедность по доброй воле уйдет из такой хорошей семьи?

...В другой раз, говорят, встретился он с таким же бедняком, как сам.

— Что сегодня варите? — спрашивает.

— Ничего, — отвечает тот грустно.

— У вас еще неплохо, — сказал Жиренше, — у нас хуже.

— Как же может быть хуже? — удивился собеседник.

— У нас тоже ничего нет, но к тому же и гости приехали.

...Как-то раз соседи слышали, что Жиренше бранит свою младшую сестренку.

— Что она сделала? — спросили они. — За что ты ее ругаешь?

Жиренше не хотел соседям объяснить суть спора с сестрой и отделался шуткой:

...жигит с распростертыми руками шагнул к Алдар-Косе и обнял его.

— Я ругаю ее, чтобы завтра, когда пойдет за водой, она не упала в колодезь. — И, заметив удивление на лицах соседей, пояснил: — Завтра я уезжаю с отцом на базар, в город, и не смогу ее отругать, если она свалится!

...Одной из лучших шуток Жиренше-Острослова была проделка с верблюжьими барышниками.

Поехал отец Жиренше в город и взял сына с собой. Пока отец ходил по своим делам, Жиренше завернул на базар. Он бродил меж покупателями и перекупщиками, сапожниками и шапочниками, медниками и шорниками, продающими сбруи для коней, камчи и арканы; он глазел на ювелиров, торгующих кольцами и украшениями, на приезжих купцов, расстилавших по земле мягкие, как пух, ковры и сверкающие, как река в часы заката, алые шелка.

Потом он остановился возле торговца верблюдами. Толстый купец продавал какому-то баю верблюдов. Жиренше так внимательно присматривался к животным, что купец забеспокоился: как бы юноша, видимо хорошо разбирающийся в верблюдах, не сорвал сделку. Купец, незаметно проходя мимо Жиренше, сунул ему в руку золотую монету и шепнул: «Молчи». Жиренше очень удивился, но, выполняя просьбу, добросовестно молчал.

«Выясню эту загадку, когда он кончит торговаться с покупателем», — решил Жиренше. Но так как купец торговался очень долго, то Жиренше, постояв еще немного, пошел к другому купцу-верблужатнику.

Там повторилась та же история. Дальше—больше. Все торговцы, обеспокоенные пристальным вниманием юноши-степняка, торопливо совали ему в руку монеты и просили его или молчать или уходить.

Когда Жиренше, обойдя весь верблюжий ряд и не сказав ни слова, вернулся к первому купцу, тот уже подсчитывал барыши.

— А-а, это ты, — узнав Жиренше, сказал он. — Ты же получил с меня золотой, что тебе еще нужно? Да, скажи все-таки, как ты узнал, что мои верблюды имеют изъяны? Ты, верно, большой знаток, если увидел то, чего никто не заметил...

Подошли другие торговцы, стали упрашивать Жиренше, чтобы он объяснил им, откуда у него такие познания в верблюдах.

— Я из бедного аула, — сказал юноша, — в городе я

первый раз и никогда не видел столько верблюдов сразу. Вот и все.

Поднялся большой шум, возмущенные торговцы хотели отобрать у Жиренше деньги.

— Есть ли у тебя хоть немного совести? — закричал первый купец.

— Совесть? Я обошел весь базар, но такого товара не видел, — сказал Жиренше. — А разве ее здесь тоже продают?

Один из торговцев, самый жадный, все же потащил Жиренше к бию-судье.

— Ты выманил у меня деньги, ты меня обманул! — кричал он.

Другие купцы, боясь, что их обманы вскроются, уговаривали жадного торговца оставить Жиренше в покое, но он стоял на своем.

К бию-судье им не удалось попасть сразу. Ведь базар — это котел, в котором варится сразу великое множество людей. А сколько там споров, ссор, обманов! Поэтому пришлось ждать, пока бий рассудит дела тех, кто явился раньше.

Первым был вор. Он сам пришел к бию и сказал:

— Я украл барана.

— О, ты совершил тяжкий грех, — закачал головой бий.

— Аллах простит мне его, если я отдам барана вам?

— Нет, барашка следует вернуть хозяину, — провозгласил бий.

— Но как быть, ага? — в недоумении развел руками вор. — Я пытался вернуть его хозяину, но тот не взял его.

— Аллах милостив и справедлив! В таком случае ты вправе съесть его!

— Да благословит аллах имя твое, о справедливейший из справедливейших! — сказал вор и, низко кланяясь, ушел. Жиренше громко рассмеялся.

— Что веселит тебя? — спросил бий недовольно.

И все присутствующие осуждающе посмотрели на весельчака.

— Простите меня, ага, но есть ли у вас бараны? — спросил Жиренше.

— Есть, — немного растерянно ответил бий. — Но что же тут смешного?

— Кажется мне, ага, что у вас на одного барана стало

меньше. Вспомните слова вора. Ведь он пытался вернуть вам вашего же барана, а вы отказались!

Все смотрели на юношу с удивлением: какой смелый — самого мудрого бия уличил в промашке!

Бий взволнованно погладил бороду, покачал головой, потом сказал слуге-мальчику:

— Пойди домой и узнай: все ли бараны, которых мы купили сегодня, целы.

Мальчик убежал, а бий продолжал разбирать споры.

Богатый бай требовал с бедного казаха возмещения убытков.

— Он нес жерди и задел меня ими. Видите, какая дыра на одежде? — кричал бай. — Пусть заплатит, шайтаново отродье!

— Так ли было дело? — спросил бий.

Но казах стоял безучастно и ни на какие вопросы не отвечал.

— Он что — немой? — спросил бий.

— Э-э, немой! — еще громче закричал бай и поднес кулак к носу бедняка. — А когда он нес свои проклятые жерди, то орал на всю улицу: «Эй, сторонись!» А тут притворился немым...

Бий задумался, теребя бороду. Видно, он не столько интересовался делом, сколько волновался за судьбу своего барана.

— Раз он кричал, предупреждая всех, — сказал Жиренше баю, который продолжал размахивать кулаками перед лицом бедняка, — то чего же ты жалуешься? Сам виноват! Ведь и тебя он предупредил!

— Да, да, так... ты не можешь требовать с него ничего, — сказал бий, снова недовольно посмотрев на Жиренше. — Идите оба.

В этот момент появился слуга-мальчишка и, задыхаясь от быстрого бега, сказал:

— Бий-ага, одного барана украли!

— О-о, аллах покарал меня за недогадливость! — воскликнул бий, скорбно качая головой. — И я сам разрешил вору съесть его! О!

Торговец верблюдами, который стоял рядом с Жиренше и крепко держал его за рукав, увидев, что даже сам бий нуждается в советах паренька из степного аула, отпустил руку Жиренше и удрал. Когда бий спросил Жиренше:

«Что привело тебя сюда?», он ответил: «То, что привело, уже исчезло».

Все, кто видели, как сбежал купец, рассмеялись.

Судья же так и остался в недоумении.

...Много различных веселых историй о Жиренше рассказывали казахи друг другу. Недаром его прозвали Остро-словом!

Понятно, что когда юноша Жиренше услышал о проделках мальчика, которого уже все чаще называли Алдар-Косе, то он решил с ним встретиться и поехал искать его — ведь Алдар-Косе со своей матерью бродил по степи из аула в аул.

Возле одного из аулов, расположенного на берегу реки, Жиренше встретил мальчика с веселым рыжим хохолком на голове и спросил, где здесь брод, как перебраться на ту сторону.

Мальчик ответил:

— Здесь два брода. Один дальше, но ближе. Другой близко, но далеко.

Жиренше рассмеялся:

— Я люблю отгадывать! Я даже могу отгадать, как тебя зовут. Алдар-Косе. Верно?

И они вместе поехали через дальний брод, потому что через него переезд был удобнее. А близкий брод частенько оборачивался далеким: там дно реки было топким, скользким.

Мальчик Алдакен славился ловкостью и сноровкой. В гнезде из-под птицы лйцо вытащит — птица даже не шелохнется. На буйного коня вскочит, клещом в него вцепится — как конь ни старается, сбросить Алдакена не может.

Очень любил он посмеяться, разыграть кого-нибудь, загадку загадать. Меж сверстников друзей у него почти не было, приходилось Алдакену большую часть времени проводить среди взрослых.

С Жиренше он подружился сразу, привязался к нему, как к старшему брату.

Когда в аул, где находился Алдар-Косе с матерью, приезжали гости, то они, конечно же, хотели увидеть хитроумного мальчугана, поговорить с ним. Но если у мальчика в этот момент не было настроения, то он мог набедокурить.

Однажды какой-то приезжий казах нес на плече небольшой казан с пшеном. Он шел в юрту своих сородичей и всех по дороге спрашивал, где бегают Алдар-Косе.

— Это я! — сказал Алдакен.

— Говорят, ты очень хитрый парень, — улыбнулся приезжий. — Рассказывают, что ты можешь провести кого угодно. Но меня, как бы ни старался, не проведешь!

— Разве сейчас время для шуток? — грустно молвил Алдакен. — Ведь беда идет на нашу степь, небо все в огне, вот-вот рухнет...

Приезжий, продолжая идти, с любопытством задрал голову, споткнулся, казан свалился на землю, пшено рассыпалось.

— Уй-уй, что я наделал! — закричал казах.

А шустрый мальчуган убежал вприпрыжку как ни в чем не бывало.

За эту проделку Алдакелу досталось от Жиренше.

— Есть шутки никчемные, вредные, — сказал Остро-слов. — Зачем же ими пользоваться? Что тебе сделал этот человек?

— Он хвастун и глупец, — отвечал мальчик. — Если бы он меня не задел, то донес бы свою крупу до юрты. Зачем он смеялся надо мной?

— Алдакен, нельзя быть злым, — положив руку на рыжий хохолок своего маленького друга, проговорил Жиренше. — Пусть люди любят тебя за добрые шулки.

— Но ведь есть же в степи и плохие люди, — возразил мальчик. — Мы же не путаем ягненка и змею, птицу и волка. Бай убил моего отца — я никогда не буду добрым к баю.

— И не надо! — сказал Жиренше. — Враг всегда враг. Но хоть сам-то не делай врагов себе. Помни: хороших, добрых людей в степи больше, чем людей-волков, людей-змей.

Изобретательность Алдакена всегда вызывала восхищение Жиренше.

Мальчику приходили в голову самые необычайные выдумки. Как-то утром он прибежал к Жиренше и сказал:

— Вчера я поспорил с сыном бая. Он говорит, я слабее его. «Пусть тот из нас будет сильнее, — предложил я, — кто выжмет из камня сок. Кто проиграет — отдает жирного барана».

— Что же ты теперь будешь делать? — поинтересовался Жиренше. — Ведь проиграть ты не можешь — у тебя барана нет.

— Не знаю... нужно подумать! — И Алдакен убежал.

А вечером вернулся домой с бараном. Вот как хитрый мальчуган выиграл спор.

Днем Алдакен достал кусок творога, извальял его в пыли так, что он стал с виду похож на камень. А когда ребята собрались, чтобы посмотреть, как будут выжимать сок, и каждому из соперников дали по камню, то Алдакен ловко подменил камень творогом. И сок был выжат!

— Это не я придумал, — сознался он вечером Жиренше. — Мне как-то рассказали сказку, я и запомнил. А теперь пригодилося!

...Слушать сказки и веселые истории Алдакен любил больше всего на свете. Обо всем забывал, становился задумчивым, никого в это время не задирал.

Жиренше старался, чтобы Алдакен знал как можно больше: возил его к акынам, если была возможность, сам привозил сказителей. А когда умерла мать Алдакена, то Жиренше свел сироту с бродячими музыкантами и степными весельчаками — салы́ и сэрэ́, — с которыми тот прожил несколько лет. Они научили мальчугана играть на кобызе, домбре, с ними он объездил всю степь, побывал и в городах, и в горах, и у туркменов, и у киргизов.

Но не было более близких друзей на свете, чем Алдар-Косе и Жиренше! И самыми прекрасными мгновениями в жизни обоих были те, когда они могли быть рядом, спокойно перекидываться шутками, вспоминать свои старые похождения и забавы, придумывать новые.

Вот и сейчас, в жаркой степной тишине, на минуту-другую для Алдар-Косе и Жиренше перестало существовать все, кроме них самих. Только они вдвоем под синим шатром неба, и не нужно никуда мчаться, и не надо быть все время настороже.

Остальные всадники, придерживав своих коней, пропустили друзей вперед.

Чуть-чуть покачивался Жиренше в такт шагам коня — вверх-вниз, вперед-назад.

А вот Желмая шагал что-то не так, как обычно. Все больше и больше припадал на правую переднюю ногу.

— Понимаешь, теперь все узнают, что Алдар-Косе пойман, — говорил Жиренше. — Купец и ученый мулла разнесут весть о твоём плене повсюду! Это облегчит тебе дальнейший путь. Легко станет узнавать, кто враг, а кто друг. Дру-

зья будут печальны, а враги начнут резать баранов... Что с Желмаей? Он хромает!

Друзья остановились, соскочили на землю.

— Желмая, дорогой, что с тобой? — спрашивал Алдар-Косе взволнованно. — Не пугай меня, дружище...

— Подбито вот здесь! — сказал Жиренше, ощупав ногу верблюда. — Словно кто-то ударил его камнем.

— Э-э, мулла! — вспомнил Алдар-Косе. — Он ударил Желмаю! Бросил кошелек с золотом прямо ему на ногу. Ушиб... Что же делать?

— Желмае нужно отдохнуть день-два, — подумав, решил Жиренше и добавил, усмехнувшись: — Уж я-то, как ты помнишь, знаменитый знаток верблюдов, со мной спорить не стоит.

— Но как же мне быть? — задумался Алдар-Косе.

— Возьмешь моего коня! — предложил Жиренше. — А я поеду на Желмае, нам торопиться некуда. Мы будем двигаться к Дальним горам. Но поедем прямо. Ты же поскачешь к реке. Заночуй в ауле бая Мошекé-Обжоры. Утром переправься на тот берег и все время забирай к западу. Там аблаевских волков меньше... Мы поедем прямо к горам. А через три дня встретимся с тобой у колодца Боз-Айгыр.

Все принялись обсуждать путь Алдар-Косе. Могучий Илхас и белозубый Жанша наперебой советовали, как нужно ехать Алдакену за рекой, в каких аулах останавливаться, у кого ночевать.

Желмая грустно смотрел на оживленно разговаривающих жигитов, словно понимая, что расстанется с хозяином. Когда Алдар-Косе подошел к нему, чтобы снять мешки, верблюд вздохнул.

— Ну, ну, дружище, — потрепал его по голове Алдар-Косе, — не грусти, у нас с тобой еще все впереди!

Из двух мешков, которые нес Желмая, Алдар-Косе выбрал самое необходимое, сделал небольшой узелок: на конескакуне много груза не повезешь.

— Здесь в мешке кобыз, — предупредил Алдар-Косе Жиренше, — захочешь, играй.

Потом все вместе со смехом и шутками, стали преобразовать Алдар-Косе в старика. Морщины, которые стерлись за время пути, пришлось рисовать заново. Жиренше старательно расчесал седую бороду, отряхнул чалму.

Алдар-Косе по-старчески закрихтел, сгорбился, схватился за поясницу, едва подошел к коню. И вдруг, не продевая ногу в стремя, прямо с земли вскочил в седло.

— Вот какие старики у нас в степи! — воскликнул Жиренше.

После объятий и прощаний Алдар-Косе ударил слегка коня камчой, и он ринулся вперед.

Друзья долго смотрели ему вслед.

Тяжело вздохнул Желмая.

— Догадывается, что я раза в два тяжелее Алдакена, — погладил верблюда Жиренше. — Ничего, друг, мы поедем медленно, завтра будем целый день отдыхать, лечить твою ногу... Не сердись, Желмая!

Всадники ехали не спеша. Говорили об Алдар-Косе, вспоминали его старые и новые похождения.

Илхас, который уже слышал о том, как Алдакен выудил у Шик-Бермеса золотые монеты, рассказал историю с «волшебным бараном».

Но не успели жигиты посмеяться, как Жанша, привстав в седле, сказал обеспокоенно:

— Кажется, за нами погоня...

— Нас принимают за Алдакена! — обрадовался Жиренше. — Что ж, уведем волков подальше от дичи. Заворачивайте вправо и удирайте. А я поеду прямо. Им тоже придется разделиться. Пусть погоняются за нами подольше!

Всадники на конях помчались в сторону, Жиренше на Желмае продолжал не торопясь ехать прямо.

Погоня действительно разделилась: трое поскакали за Жиренше, остальные, человек десять, за Илхасом, Жаншой и их друзьями.

Кони из табунов Аблая были резвее утомленных скакунов из табуна бедняков. И хотя прошло немало времени, но погоня все-таки настигла друзей Жиренше.

Сам Жиренше к тому времени давно уже мирно беседовал с рыжебородым мрачным Желекешем.

— Придет время, вы его поймаете, — говорил Жиренше. — Никуда он не уйдет, этот безбородый, от таких знаменитых жигитов, как вы...

— Отродье шайтана, слава аллаху, уже пойман, — ответил Желекеш. — Теперь мы ищем жигитов, которые его поймали. Не знаешь, не слышал? А эти, твои товарищи, чего они от нас удирали?

И Желекеш, подражая Аблаю, провел пальцем по бороде.

— Аллах всемогущий! — воскликнул Жиренше. — Да если бы подо мной был конь-тулпár, и то я бы удрал! Ведь когда глядишь на такую силу, как вы, на таких палуанов-богатырей, дрожь и страх охватывают все тело! И мчишься куда глаза глядят!

«Алдакен сейчас уже далеко, — подумал Жиренше, — им его не догнать».

— Э-э, поймали его! Вы слышали? — крикнул Жиренше своим друзьям, которые подъезжали на тяжело дышащих конях. — Алдар-Косе схвачен. Когда это случилось, почтенный Желекеш?

— Утром. Алдар-Косе выдавал себя за ходжу. С него сорвали бороду, избили и потащили по степи на аркане!

— Мы видели всадников что-то около полудня, — задумчиво произнес Жиренше. — Или раньше, вы не помните, друзья?

— Немного раньше, — уточнил Илхас.

— Они были очень далеко, — сказал Жанша. — И скакали на восток.

— На восток? — Желекеш поглядел на восток. — Значит, они направились к урочищу Акмóл. Похоже, что это были они... Ведь Алдар-Косе схватили на караванной тропе, недалеко от змеиного колодца. Если бы жигиты скакали туда, то они ехали бы на запад. Значит, они уже возвращались с добычей! Хош, прощай, Жиренше! Эй, эй, гони!

— Всёгда рад помочь почтенному баю Аблаю и его богатырям! — ответил Жиренше.

Желекеш повернул коня и полетел впереди своей стаи на восток.

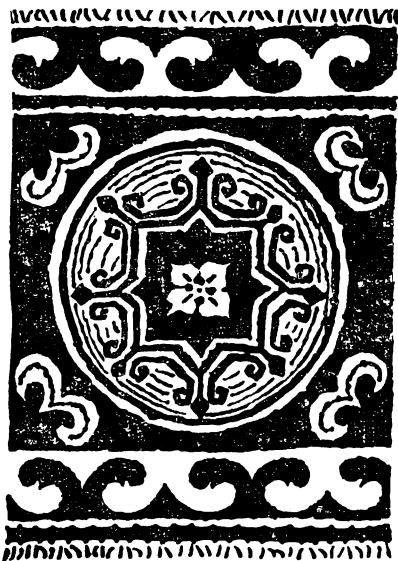
— Да поможет вам аллах! — громко крикнул Жиренше.

Всадники дружно рассмеялись. А Желмая брезгливо плюнул им вслед.

Глава восьмая

АУЛ БЕДНЯКОВ

Ум даже на большом базаре
за золото не купишь.

Казахская пословица

Алдар-Косе торопил коня.
Пожалуй, впервые за все
время со дня выезда к

Дальним горам он почувствовал беспокойство, ощутил близость опасности. Волнение Жиренше передалось ему. Оно вывело его из того чудесного состояния веселой уверенности в успехе, в котором он пребывал последние дни.

Алдар-Косе торопил коня. И по привычке разговаривал с ним, как с Желмаей.

— Я не люблю камчи... Ничего нельзя делать из-под плетки. Но, однако, надо спешить. Эх, нам бы с тобой за-светло до аула Мошке добраться! Там есть друзья наших друзей, да и у тебя знакомые найдутся. А на завтра — заречные луга, до которых даже моему другу баю Аблаю не так легко доскакать... Потом — Боз-Айгыр! Желмая! Жиренше! Ведь ты хочешь увидеть своего хозяина?

Конь бежал неплохо, но, видимо, язык камчи ему был более понятен, чем слова Алдар-Косе.

Впереди, в туманно-пыльной дымке, показались какие-то черные точки.

Алдар-Косе поехал медленнее: ведь такому седобородо-му ходже, каким он выглядел, непристойно было мчаться по степи, как молодому жигиту.

Точки выросли во всадников.

— Теперь, пожалуй, нужно смело ехать им навстречу, —

сказал Алдар-Косе коню. — Как ты думаешь? Никак не думаешь? Ну что ж, тогда едем прямо. Не посмеют же они поднять руку на такого старика, как я!

Всадники с большим почтением приветствовали ходжу.

Это были жатаки — бедняки из аула землепашцев, который стоял где-то поблизости. Алдар-Косе не хотел сворачивать с дороги, а тем более задерживаться, но жатаки принялись упрашивать его.

Старший из них сказал:

— Ходжа, нам нужен мудрый совет. Весь аул будет благословлять тебя, не проезжай мимо нас, не бросай нас в дни беды!

— Худо нам, ходжа! — поддержал второй. — Помоги!

Лица бедняков были усталы и озабоченны, грусть светилась в их глазах — разве Алдар-Косе мог им отказать?

...Аул жатаков-бедняков — всего семь-восемь юрт. Тут же на арканах паслось около десятка лошадей.

Жатаки этого аула собрались сюда из разных родов. Они ушли от своих баев, бросили скотоводство и осели на землю, стали сеять хлеб. Дело у них только-только начинало идти на лад.

О них много говорили в степи, и, конечно, у Алдар-Косе здесь имелись друзья. Однако среди вышедших из юрт людей Алдар-Косе не увидел знакомых лиц. Это его насторожило: что случилось? И он решил пока не снимать ни чалмы, ни бороды.

«Ходжу» провели в серую, старую юрту — лучшей в ауле не было.

После приветствий и вопросов о здоровье Сали́х, высокий, могучего сложения казах, сказал:

— Сначала — еда, потом — беседа!

Появилось кислое молоко, сыр, лепешки.

Алдар-Косе ел просяные лепешки и прихваливал:

— Э-э, как мед!

Салих вздохнул:

— Не смейся, ходжа, над нами!

— А разве ты не знаешь: заработанное потом пахнет медом! — сказал Алдар-Косе.

В юрту входили жатаки, почтительно отдавали салем, бесшумно садились на кошму.

Голоса звучали глухо, озабоченно. Видимо, столько горя и забот было у каждого из бедняков на душе, что Алдар-Ко-

се вдруг, на какое-то мгновение, всем телом ощутил нависшую над аулом беду.

«Что же случилось? — думал он. — Видно, большое несчастье пришло...»

Один из тех двух жатаков, которые встретили Алдар-Косе в степи и привезли его в аул, сидел между хозяином юрты могучим Салихом и «ходжой».

— Чем ты так опечален? — спросил Алдар-Косе. — Почему в твоих глазах грусть?

Жатаки переглянулись, а Салих сказал:

— Э-э, ходжа! Мало ли почему бедняк бывает не весел? То одно, то другое... Жакáй работал у Сансызбая, ему обещали заплатить двумя баранами. А потом прогнали и ничего не дали.

— Да, ходжа, это так, — подтвердил Жакай, зеленоглазый шуплый казах, у которого, казалось, даже усы и то висели устало. — Сын бая сказал: «Ничего мы тебе не должны. Кормился у нас. Проел больше, чем наработал! Благодарил аллаха: я не считаю еще того, что ты задолжал». Вот как сказал...

— Жакай драться хотел, мы едва удержали, — добавил молодой жатак. — А зачем драка? Пролитую воду не соберешь, прожитого не вернешь...

— Можно и вернуть, — произнес Алдар-Косе, — но не кулаками. Ну, избили бы вы одного, другого, потом бы вас пбили. Последний бы чапан изорвали... Если бы битье учило уму-разуму, то ленивый конь был бы самым умным в степи.

— Пойду к бию-судье, — безнадежно молвил Жакай. — Вдруг он поможет?

— Ты аллаху помолись получше, попроси, — усмехнулся Салих.

— Э-э, аллах, бий-судья! — Алдар-Косе не спеша погладил бороду. — У них всегда прав тот, у кого баранов больше.

— Что же делать? — воскликнул Жакай. — Мне плюнули в глаза, и мне еще бая с аллахом благодарить нужно за это?

— Я много езжу по степи, всякое вижу, — отхлебнув молоко из чаши, сказал Алдар-Косе. — У одного моего сородича похоже получилось: нанялся курт варить, обещали барана, а дали — облако в небе. Ты просто не думал о том,

как перехитрить сансызбаевских жигитов, — сказал Алдар-Косе. — А нужно было тебе что-нибудь придумать! Барана бы своего получил и их наказал!

— Ходжа, ты много видел и слышал, — произнес молодой жатак, сидящий у самого входа в юрту. — Мудрый бросает советы, а тот, кто хочет быть умным, подбирает их. У меня тоже счеты с Мошеке-баем, Обжорой. Ему понравился мой конь, и он взял его. А сказал всем, что коня оводы закусали до смерти.

— Если в отаре бая пропадает овца, то это овца бедняка, — покачал бородой Алдар-Косе.

В юрте стояла духота, несмотря на то что нижний ряд войлоков был поднят. Борода грела лицо Алдар-Косе, из-под чалмы предательски стекали струйки пота.

«Так, пожалуй, и морщины мои растекутся, — подумал он. — Ну ничего, тут, кажется, все друзья...»

— Что бы вы сделали, ходжа, на моем месте? — продолжал молодой жатак. — Как вернуть коня?

— Я знаю Мошеке-бая, — усмехнулся Алдар-Косе. — У жадного для отказа отговорок много. Вот Мошеке Обжора любит все сваливать на оводов и слепней. А знаете почему? Видно, оводы и слепни любят кровь обжор. Посмотрите: в жаркий день над стадом всегда слепни и оводы вьются, словно туман стоит. Но стоит только баю Мошеке выйти из юрты, как все эти крылатые звери летят к нему. Толстый бай, конечно, вкуснее коня или коровы. Хотите знать, как бы я наказал бая?

— О ходжа, может, твой совет вернет мне коня! — обрадовался молодой жатак.

Алдар-Косе задумался.

Ведь хитрость рождается обычно мгновенно. Придумывать же хитрости впрок — наперед — ему еще не приходилось.

Для того чтобы представить себе тучную фигуру Мошеке-бая, его аул, степь вокруг, реку, Алдар-Косе закрыл глаза.

Хозяин юрты принял это за проявление усталости и жестами показал гостям, чтобы они не шумели, но Алдар-Косе уловил беспокойство хозяина и сказал:

— Друзья, я не устал. Давать советы — легкое дело. Выполнять их труднее. По дороге к Боз-Айгыру, возле брода на реке, кажется, песок хороший?

— Песок там золотой и мягкий, как просо, — отзывались сразу несколько жатаков.

— Лучше не найдешь!

— Я бы сделал так, — продолжал Алдар-Косе, осторожно вытирая рукавом пот на лице. — Набрал бы три-четыре мешка этого песка и привез в аул Мошкеке утром пораньше, когда еще оводов почти нет. Ехал бы и кричал, как на базаре: «Убивает всех слепней-оводов! Убивает всех слепней-оводов, последние мешки остались!» Бай-обжора сразу же позвал бы меня к себе. Сторговались бы мы с ним быстро: мол, тороплюсь, мне еще в другой аул нужно. Запросил бы цену двух коней. Дорого? Ответил бы: «Не всякий песок помогает, нужно место знать, где его брать. Вы, бай-ага, меня знаете. Зачем мне вас обманывать? Да и песка этого до следующей зимы хватит». В конце концов бай отдал бы мне одного коня и барана в придачу.

— Хорошо, — сказал молодой жатак, — но ведь Обжора в тот же день раскроет обман и пришлет за вами жигитов.

— Конечно! — весело сказал Алдар-Косе. — Закричит: «Ты меня обманул! Твой песок — обычный песок! Он не помогает!» А я ему: «Бай-ага! Вы, видно, неправильно им пользовались». Обжора спросит: «Как же им надо пользоваться?» Ну, что тут надо ответить?

— Не знаю, ходжа, — смутился молодой жатак.

— Вот что: «Бай-ага, нужно поймать овода или слепня, посыпать песком и свернуть ему голову». — «Ой, — закричит Обжора, — если я его поймаю, то просто убью, без песка!» — «Это уж ваше дело, бай-ага! — отвечу я. — Некоторые любят с песком, некоторые — без. Один любит кумыс, другой — айран, третий — простую воду».

Жатаки оживились, зашумели, заулыбались.

«Кажется, я их немного расшевелил, — подумал Алдар-Косе. — Самое грустное, когда вокруг нет ни одной улыбки».

— А что бы ты, мудрый ходжа, сделал на моем месте? — спросил хозяин юрты, могучий Салих. — Однажды у меня отобрал жигит козу и козленка. Это было в горах, я жил на жайляу, а бай охотился недалеке на горных турах. И ему показалось однажды, что моя коза спугнула тура. Бай послал ко мне слугу. Жигит прискакал на луг, взял мою козу, прихватил заодно козленка и уехал. Я просил его, аллахом заклинал — не помогло.

— Камча в таких случаях помогает лучше аллаха, —

будто бы между прочим заметил Алдар-Косе. — Что же было дальше?

— И я остался без козы и без козленка!

— Э-э, друг, ты просто подарил жигиту свою козу! — махнул рукой Алдар-Косе. — Ведь дело было на извилистой горной тропе. Там вокруг много кустов, узкие повороты... Жигиту просто повезло, что он целехонький спустился в ущелье.

— Что бы ты сделал на моем месте, ходжа? — вновь спросил Салих.

— Мой сородич, тот самый, о котором я вам уже говорил, — начал Алдар-Косе, — попал почти в такую же историю. Только вместо козы у него взяли овцу. Жигит, слуга бая, сел на своего коня, привязал овцу с ягненком сзади и поехал. Ехал не спеша — ведь овца за конем не угонится. Мой сородич короткой тропой прошел вперед, притаился и, когда жигит проезжал мимо него, незаметно перерезал веревку, которой был привязан ягненок. Унес ягненка в кусты подальше, спрятал его. Жигит ехал-ехал, оглянулся — ягненка нет. «Э-э, видно, отстал», — подумал он и повернул коня назад. Но так как овца мешала скакать, а жигиту хотелось поскорее съездить за ягненком, то овцу он привязал к кусту. И помчался обратно. Мой же сородич, связав овце рот, чтобы не кричала, увел ее и спрятал. А сам остался в засаде ждать жигита. Тот, конечно, ягненка, не нашел, прискакал обратно. Видит: вместо овцы обрывок веревки на кусте. «Шайтаново отродье! — закричал жигит. — Перегрызла веревку, как собака!» А мой сородич закричал: «Бе-е-е! бе-е-е!» Жигит решил, что овца бродит где-то рядом. Привязал коня — на нем ведь в гору не поедешь! — и пошел на крик овцы. Мой сородич своим блеянием завел жигита в чащу и, пока тот выбирался на дорогу, сел на его коня и ускакал. Жигит совсем из сил выбился, вернулся на дорогу и видит: рядом с овечьей веревкой висит кусок кожаного шнура, которым конь был привязан. Что делать славному жигиту? Пошел искать коня. А мой сородич спрятал коня, снова вернулся. Так как блеять он умел, а ржать — нет, то просто стал шуметь и звякать уздечкой. Жигит и так едва ноги волочил, но все же побрел на звук. В конце концов звон уздечки привел этого жигита на берег горной речки. Там было топкое место, жигит в него провалился и чуть не погиб. И тогда он от страха стал блеять, как десять овец сразу. Мой со-

родич его спас, предварительно условившись, что за это он получает пропавших коня, овцу и ягненка. Коня мой сородич отдал знакомым беднякам, а взамен получил десять овец. Вот как надо наказывать байских слуг. Бая берегись каждый день, а его пса — тысячу раз на день!

— Ну, ходжа, я знаю твоего сородича, — сказал Салих, — это Алдар-Косе! Только наш Алдакен может придумать такое.

— Когда богатые баи уезжают с зимовки, то за юртами остаются кучи грязи, — сказал Алдар-Косе. — Чем богаче юрта, тем больше мусора и грязи. Так и в жизни: чем человек подлее, тем грязнее его след. А след должен быть чистым. Я говорю, друзья, об этом потому, что щепотка грязи может замутить большой кувшин чистой воды. Один плохой поступок может погубить хорошего человека. Никогда не прибегайте к хитрости, к обману без надобности и никогда не обманывайте друг друга.

— Э-э, ходжа, — впервые за все время улыбнулся Салих и повел своими могучими плечами, — ты учишь нас не обманывать друг друга. А сам обманываешь нас! Потом будешь всем рассказывать, как провел бедных жатаков?

Алдар-Косе оглядел бедняков и сказал:

— Вы знаете, почему по степи, как голодные волки, носятся жигиты Аблая?

— А ты, мудрый ходжа, — продолжал улыбаться хозяин, — знаешь, что, как только ты приехал к нам, мы сразу же выставили дозоры в степи? Если появятся жигиты, мы узнаем об этом раньше, чем их кони успеют пробежать сотню шагов!

— К старости люди становятся не так сообразительны, — стирая со своего лица вместе с потом последние морщины, сказал Алдар-Косе. — Поэтому мне очень хочется помолодеть, друзья...

И он снял чалму вместе с бородой, и золотисто-рыжий хохолок на его макушке тотчас же взвился вверх, как язычок пламени.

...Когда утихли взаимные вопросы о здоровье всех родственников, о благополучии, о дорожных новостях, появился казан с мясом.

— Но вы, друзья, позвали ходжу к себе в аул не для того, чтобы он давал вам советы по поводу пропавших баранов, — сказал Алдар-Косе. — Вы не знали тогда еще, что

ходжа может помолодеть. И если вы хотели спросить совета у незнакомого ходжи, то мне-то можете рассказать о своих бедах!

— Нам нельзя помочь, Алдакен, — произнес Салих. — Мы погибли.

По юрте, словно порыв ветра, пронесся вздох:

— Да, погибли!

— Завтра все будет кончено!

— Куда мы денемся с детьми и стариками?

— Мы должны с вами жить, как губы с ладонью, — мягко сказал Алдар-Косе, — пальцам больно — губы на них дуют, губам больно — пальцы их гладят. Если говорят старики, что юрту согревает не очаг, а согласная жизнь, то так же можно сказать и про степь: в ней тепло не от солнца, а от друзей. Жир становится виден в воде, а друг — в беде. Я всегда с вами, вы же знаете...

Жатаки поведали Алдакену страшную историю.

С той поры, как они стали хлебобородами и сделались независимыми от баев, баи все время старались как-нибудь отомстить беднякам. У богатеев ненависть смешивалась со страхом: они ненавидели жатаков за то, что те обходятся без них, и боялись, что другие бедняки пойдут жить в этот аул.

В это лето, когда хлебá у жатаков встали особенно хорошо, Аблай и его сородичи, выбрав ночку потемнее, пригнали на поля табуны своих коней. И в одну ночь посевы перестали существовать. Это означало для жатаков конец всех мечтаний, голодную смерть или беспросветную кабалу у того же Аблая.

Конечно, богатеи отказались уплатить за потраву. Жатаки пожаловались в город, чиновникам. И вот в аул Мошеке-Обжоры приехал бий-судья. Он должен был завтра утром рассмотреть жалобу жатаков на богатеев.

— Несколько наших поехали в аул, — сказал Салих. — Но как можно выиграть спор с баями? Мы просим за потраву сто коней и сто баранов.

— А бай Аблай уже пригнал в подарок судье сорок коней, — добавил Жакай. — И целый день его сородичи угощают судью. И говорят, что мы сами уничтожили свои посевы.

— Ложь толста без свидетелей, — заметил Алдар-Косе, — при свидетелях она быстро худеет.

— Э-э, Алдакен, бий присудит им все, что они захотят! — поник головой Салих. — Своих ножен сабля не режет!

— И все-таки вам можно помочь! — воскликнул Алдар-Косе. — Но для этого я должен сегодня же быть в ауле Обжоры!

— О Алдакен! — Салих беспомощно улыбнулся. — Кони у нас плохие, твой конь тоже устал. Нужен свежий скакун.

— А по дороге нет никаких табунов? — спросил Алдар-Косе. — Или кочевки?

— Есть, есть кочевка! — закричали наперебой жатаки. — Ты ее застанешь еще у Старых колодцев! Жена внука Сансызбая, толстуха Борсык, возвращается от своей матери!

— Вот у нее я и обменяю своего коня на нового скакуна! — вставая, сказал Алдар-Косе. — Пора мне снова постареть — помогите надеть бороду и чалму. Если я успею вовремя, богатеи заплатят вам за все!

— Алдакен, не забудь, что тебя ждут Дальние горы, — напомнил Салих.

— И жигиты Аблая! — добавил Жакай.

— Все помню, — преображаясь в старого ходжу, ответил Алдар-Косе. — Но нельзя бросать друзей в беде!

Подвели коня, Алдакен вскочил в седло.

Салих, Жакай и еще двое всадников поехали проводить Алдар-Косе.

Они умчались, а жатаки стояли молча, еще не веря блеснувшему перед ними лучу удачи. Казалось, сама Надежда взмахнула крыльями, и ветер от этого взмаха овеял усталых бедняков.

— Только бы доскакал наш Алдакен! — произнес кто-то. — Только бы его не догнали!

— Степь широка, конь хороший, да и не всякий, кто гонится, хочет догнать, — сказал седобородый жатак. — Он доскочет!

...Алдар-Косе так спешил, что возле Старых колодцев скакун его уже едва плелся.

— Доброму коню одна камча, худому — тысяча! — сердился Алдакен. — Ну что мне с тобой делать? Прости меня, дружище, — объяснял он коню, — но мы должны успеть. Вон я вижу три юрты — наверное, ту самую кочевку Борсык. Там я тебя оставлю и возьму себе другого коня. Ведь ты не выдержишь дороги, а я хочу, чтобы ты еще жил долго.

По каким-то причинам жена внука Сансызбая, толстая

Борсык, не торопилась кочевать дальше. Или она решила отдохнуть у родника, или поджидала кого-то — сейчас Алдар-Косе это мало интересовало. Ему нужен был конь. Он уже знал, как этого коня добудет. И сейчас Алдакен больше всего на свете боялся, что не найдет в маленьком табуне подходящего скакуна.

Но скакун был. И даже не один — десяток отличных коней паслись вдали от юрт. Тут же рядом с ними щипали сухую выжженную травку два десятка отменных баранов. Верблюды, на долю которых при кочевке выпадает вся основная работа, лежали на земле, лениво пережевывая что-то. Смешной верблюжонок вертелся между ними. В иное время Алдар-Косе долго бы смеялся над его проделками, так как нет ничего на свете смешнее юного верблюжонка, за исключением, пожалуй, маленького ишачонка. Но сейчас нельзя было терять время.

Тощий старик в лисьем жарком малахае сторожил отару. Он отогнал двух злых псов и неприязненно посмотрел на Алдар-Косе, прикидывая, видимо, кто же старше, кто должен первый приветствовать? Чалма быстро перевесила чашу весов в пользу Алдакена — старик первым отдал салем, но тотчас же сообщил, что он не просто пастух, а родственник Борсык, хозяйки кочевки, жены внука самого Сансызбая.

— Да и сама Борсык не из простого рода, — продолжал словоохотливый родственник. — Мы из рода Текшэ.

Над степью разливалась томительная, тяжелая жара. Небо чистое — ни облака, ни птицы. Животным и то было душно, а старик в теплом малахае неумолчно молотил языком, перечисляя до седьмого колена всех своих родичей и родичей своих дедов.

«Видно, язык у него застоялся без разговора, — подумал Алдар-Косе, — и теперь скачет, как молодой конь. Однако пора приниматься за дело...»

И, уловив мгновение, когда старик переводил дух, Алдар-Косе, почтительно склонив голову, проговорил:

— Э-э, уважаемый бай-ага, я ничего не понимаю в торговых и обменных делах. А мои сородичи послали меня в аул к Мошке-баю, чтобы я сменил этого коня на баранов. На сколько баранов я должен его сменять, мне неизвестно. Я бы хотел посоветоваться с таким почтенным человеком, как вы.

У старика в глазах мелькнули алчные молнии.

«Ого, ты еще и жаден, дорогой аксакал! — радостно подумал Алдар-Косе. — Значит, мы сторгуемся быстро!»

— Такой скакун — не скакун, — сказал старик, презрительно смотря на притомившегося коня Алдар-Косе. — Если его откормить как следует, то на мясо зарезать можно. Два барана дам за него.

— Жаксы, хорошо, — послушно сказал Алдар-Косе и, кряхтя и постанывая, начал вылезать из седла.

Пока старик отбирал баранов похуже, Алдар-Косе снял с коня мешок, расстегнул ремни, держащие седло, стащил седло на землю.

— Ничего, дружище, — потрепал он по гриве усталого коня, — мы еще встретимся. Здесь, в богатом табуне, живет-ся легче! Отдохни как следует да и удирай!

— Вон твои два барана, — тщетно пытаясь приглушить торжествующие ноты в голосе, произнес старик. — Можешь забирать их.

Алдар-Косе подтянул к себе баранов, но коня не отпустил.

— Знаете что, почтенный, я передумал, — сказал он вздохнув. — Давайте сделаем так: я дам коня и двух баранов в придачу. А вы мне — трех баранов. Жаксы?

«Ну, удача сама идет мне в руки! — подумал радостно жадный старик. — Конь и два барана за трех баранов! Вот я обрадую Борсык!»

Он тут же выловил еще трех баранов и передал их Алдар-Косе. Одним арканом Алдакен связал пять баранов. Поглядел на них и сказал, теребя бороду:

— Я передумал. Давайте сделаем так: вот мой конь, мои пять баранов, а вы мне дадите верблюжонка.

«Пусть пеняет на себя этот старый ишак ходжа! — едва сдерживая победный крик, подумал старик. — О аллах, не дай мне дожить до такой старости, когда глупость кажется мудростью! За одного колченого верблюжонка он дает коня и пять баранов!»

Старик пинками прогнал неистовствующих собак, ловко подманил верблюжонка и, не обращая внимания на неодобрительные взгляды верблюдов, повел его к Алдар-Косе.

— Вот! — сказал он отдуваясь. — Ты сам хотел его!

— Добрый человек! — приложил руку к сердцу Алдар-Косе. — Пусть аллах пошлет вам много лет жизни! Вы мудры, как великий Сулеймáн! А что если нам обменяться

так: я даю коня, пять баранов и верблюжонка, а вы мне — верблюда? Тем более, что один из них сам сюда идет!

«Наконец-то аллах услышал мои молитвы! — взмолился родственник, и у него руки затряслись от жадности. — Аллах великий! За эту сноровистую верблюдицу я получаю коня, пять баранов и верблюжонка! Только бы не передумал этот глупец!»

Верблюдица тем временем сама подошла к своему верблюжонку и встала рядом. Медленно пережевывая жвачку, она смотрела то на Алдар-Косе, то на жадного старика, словно стараясь разобраться: кто же из них хочет зла ее детенышу?

— Себе в убыток! — стараясь унять нервную дрожь, зашлепал

губами старик. — Ходжа, только для тебя я это делаю! Аллах свидетель!

— Пойдите, бай-ага, — задумчиво произнес Алдар-Косе. — Кажется, я действительно взял у вас много. Вы продешевили... Я не хочу лишнего. Берите моего коня, верблюдицу с верблюжонком и шесть баранов, а мне дайте любого коня из вашего табуна.

«Ходжа совсем выжил из ума, — подумал старик и усмехнулся. — Жалко его детей! Конь у него не такой уж плохой, а все остальное идет в придачу! Только бы он не передумал...»

И бормоча «только бы... только бы», он бросился к табуну, схватил первого попавшегося коня и подвел его к Алдар-Косе.

Алдар-Косе осмотрел скакуна, остался доволен и тотчас же начал его оседлывать.

Старик перегнал обратно пять баранов, верблюдицу с верблюжонком, отвел в стадо вымененного коня.

Когда подпруга была затянута, а седло и мешок легли на свое место, Алдар-Косе, забыв о своих сиднях, лихо вскочил на коня.

Старик даже рот раскрыл от изумления:

— Вот это ходжа!

— Хоп! — крикнул Алдакен, радостно чувствуя под собою сильного, свежего скакуна. — Прощай!

Когда всадник в чалме, с развевающейся бородой стрелой помчался в степь, то старик снял лисий маляхай и почесал лысый затылок.

— Странный ходжа... Прыгает, как горный козел. Я его, правда, обманул, но... Постой, постой. Он уехал на коне, он приехал на коне... А ведь бараны и верблюды были из стада! Что ж, выходит, он просто поменял коня?! Но его же конь хуже... Сразу видно — из бедного аула. О, за что ты помутил мой разум, аллах? Что я скажу Борсык? Она же теперь пошлет меня курт варить! О ходжа! Так обмануть старого человека... А-а-а... Но как же я ничего не заметил? Почему мне казалось, что я все время в выгоде? Он мне дал коня. Я ему — два барана. Хорошо. Он мне коня и двух баранов — я ему...

И жадный старик, рассеянно надев свой лисий малахай задом наперед и подперев подбородок палкой, принялся загибать пальцы.

...На степь уже спускались сумерки — сизые, как осенний туман, и короткие, как дождь в засуху, — когда Алдар-Косе прискакал в аул Мошеке-бая.

Богатые белые юрты, расположенные неподалеку от реки, казались яйцами гигантской сказочной птицы. Серых юрт, которые поставили жатаки, в сумерки видно не было.

Собаки встретили Алдакена недружным брехом — видно, они устали, налаялись за день. В гостевых юртах шло угощение: громкие крики смешивались со смехом, по улице бегали сломя голову байские слуги.

Какой-то жигит показал ходже жилище Мошеке-бая, по прозвищу «Обжора», но Алдар-Косе не воспользовался его советом и спросил у бедно одетой старухи, где поставили юрты люди из аула жатаков.

В этих юртах было тихо. Люди словно притаились перед грозой.

— Эй, я от Салиха! — крикнул Алдакен, и сразу же появились мужчины, бережно сняли ходжу с коня, внесли в юрту.

Когда Алдар-Косе убедился, что кругом действительно только жатаки из бедного аула, он сорвал бороду и сказал:

— Поставьте кого-нибудь на стражу, чтобы нас не застали врасплох. Я придумал, как выиграть завтра вашу тяжбу. Вот что нужно сделать...

Глава девяная

ВО ИМЯ АЛЛАХА ВСЕМОГУЩЕГО

Когда нечего сказать, говори:
«О аллах», и глупцы сочтут
тебя мудрецом.

Казахская пословица

Алдар-Косе едва успел
объяснить жатакам, что
он придумал, как стояв-

ший на страже юркий мальчонка ужом вскользя в юрту.

— Сюда идет жигит Ускембая!

Алдар-Косе тотчас же надел чалму, прикрепил бороду. Подмигнул жатакам:

— Хоть Ускембай и сын самого Аблая, но, когда жигит расскажет ему о наших разговорах, Ускембай из тигра станет ягненком! Ты, мальчуган, иди на улицу и посмотри, что будет делать этот жигит. Теперь прошу вас, друзья, кричите громче!

И высоким старческим фальцетом Алдар-Косе стчаянно заорал:

— Бай-ага дает пятьдесят баранов, двадцать коней! Пять верблюдов! Это его последнее слово!

— Э-э, ходжа, — громко заговорили жатаки, — раз аллах послал нам счастье, зачем отказываться! Мы не согласны!

— Пусть будет семьдесят баранов! — закричал Алдар-Косе. — Все равно больше Сансызбая вам никто не даст!

— Золото нам самим нужно, ходжа! Так и скажи своему баю!

- Верблюды должны быть одnogорбые!
- Золотой песок! Пусть подавятся им наши враги!
- Тридцать коней! Самых лучших! Слышишь, ходжа?

Ни одного меньше!

Алдар-Косе торговался отчаянно, как последний торгош на базаре. Жатаки тоже не отставали. Всем стало жарко.

Когда мальчик-дозорный снова появился в юрте, голос Алдар-Косе уже начал по-настоящему хрипнуть, а жатаки устали от крика.

— Он слушал-слушал, потом ка-а-ак побежит обратно, к Большой юрте, — рассказывал юный дозорный, сверкая глазами. — Даже собаки за ним погнались!

— Кажется, лиса попалась в капкан, — сказал Алдар-Косе, снимая бороду и чалму. — Сейчас я остыну немного и поеду к Обжоре. Не забывайте, о чем я вам говорил. Завтрашняя победа зависит от вас.

— Мы не подведем, Алдакен, — ответил за всех рыжебородый казах. — Только води себя осторожнее. Ведь тебе предстоит дальний путь, а из-за нас ты свернул с него. Если с тобой что-нибудь случится, жатаки всей степи нам этого никогда не простят...

— Хош! — простился Алдар-Косе, вышел из юрты, с помощью друзей, крихтя, взобрался на коня, тронул поводья и медленно поехал к Мошеке-Обжоре.

Когда Алдакен садился в седло, то из юрты бая еще доносились крики и смех: богатеи угощали бия-судью. Но не успел конь сделать и нескольких шагов, как веселье в юрте стихло.

«Видно, жигит говорит о том, как он подслушивал и что услышал!» — про себя усмехнулся Алдар-Косе.

Так оно и было. Когда конь приблизился к Большой юрте, у которой был поднят входной войлок, то Алдар-Косе увидел освещенных светильником баев и судью. Жигит, стоя сбоку от Ускембая, что-то оживленно рассказывал внимательно слушающим богатыям.

Из темноты навстречу Алдар-Косе вышли два жигита. Один сразу юркнул в юрту, а второй, отдав салем, помог ходже сойти на землю.

Затем из юрты вынырнул первый жигит и, поздоровавшись с ходжой, попросил его от имени Мошеке-бая присоединиться к гостям.

Гости сидели на коврах. Сын Аблая Ускембай был худ

и длинен, как шест — соил. Только там, где у соила петля для ловли коней, у тощего Ускембая — голова.

Бий-судья оказался еще не старым человеком, в меру округлым; его пышные щеки разругались от еды и питья, а узкие глазки казались едва видными щелками.

Хозяин юрты Мошеке-Обжора походил на большую бочку. У него не было заметно ни шеи, ни плеч — словно прямо на живот посадили толстую, круглую, как перевернутый котел — казан, смуглую до черноты голову.

Богатое угощение взволновало Алдар-Косе: он целый день не ел. А тут — груды баурсаков, похожих издали на шарики, истекающий жиром кеваб — мясо, жареное на вертеле, сочный, еще щипящий от воспоминаний об очаге куыр-

дак — мелкие кусочки жареного мяса. На красивых блюдах лежали жент — творог, растертый с маслом и медом, колбаса — казы, сыр — курт.

Нечасто у бедняков случаются в жизни встречи с такими блюдами!

Оба бая и судья настороженно, с любопытством смотрели на входящего ходжу. Так как, судя по бороде, ходжа был старше всех присутствующих, то все встали, отдавая салем старейшему.

«Что же рассказал им жигит? — обеспокоенно подумал Алдар-Косе, занимая почетное место. — Не перепутал ли, не переврал ли чего?»

Начались положенные при встрече вопросы о родных, о здоровье, о том, что в последние дни видел прибывший, что слышал.

— Я чужой в этой степи, — сказал Алдар-Косе немощным голосом. — Я из рода Кенжé, сын Масыбáя...

Мошеке-Обжора не выдержал и первым спросил: не знает ли почтенный ходжа великого Сансызбая?

А Ускембай, глядя на «ходжу» немигающими глазами, поллюбопытствовал: не слышал ли путник о жалобе жатаков, ради разбора которой сюда и приехал почтенный бий-судья?

Алдар-Косе ответил, что он плохо слышит и не разобрал вопросов. Затем, храня таинственный вид, придвинул себе жареное мясо.

Баи переглянулись с судьей.

— Угощайтесь, угощайтесь, — попросил Мошеке-Обжора. — У меня жарят мясо лучше, нежели у почтенного Сансызбая, — чем больше ешь, тем больше хочется!

И сам ухватил сразу горсть баурсаков.

Бий, чтобы как-то нарушить неприятную тишину, начал рассказывать историю о Жиренше.

— Однажды Жиренше велел своей жене приготовить сластей, хе-хе, которые, как он слышал, очень любят баи, — мелко тряся пухлыми щечками, говорил бий. — «У нас нет яиц!» — отвечает ему жена, хе-хе. А он ей: «Сделай без яиц». — «Так у меня и меда тоже нет!» — это ему жена говорит. «Так возьми молоко», — советует Жиренше, хе-хе. «А где его взять?» — «Ну, замеси тесто на воде», — советует Жиренше. «Но у нас мука давно кончилась!» — «Делай из толченого проса!» И она, хе-хе, напекла сластей из толченого

проса, на воде. Жиренше ел и плевался: «Теперь я знаю, что такое сладости. Но не понимаю, как почтенные баи могут есть такую дрянь?»

Мошеке-Обжора охотно рассмеялся, протянул круглую, как лепешка, ладонь к блюду, взял горсть баурсаков, заглотал их и вытер жирные пальцы о свою короткую, стоящую торчком бороду.

— Слава аллаху, — прогудел он, — в моей юрте сладкое — всегда сладкое, жирное — всегда жирное...

Ускембай продолжал смотреть на «ходжу» немигающим взглядом, что, впрочем, ничуть не мешало «ходже» есть за двоих.

Наевшись до отвала, Алдар-Косе оглядел баев и сказал многозначительно:

— Не все ли равно, как взобраться на осла — справа или слева?

После этого он заклевал носом и лишь изредка бормотал что-то уж совсем непонятное.

Обжора, не обращая внимания на волнение Ускембая и молчаливость обычно болтливого бия, ел до тех пор, пока глаза не стали красными. Тогда он повалился на ковер и захрапел так, словно собрался умирать.

Жигиты развели гостей по юртам. Ускембай приехал со своей юртой, в нее он и отправился на ночлег вместе с бием. Для «ходжи» приготовили постель в гостевой юрте.

...Алдар-Косе спал плохо. Боялся, что во сне отвалится борода и кто-нибудь из случайно вошедших жигитов увидит это «чудо». Кроме того, Алдакен снова и снова перебирал в уме варианты завтрашних споров и торгов.

...Разумеется, Ускембай и судья сейчас не спят и обсуждают необычайное поведение «ходжи». Ведь жигит Ускембая слышал своими ушами, что ходжа приехал от Сансызбая. Это походило на правду — неподалеку кочевала Борсык, жена внука Сансызбая, и появление его посланца толькошний раз доказывало, что старый могущественный бай придает особое значение спору жатаков с Аблаем и Мошеке-Обжорой.

Разговор о «золоте» и торг с жатаками — все это, конечно, известно Ускембаю и судье. Вот они сидят сейчас и ломают головы: что же может означать такое странное поведение посланца Сансызбая? О чем ему удалось договориться с жатаками?

— Ну, думайте, думайте, — ворочаясь, бормотал Алдар-Косе, — а завтра овцы будут стричь волков...

Утром Алдар-Косе разбудил громкий, проникавший даже сквозь войлок юрты, топот копыт.

Это приехали на суд бай со своими жигитами.

«Только бы никто не прискакал от Сансызбая, — подумал Алдар-Косе. — Тогда конец».

Выходя из юрты, он наткнулся на сидящего в ее тени дряхлого жатака с внуком. Старик предостерегающе цокнул губами. Шустрый мальчуган сразу же отбежал в сторону, занял наблюдательную позицию, а жатак сообщил Алдакелу, кто из богатеев прибыл:

— Ергалы-бай, дядя Аблая, и Бапас-бай. С ними два десятка жигитов. Заняли вторую юрту Ускембая. Берегись, Алдакен!

— Одного барана два раза не режут! — улыбнулся Алдар-Косе. — Не родился еще в степи такой волк, которому бы я был по зубам!

— Тогда дай я тебе хотя бы морщины поправлю! Почти половина стерлась за ночь! — сказал старик.

И Алдакелу пришлось снова вернуться в полумрак юрты.

...Утро в Большой юрте Мошеке-Обжоры снова началось с дастархана — угощения.

Сам Мошеке, Ускембай, Ергалы, Бапас и судья уже всю работали челюстями, когда к ним присоединился Алдар-Косе.

После приветствий и расспросов о том, как прошла ночь, «ходжу» усадили на новое место — Ергалы-бай был старше и, значит, имел право на больший почет.

По поведению Бапаса и Ергалы было видно, что Ускембай рассказал сородичам все, что знал о загадочном посланце Сансызбая.

Алдар-Косе понимал: баев томил и мучил лишь один вопрос — о каком золоте шел разговор ходжи вчера в юрте жатаков? И что в связи с этим надумал предпринять хитрый богач Сансызбай, старейший из баев степи?

А когда начался суд, то подозрение богатеев о том, что дело здесь нечисто, перешло в уверенность.

Почтенный судья, с которым у тощего Ускембая все было твердо договорено (бий отказывает беднякам в их иске о потраве и за это получает десять коней), сразу же был поставлен в тупик.

Он спросил жатаков, как было дело. Поднялся рыжебородый, сероглазый казах, почтительно поклонился и сказал:

— О мудрейший и справедливейший, почтенные баи правы — потравы не было. Мы сами виноваты в том, что кони потоптали наши посевы. Откуда табунам было знать, где посевы, где трава? А мы, вместо того чтобы сторожить свои поля, спали. Мы сами виноваты во всем...

Бий задумался, поковырялся в бороде, посмотрел на Ускембая.

Тот растерянно блуждал взором по лицам Ергалы, Мошеке, Бапаса.

— Правоверные! — мелко затряс пухлыми щечками бий. — Почтенный Ускембай утверждает, что потрава произошла по вине самих жатаков. И жатаки согласны с этим. Э-э, кто же с кем спорит?

— Почтенный бий, — проговорил Алдар-Косе дребезжащим голосом, — я чужой человек здесь, случайно попал в аул. Мне стало жаль жатаков. И я договорился с этими бедными людьми о том, что они отдадут свои поля до зимы мне. И за это получают пятьдесят коней.

Баи на несколько мгновений обомлели от неожиданности, потом заговорили все сразу:

— Сделка не по обычаям!

— Ходжа чужой в нашей степи!

— На этих землях никогда не паслись чужие табуны!

Первым прервал тишину Ергалы-бай. Ероша свою белую бороду, он промолвил:

— Конечно, жатаки виноваты сами. Но так как наши табуны топтали их землю, то мы, а не кто-нибудь еще, хотим помочь им. Мы даем им шестьдесят коней.

— И ничего не просите взамен? — спросил бий.

— Ничего, — спокойно ответил Ергалы. — Только... пусть наши табуны будут пастись там до зимы.

— Нет, мы не согласны, — сказал рыжебородый казах. — Мы виноваты в том, что случилось, и никто больше.

— Почтенный бий, — поклонился Алдар-Косе, — поручаю это дело аллаху всемилостивейшему и справедливому, а после него — тебе. Решай.

— Но это уже спор не о потраве, — медленно произнес бий, стараясь скрыть свою растерянность. — Это совсем другое. Тут должны решать сами жатаки. Их поля. Пусть они и решают, кому хотят отдать их до зимы под пастбища.

— Я даю им сто коней, — сказал Алдар-Косе и показал бию два раза по десять пальцев: дескать, тебе за решение дела в мою пользу — двадцать скакунов.

Это, конечно, не ускользнуло от внимания баев.

— Ходжа думает, — сказал Ускембай, уставившись немигающими глазами на Алдар-Косе, — что если почтенный Сансызбай владеет большими табунами, то он может хозяйничать в степи?

— Я плохо слышу, — прошамкал Алдар-Косе, — не понял...

— Наши кони разрыли землю, и жатаки нашли там золотые самородки! — не выдержав, закричал Мошеке-Обжора, и его жирный живот грозно заколыхался. — Наши кони нашли золото — нам оно и должно принадлежать!

Ергалы разговаривал расчетливее:

— Мы не можем пустить в нашу степь человека из чужого племени. Но и жатаки не должны страдать: если они отдадут нам до зимы свои пастбища, мы дадим им сто коней.

— Я даю им коней сегодня, — сказал Алдар-Косе. — Здесь! И двести баранов в придачу.

— Мы не видели твоих табунов и твоих отар, о ходжа, — произнес Ускембай.

— Я заплачу им цену коней золотыми монетами, — важно проговорил Алдар-Косе. — Золото лучше, чем табуны... Жатаки не скотоводы, табун им только обуза.

— Правильно говоришь, о ходжа, — почтительно поклонился рыжебородый, сероглазый казах.

— Табун коней вы сможете продать в городе, — обращаясь к жатакам, проговорил Ергалы. — Но нельзя пускать чужака в нашу родовую степь.

— А ты, почтенный Бапас, — обратился Ускембай к молчаливому баю, — что скажешь? Может быть, ты поддерживаешь ходжу?

— Язык один, уха два, — сказал Бапас, — говори мало, слушай много. Думаю, землю отдавать чужаку нельзя.

— Как же быть? — развел руками рыжебородый жатак.

— Пусть скажет бий, — предложил Ускембай, который уже успел обменяться с судьей какими-то знаками.

— Во имя аллаха всемогущего и всемилостивейшего! Пострадавшие от потравы поля, — важно молвил бий, — нужно отдать до зимы под пастбища Ергалы-баю, Ускембаю,

Мошеке-баю. За это жатаки получают сто коней и двести баранов. Я сказал все.

Алдар-Косе от огорчения бросил свою камчу об пол, схватился за бороду, застонал.

— Передай, о почтенный ходжа, наш почтительный салем Сансызбаю, — проговорил Ускембай.

Ергалы тут же послал жигитов в табуны, чтобы к вечеру кони были у жатаков.

Баи возбужденно о чем-то переговаривались с судьей, радостные, довольные. Только и слышалось: золото, Сансызбай, золото...

Жена Мошеке-Обжоры сказала мужу, что угощение для гостей готово.

Алдар-Косе плелся последним. Жигиты не оказывали ему почестей: поняли, что баям «ходжа» уже не нужен. Лишь два жатака помогали идти «старику».

— Немедленно продайте своих коней, — советовал им вполголоса Алдар-Косе, — и помните: о золоте вы ничего не знали. Только я, то есть ходжа, который назвался посланцем Сансызбая, говорил вам об этом. А вы сами тут ни при чем... Табун сразу же, ночью, гоните на продажу, поняли?

— Все сделаем, Алдакен! — также тихо отвечал рыжебородый казах. — Пусть тебе во всем будет счастье, Алдакен! Береги себя!

В юрту Алдар-Косе не пошел. Приказал привести своего коня, с охами и вздохами взобрался на него.

Вытирая жирные руки о бороду, появился Мошеке-Обжора.

По его лунообразному лицу расплзалась довольная ухмылка: он был рад, что посланец Сансызбая уезжает. И хотя Обжора пытался притвориться удивленным и огорченным, радость и самодовольство так и рвались из него наружу.

— Хош! Хош! — закричали жатаки.

Алдар-Косе слабо помахал им рукой и пустил коня мелкой рысцей. Собаки, захлебываясь от лая, бросились за конем.

— Э-э, ему достанется от Сансызбая! — рассмеялся Обжора, и гора жира заколыхалась. — Хотел перехитрить таких, как мы... Даже на угощение не остался! Не будет другой раз совать бороду в чужие дела!

...Когда юрты аула скрылись за горизонтом, Алдар-Косе снял с себя надоевшую бороду вместе с чалмой, выпрямился в седле, вздохнул полной грудью.

Затем повернул коня, слегка ударив его камчой:

— Ну, скачи скорее, нас ждут друзья!

И конь помчался к берегу далекой, невидимой еще реки.

У Алдар-Косе было отличное настроение. То поглядывая в небо, то закрывая глаза от слепящего горячего солнца, он пел. Напряжение последних суток осталось позади, теперь Алдар-Косе чувствовал себя так, словно у него крылья выросли и он скачет не по степи, а по облакам...

Давая коню отдых, Алдар-Косе доскакал до реки лишь в закатный час.

Осторожно, чтобы не попасться на глаза случайным всадникам, он двинулся вдоль реки, скрываясь среди кустарника, то и дело прячась в маленьких балочках, прислушиваясь к звукам степи и текущей воды.

Вот и приметы — пирамидки из камней. Брод! Путь свободен!

Алдар-Косе направил было коня в воду, но в это мгновение легкий ветерок донес до слуха что-то похожее на далекий плач.

— Кто это? — спросил Алдар-Косе, но конь только головой потряс, пытаясь сбросить колючки, которые прицепились к гриве.

— Ну, тот берег от нас не убежит, — задумчиво продолжал Алдар-Косе, — а у людей, кажется, горе... Поедем, посмотрим, может, помочь нужно.

По-прежнему тщательно скрываясь, Алдар-Косе проехал еще немного. Потом соскочил на землю и повел коня в воду.

Через несколько мгновений из-за кустов он увидел сидящих кружком возле самой воды казахов-бедняков. Они громко стонали, причитали. Внутри круга на белесом выцветшем песке, раскинув ноги и руки, лежал какой-то человек без халата.

— Утонул, наверное, — с состраданием подумал Алдар-Косе и, ведя за собой коня, вышел из кустов.

— Что случилось? — спросил Алдар-Косе, подходя к горюющим казахам.

Но те даже не повернули к нему лиц, лишь раздались немного, пропустив его внутрь круга.

— Ну, вот мы и встретились! — неожиданно вскакивая на ноги, вскрикнул «утопленник».

— С помощью аллаха мы перехитрим и сотню таких безбородых, как ты! — послышался сзади Алдар-Косе радостный голос.

Алдар-Косе оглянулся и вздрогнул, словно в него воткнулась стрела: сзади, выскочив из овражка-балки, стояло пять жигитов. Их кони нервно перебирали ногами. Черная борода и широченные плечи всадника, конь которого стоял впереди других, показались Алдар-Косе знакомыми. Казалось странным, как может хрупкий конь нести на себе такую тушу.

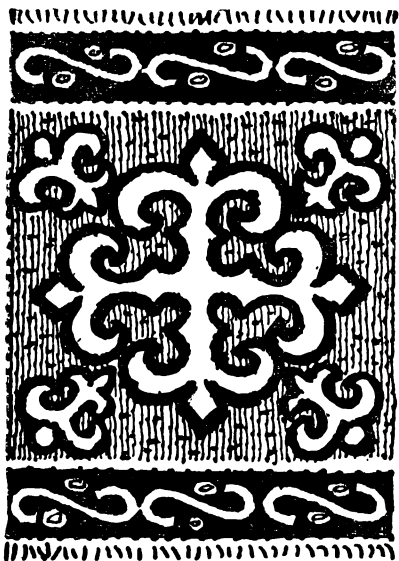
«Срым! — вдруг узнал жигита Алдар-Косе. — Самый верный пес Аблая!»

И Алдар-Косе не успел даже удивиться этому, как жигиты, старательно изображавшие убитых горем бедняков, схватили его за руки и за ноги, а «утопленник» набросил на него петлю аркана. Руки Алдар-Косе оказались прижатыми к телу, сильный рывок бросил его на землю, и на него обрушились плети и дубинки жигитов.

— Э-э, забыли, что сказал бай-ага? — услышал Алдар-Косе голос Срыма. — Чтоб живой остался!

И это были последние слова, которые услышал Алдакен.

Глава десятая

В ПАСТИ ВОЛКА

У волка в зубах трус от страха пропадает, а храбрец волку зубы вырывает.

Казахская пословица

Жил-кочевал в степи бедняк. Был у него один-единственный сын —

Даулёт. Он родился в юрте, рос среди степных трав, и когда смотрел вверх, то не видел другого неба, кроме бескрайнего неба степи.

Отец был молчалив. Лишь изредка вынимал он из мешка длинношеюю домбру, и две ее струны начинали говорить о радостях и горестях, о дожде и снеге, о беге скакуна и журчании ручья. Домбра была единственной игрушкой малыша. Даулет едва научился ходить, а уже больше всего на свете любил гладить струны. Если он начинал капризничать, рядом с ним клали домбру. Даулет обнимал ее стройную шею и засыпал.

— Как бы он ее не поломал! — беспокоился отец.

Однажды в юрте запела перепелка. Ее хотели поймать, но смех Даулета остановил взрослых. Даулет сидел, гладил струны домбры и смеялся — это он заставил струны петь птички. С этого дня Даулет не выпускал домбру из рук, а отец уже не боялся, что малыш ее сломает.

Когда Даулет подрос, он пошел бродить по степи. Но его обгоняли сложенные им мелодии. Человек может пройти Казахстан из края в край за год, а песня — от одного полнолуния до другого. Песня — добрый богатырь. Она, как друг-жигит, идет вместе с певцом и бережет его.

Иногда на Даулета нападала тоска. Это бывало в те дни, когда его домбра оказывалась бессильна, когда она не могла заставить слушателей заплакать или засмеяться. Но такое случалось редко.

И вдруг Даулет исчез из степи. Прошла весна, вторая, третья... Потом понеслись слухи: где-то в Калмыцких степях видели Даулета. И рассказывали, будто струны его домбры поют уже лучше птиц, разговаривают как люди!

А когда вновь появился в степи Даулет со своей домброй, то убедились казахи, что слухи были правдой.

Звонко и нежно звучали струны. Заслышав их песнь, останавливались отары и чабаны, табуны коней замирали на скаку как зачарованные, не успев опустить поднятые копыта, птицы спускались на землю.

А когда струны пели призывно и мощно, то словно гром катился по степи, словно пели сотни труб-корнаев. Плавись сердца у равнодушных, злые становились добрыми, трусы — храбрыми, а скупые — щедрыми. Вот как играл Даулет!

Домбра Даулета не просто веселила, бодрила или печалила казахов. Она рассказывала о далеких краях, о больших реках, о морях и озерах. В песнях домбры шумели цветущие сады, слышались песни далеких народов, щебетали сказочные птицы и все неведомое, далекое, чужое становилось близким, добрым, красивым.

Казахи смеялись и плакали, пели, радовались вместе с мелодиями Даулета. Из дальних краев приходили люди послушать музыканта. Спускались племена с гор, перебирались через пустыни, переплывали реки — песня объединяла всех, звала к согласию и дружбе.

Улыбки и тепло сердец были лучшей наградой для Даулета.

Эмир, узнав о великом музыканте, приказал ему прийти во дворец, но Даулет отказался. Рассвирепев, повелитель потребовал притащить музыканта силой.

— Я посажу его в клетку, — гневно молвил эмир, — и он будет играть только для меня одного!

Когда Даулету передали эти слова, он рассмеялся. И сколько друзей ни уговаривали музыканта скрыться, спастись от эмирской злобы, он только улыбался в ответ.

Прошел день, прошла ночь. В аул, где гостил Даулет, примчались сто эмирских жигитов. Когда они взмахнули

саблями, все зажмурились — так сверкнуло солнце на ста клинках!

Лишь гордый музыкант смело смотрел на грозных всадников. Пальцы его слегка тронули струны. Полилась красивая, словно чудесный сон, мелодия. Даулет зашагал по дороге, а кони, как послушные птенцы перепелки, пошли за ним. Лихие жигиты даже забыли убрать свои сверкающие сабли в ножны, и казалось, что музыканта сопровождают солнечные лучи.

Так шествие и вошло в ворота крепости-дворца.

Даулет поднялся в покои, где среди своих визирей, телохранителей, мудрецов и шутов восседал великий эмир. Перед эмиром стояла большая позолоченная клетка, приготовленная для Даулета.

Музыкант едва переступил порог, как вместо мелодии, чудесной словно сон, зазвучала такая веселая пляска, что все находящиеся во дворце начали танцевать. Танцевали шуты и мудрецы, телохранители и визири, сам эмир. Сто жигитов, оставшихся во дворе, танцевали тоже и так азарт-

но размахивали саблями, что отсекали друг другу то руку, то голову. Плясали и кони, выбивая копытами искры из каменных плит, покрывавших двор.

Эмирские прислужники танцевали до тех пор, пока все не попадали за смертью. И, даже валяясь на полу и на земле, они все еще пытались дергать ногами и руками.

Когда во дворце, кроме самого Даулета, не осталось ни одного живого человека, он спрятал домбру в мешок и ушел в родную степь...

— Вот их бы так... всех... — запекшимися губами прошептал Алдар-Косе. — Чтобы упали и не встали больше... Где ты, Даулет?

В большой юрте «хозяева степи» слушали игру Мынбая на сыбызгы — свирели. Мынбай играл плохо, хотелось выть от злости, что музыку уродует такой тупой и бездарный человек. Чтобы спастись от этой пытки, Алдакен и начал повторять про себя легенду о Даулете...

Привязанный ногами и руками к остову недостроенной юрты, Алдар-Косе уже сутки не ел и не пил. Временами он впадал в забытие, перед его затуманенным взором вереницей проносились воспоминания. Он видел себя в степи с друзьями, верхом на верном Желмае. Как сны, смотрел он всплывающие в памяти старые достаны — сказания... А потом вдруг наступала полная ясность. Начинали ныть ссадины, синяки и раны, покрывавшие его тело. Днем садились на них мухи, солнце жгло кожу, и только рваная и вонючая шапка, которую нахлобучил на Алдар-Косе жигит-сторож, спасала от палящих лучей. Алдакен мог двигать лишь головой. Но и это движение причиняло ему страшную боль.

«Вот я и в волчьей пасти... — подумал Алдакен в одно из тех мгновений, когда мысль работала четко и ясно. — «Ты взрослый жигит, а ведешь себя, как мальчишка»... Верно говорила Одек-апа... «Среди твоих врагов тоже есть хитрецы, не забывай...» А я обрадовался — перехитрил бийский суд! И забыл об опасности. «Не родился еще в степи такой волк, которому я был бы по зубам!» Э-э, приладил бороду и решил, что стал мудрым аксакалом. Алдакен, Алдакен, ты глуп и самонадеян...»

Жигит, который специально присматривал за Алдар-Косе, подошел, проверил узлы на обеих руках и ногах пленника. Крепко держат! Для забавы ткнул дубинкой-шокпаром в живот Алдакену, усмехнулся, сел на свое место.

...Когда позавчера чернобородый Срым привез Алдар-Косе в аул Бапаса, то среди баев началось ликование. Они забыли про угощение. Остыло мясо, остались нетронутыми ароматные горы привезенной издалека жареной рыбы.

Невозмутимо спокойный Аблай, слегка царапая ногтем свою холеную бороду, начал — согласно законам степной вежливости — расспрашивать пленника о родственниках и их здоровье, о том, хороша ли была дорога и как здоровье самого почтенного Алдар-Косе...

Баи покатывались от смеха.

Алдакен молчал. Молчал он и тогда, когда Срым внес в юрту обнаруженные среди вещей Алдар-Косе чалму, накладную бороду. Шик-Бермес, подступив к пленнику, закричал:

— Где мое золото, отродье шакала? Отдай мои золотые монеты, проклятый шайтан!

Потом Шик-Бермес, кивнув в сторону своего толстого родственника, сказал Алдакену:

— Ты помнишь, как заарканил тебя мой жигит-храбрец ночью в моем ауле? Как он тебя избил камчой? Тебе будет в десять раз хуже, если ты не вернешь мне моего золота! А?

— Да, тебе будет плохо, — инстинктивно отодвигаясь подальше от щуплого, связанного по рукам и ногам пленника, произнес толстый родственник. — Берегись моего гнева, Алдар-Косе!

Тут уж даже избитый и измученный Алдакен не смог удержать улыбку.

Как ни пытались Аблай и другие баи заставить его говорить, ничего из этого не получилось. И лишь один раз Алдакен не сдержался, ответил.

...Аблай уже не верил в то, что Алдар-Косе удастся схватить. Поэтому он, как человек предусмотрительный, начал готовиться к худшему: к приходу жигитов Шойтаса.

— Мы, хозяева степи, — говорил он трусливо примолкшим баям, — и должны спасти ее от этого горного сброда. Каждый должен что-нибудь сделать для будущей битвы. Я собрал сто овчарок, самых больших и сильных. Желекеш и Срым выучили их не бояться всадников. Они кидаются на коней и перекусывают им ноги. А когда жигит падает, овчарка кидается на него. И он будет лежать, пока мы не отзовем собаку, иначе она его загрызет.

Баи восторженно зацокали языками. А Мынбай от радости задул в свирель так пронзительно, что все заткнули уши.

Алдар-Косе привезли как раз в то время, когда Аблай пытался договориться с Бапасом и Шик-Бермесом о том, где и сколько жигитов выставят они на бой с Шойтасом.

Решили сделать Бапаса начальником всей конницы: он пообещал в этом случае собрать еще сто всадников.

И вот, когда впервые восторги по поводу пленения Алдар-Косе прошли и богатеи уже начал злить не желавший разговаривать с ними пленник, Шик-Бермес сказал как можно ехиднее:

— Радуйся, Алдакен! Мы провозглашаем тебя эмиром свиней! Все свиньи будут тебе подчиняться!

Тут-то Алдакен один-единственный раз не сдержался и ответил:

— Все свиньи? Жаксы, хорошо. Значит, и вы, баи, попадаете в число моих подданных!

Шик-Бермес бросился было на Алдакена, чтобы ударить его, но в последний момент передумал и сказал:

— Я не бью связанных. Вот если мы с тобой когда-нибудь встретимся в степи, я тебе покажу, нечестивец, что значит настоящий жигит!

...Когда Алдакена привезли в аул, солнце только-только закатилось. И лишь одно длинное облако высоко в небе еще было освещено солнечными лучами, алело, как шрам. Пленника Аблай приказал привязать к остову небольшой юрты, которую еще не успели покрыть войлоком. Вокруг бегали овчарки-людоеды, большие, как жеребята, и мохнатые, как овцы.

Бельдеу — арканом, которым опоясывают юрту, прикрепляя кошмы к остову, — жигиты крепко привязали Алдакена. Руки его были распахнуты, словно крылья парящей птицы.

Аблай приказал оставить сторожей-жигитов; они, смея друг друга, должны были смотреть, чтобы никто из жатаков не подошел к пленнику, и время от времени проверять узлы — не ослабли ли?

Ночью Алдакен мерз. Ветер хлестал полуголого недвижимого Алдакена ледяной камчой.

Затем утро... день... Алдакен, приходя в сознание, смотрел в нахмуренную даль, за которой лежали Далекие горы.

Знают ли жатаки, что он не доскакал до Шойтаса? Жиренше, не дождавшись его на условленном месте, поймет, наверное, что произошло.

Подходили какие-то тени — люди, Алдакен едва понимал, что они говорили. Кажется, они просили жигита-сторожа разрешения дать выпить кумыса Алдакену. Их прогнали ударами камчи.

И еще сверлила голову сыбызги — свирель, на которой почти без передышки самоотверженно играл Мынбай. Но как играл! Чего только не испортил этот бездарный упрямец! И «Пять волшебников», и «Рыжего беркута», и десятки других прекрасных мелодий.

— Песня летает над землей, — говорил когда-то давным-давно старый акын маленькому Алдакену, — и нужно бережно, нежно поймать ее. Поймаешь — станешь музыкантом. Не поймаешь — не берись за кобыз, домбру, сыбызги: над тобой будет потешаться вся степь, весь народ.

А он, Алдар-Косе, поймал ли свою песню? Он любил петь, но еще больше любил слагать их.

— Слово песни должно ударять метко, плетью — в глаз! — учил акын.

Мынбай, которого отсадили в отдельную юрту, чтобы он не оглушал других баев грубыми звуками своей сыбызги, четыре раза подряд играл «Пять волшебников».

Чтобы спастись от этих «Пяти», а заодно постараться забыть о голоде и ранах, Алдакен придумал шестого волшебника. В старой песне пять волшебников бродили по степи и творили всякие скучные чудеса: зачем-то передвигали горы, сверкали молниями, раскалывали землю. Так они решали между собой, кто сильнее. Видимо, Мынбай дудел эту песню нарочно для баев — ведь каждый из них в душе считал себя самым знатным, самым достойным. В песне же волшебники так ничего и не выяснили, только ограничились туманным обещанием еще раз прийти в степь, доспорить.

Алдакен придумал «Шесть волшебников». Сначала все было как в старой песне. Пятеро показывали свою силу и мощь, а шестой ничего не делал. Однако все пятеро относились к нему с большим почтением. И люди, которые со страхом и восторгом смотрели на волшебников, все чаще спрашивали: какова же сила шестого, самого обычного по виду человека, если пятеро могущественных волшебников так почитают его? И спрашивали люди: что он, шестой, умеет делать? Сокрушать скалы? Останавливать солнце? Поворачивать вспять реки? Люди спросили об этом волшебников. И те ответили: «Он самый могучий из нас. Лучше не трогайте его». И тогда всех одолело страшное любопытство, и со всей степи собрались седобородые и снова попросили волшебников: «Пусть шестой покажет свою силу!» — «Знайте же, люди, — сказали пять волшебников, — наш шестой брат обладает самым редким могучим даром: он всегда, всюду и всем говорит правду!» И перед шестым волшебником люди упали лицами в землю. Ведь сильнее правды нет ничего в мире!

«Теперь уже, Алдакен, никому ты не споешь и не расскажешь об этом! — сам себе сказал Алдар-Косе. — Все твои песни спеты, все истории рассказаны... Да нет же! Нужно же что-то придумать, а не висеть на этих жердях, как освежеванная баранья туша!»

И хотя было совсем неясно, что делать, но Алдакен уже почувствовал себя сильнее.

Он так внимательно посмотрел на жигита-сторожа, что тот встрепнулся, повел зябко плечами и начал на всякий случай проверять узлы на руках и ногах пленника.

Из Большой юрты вышли «хозяева степи». Впереди шел Аблай. Баи решили еще раз посмотреть на драгоценную добычу, потешиться. Последними шагали Шик-Бермес и его толстый родственник. Они оживленно перешептывались. Потом толстяк пошел к жигитам своего аула, а Шик-Бермес присоединился к Аблаю, Бапасу и Мынбаю, когда те уже остановились возле Алдар-Косе.

Срым покрутил камчой перед лицом пленника, сгоняя с него мух.

— Ты, Алдар-Косе, умрешь завтра, — ровным, спокойным голосом проговорил Аблай. — Но не от нашей руки.

— Мы не будем марать руки о такого нечестивца, как ты! — закричал пронзительно Шик-Бермес. — Где мое золото, проклятый шакал?! Отдай!

— Ты лучше попроси у аллаха звезду с неба! — усмехнулся Мынбай.

Аблай слегка повернул голову к баям, и те сразу же затихли.

— Ты будешь зашит в сырую воловью шкуру, и тебя положат на солнцепеке, — продолжал Аблай невозмутимо. — Шкура сохнет и задушит тебя. Если, конечно, ты не задохнешься раньше. Я сказал.

— Когда жатаки узнают, что Алдар-Косе умер, они могут послать в горы кого-нибудь другого, — опасливо произнес Мынбай.

— Что ж, мы даже не будем ловить их гонца, — ответил Аблай. — Мы приготовимся к встрече жигитов Шойтаса. Встретим их так, чтобы они навсегда забыли сюда тропу.

— А как бы ты хотел умереть, Алдар-Косе? — спросил Шик-Бермес. — В шкуре вола или в своей собственной шкуре?

Мынбай засмеялся, молчаливый Бапас и тут только улыбнулся.

— Ну, Алдар-Косе, прошу тебя, ответь! — Шик-Бермес, видно, очень хотел развеселить Аблая и заодно поиздеваться над Алдар-Косе.

— Говори! — приказал Аблай.

— Я исполню любую твою просьбу, — произнес Алдар-Косе хриплым от жажды голосом, — но прежде исполни одну мою.

— Какова она? — спросил Аблай с интересом.

— Никогда не обращайтесь ко мне с просьбами!

— Я? — удивился Аблай. — С просьбами?

— Мы? — опешил Шик-Бермес. — К тебе?

— Конечно, — прохрипел Алдакен. — Покою нет! Просите то отвечать, то говорить...

— Скажи, где мое золото? — вновь заверещал Шик-Бермес. — Не скажешь? Хорошо! Тогда я уезжаю. Эй, где мои кони?

Аблай удивленно посмотрел на Шик-Бермеса. Тот выдержал взгляд грозного бая и сказал, щелкая камчой по ноге:

— Теперь этот шакал в ваших руках, почтенный Аблай, дело сделано. А мне нужно готовить жигитов. Я не могу оставаться здесь, видеть этого нечестивца и все время вспоминать, как он обобрал меня! Ну ничего, Алдакен, я верну свои деньги! И ты, ты мне отдашь их!

Толстый родственник и жигиты, прибывшие с Шик-Бермесом, уже сидели на конях, Шик-Бермес простился с баями, погрозил камчой Алдар-Косе и, улыбаясь в бороду, взобрался на коня.

Собаки дружно проводили уезжающих. Когда из-за лая не стало слышно далекого топота копыт, Аблай сказал Бапасу и Мынбаю:

— Я послал Желекеша в степь. На праздник в аул жены Сансызбая едут музыканты и шуты, салы и сэрэ. Я просил их погостить у нас. Созовем поминальный обед в честь почтенного Алдар-Косе. Повеселимся над его могилой. Устроим кокпár.

Аблай повернулся и пошел к юрте. За ним двинулись все.

Кокпар — борьба за козла. Жигиты на конях стараются вырвать друг у друга козла, и тот, кто, схватив его, умчит-ся, выиграл.

Алдар-Косе никогда не участвовал в этом состязании. Ему всегда было жалко не того, кто проиграл, а козла, которого тянули в разные стороны, разрывали...

«Баи разорвут меня на части, как жигиты козла в кокпаре...» — подумал Алдар-Косе.

...Салы и сэрэ — степные весельчаки, акыны, наездники, борцы—всегда и всюду желанные гости. Радость в ауле или печаль — музыка, песня никогда не будут лишними. Салы и сэрэ бродят по бескрайней степи. Сегодня — здесь, завтра — там. Их приглашают на поминки, проводы, аульные праздники. Кто будет петь для гостей? Кто будет играть на домбре? С кем будут бороться аульные силачи? Нет без салы и сэрэ веселья! Десять зим назад Жиренше пристроил Алдакена к этим веселым людям. Шесть лет бродил Алдакен вместе с ними, научился играть на кобызе, домбре, сыбызги, научился изменять внешность, научился еще многим премудростям... Вырос из Алдакена Алдар-Косе, даже пытался уже других учить. Эх, Алдакен, Алдакен! «Ты взрослый жигит, а ведешь себя как мальчишка... Среди твоих врагов тоже есть хитрецы, не забывай...» А ты забыл.

В юрте снова задудел Мынбай, загудели мухи, садясь на раны, и Алдакен стал проваливаться в какую-то темноту, во мрак, где не было голода, боли и жары... Потом завертелось, как в бреду, жигиты, которых раздирали на части козлы, загарцевали красивые белые кони музыкантов и акробатов...

Сколько времени длилось забытие, Алдакен не знал. Он очнулся от того, что где-то рядом звучали громкие голоса, дружно лаяли собаки.

Открыл глаза и увидел сквозь запекшиеся веки, как Аблай возле большой юрты встречал жигитов. С коня слез длинный, тощий сын Аблая — Ускембай, обнялся с отцом. Вот седобородый Ергалы. Вот двое жигитов снимают с седла гигантскую тушу Мошеке-Обжоры.

«Они приехали сюда после того, как было выполнено решение байского суда, — пытался рассуждать Алдакен. — Значит, жатакам передали табун. Эх, успеют ли они его угнать подальше?»

Взаимные приветствия длились долго, словно гости и хозяева не виделись целый год, а не разъехались только два-три дня назад.

Потом все вместе пошли смотреть на Алдар-Косе.

Алдакен закрыл глаза и изобразил полное бесчувствие. Сколько ни тыкал ему Срым под ребра свой шокпар, Алдакен не открыл глаза и не проронил ни звука.

— Э-э, теперь ему конец! — радостно молвил Ускембай.

— Какой тощий! — пыхтя, произнес Мошеке-Обжора. — И как таких не выдувает ветром из степи!

— Слава аллаху всемогущему! — проговорил Ергалы, ласково оглаживая свою толстую седую бороду. — Наконец-то он услышал молитвы преданных рабов своих и отдал эту заблудшую душу в наши руки!

Баи потыкали Алдар-Косе камчами, по очереди плюнули на него и пошли в Большую юрту.

Но гости, видимо, не успели выпить даже по одной сабё кумыса.

Первым выбежал из юрты тощий Ускембай. Его обычно неподвижные глаза на этот раз готовы были выскочить из-под бровей, словно он только что сел на змею.

В руке Ускембай держал бороду и грязную чалму, те самые, которые Срым отыскал в мешке Алдакена.

За сыном Аблая вышел Ергалы. Он обеими руками держался за бороду.

Они торопливо пошли к Алдар-Косе.

За ними поспешил выбраться на воздух Мошеке-Обжора, но застрял во входном отверстии. Его долго выпихивали изнутри. Раздался дружный крик, и из юрты выскочил Мошеке-Обжора, а за ним сразу пять человек: Аблай, Блпас, жигиты.

Ускембай и Ергалы уже стояли возле пленника.

— Он, это он... О аллах! За что ты ослепил нас? — причитал Ергалы, дергая себя за бороду.

Ускембай приложил бороду к лицу Алдар-Косе, сорвал с его головы шапку, надел чалму.

— Ходжа! — скорбно вскричал он. — Будь проклят день, когда я встретил этого Алдар-Косе! Клянусь аллахом, я убью его!

Он вырвал из рук сторожа-жигита дубинку и размахнулся, целя в голову Алдакена.

Аблай железной рукой успел удержать дубинку сына.

— Завтра мы казним это отродье шайтана, — сказал он спокойно. — Подожди до завтра...

— Что случилось? — во все стороны вертел головой Мынбай. — Ергалы, что случилось? Ускембай, что случилось?

— Я, как увидел бороду и чалму, сразу все понял, — отдуваясь, проговорил Мошеке. — Алдар-Косе оделся ходжой и обманул нас на бийском суде. Запутал дело. Мы отдали

сегодня жатакам табун коней... баранов... о-о-о, каких баранов! Каких коней!

— О аллах! — не выпуская бороду из рук, закачался всем телом Ергалы. — О аллах, за что, всемогущий, покарал нас?

— Не теряй времени, бери жигитов, — сказал Аблай сыну, — и скачи за жатаками. Они не могли увести табун далеко.

— Мы передали им табун утром, — ответил за всех Мошеке.

— Все равно, — Аблай даже не повернул головы в его сторону, — вы должны их догнать! Ты наконец понял, Ускембай?

— Я понял, отец! — ответил Ускембай и побежал к коням.

— Срым! — кивнул Аблай.

Десять жигитов умчались так быстро, что даже собаки не успели их облаять.

— А если эти голодранцы жатаки откажутся вернуть нам коней? — спросил Ергалы. — Что тогда?

— Тогда на месте их нищего аула будет расти ковыль, — невозмутимо ответил Аблай и пошел к юрте.

«Неужели жатаки не успели угнать коней подальше? — снова и снова думал Алдакен. — Что если Аблай выполнит свою угрозу и погубит бедняков?»

И снова в голове Алдакена метнулись какие-то тени, запылали огни, ударил гром, и все провалилось во мрак.

А когда мрак стал постепенно светлеть, поплыли навстречу юрты, дымки на горизонте, облака в небе... Звенела домбра. Звучала «Медная сайга».

«Видно, я умираю, — подумал Алдакен, — если мне мерещится любимая песня...»

...Медная сайга легко прыгает по скалам, она всегда впереди стада, никто лучше ее не умеет выбрать пастбища, уйти от волков и охотников. Ее шерсть медного цвета так ярко блестит на солнце, что ни один стрелок не может даже прицелиться — она его ослепляет. Так и скачет куда хочет, никого не боится медная сайга. Свобода... Свобода!.. Она — сама жизнь!

— Желмая! Поймали Желмаю! — раздались звонкие и радостные голоса.

Алдакен открыл глаза.

Перед ним стоял верблюд. Он был невысок, и у него три горба.

Верблюд радостно крутил головой и тянулся к Алдар-Косе.

Трехгорбый был так же похож на Желмаю, как Шик-Бермес — на барана. У жадного бая, пожалуй, сходства было даже больше.

Алдакен отлично знал, что трехгорбых верблюдов не существует. Но в том состоянии, в котором он находился, и пять горбов его не удивили бы.

«Опять сон! — подумал Алдакен. — Видно, мне уж очень плохо...»

ВЕСЕЛЫЕ БРОДЯГИ

Один веселый сильнее десяти мрачных.

Казахская пословица

А верблюд и на самом деле был трехгорбый. Он пришел в аул Бапаса вместе с салы и сэрэ.

У весельчаков музыкантов кони одной масти, одежда яркая, как весенние цветы в степи. Смотришь, глаз радуется, сердце веселится.

Видно, прослышали веселые бродяги степные, что пойман жигитами Аблая Алдар-Косе, вот и явились они повеселить баев, отпраздновать это событие.

В предвечерних быстрых сумерках музыканты и певцы подняли такой крик-шум, что сразу стало ясно — в аул пришел праздник.

Играли сразу две домбры, перебирал ногами, словно танцор, трехгорбый верблюд.

— Желмая! Желмая! — кричали все. — Вот он какой!

У гостей были игреневые кони — рыжие, с белесыми гривами и хвостами, — как на подбор. Сбруи из цветной кожи, уздечки в серебре, кони украшены шелковыми лентами.

На молодых женщинах были отороченные перьями филина шапочки из меха, дорогие бусы, в косах вплетены серебряные звенящие подвески. Лакированные остроносые сапожки сверкали, словно их только что умыли утренней росой.

У мужчин — халаты из красного, синего, белого сукна, сапоги цветные, сверкающие серебряным шитьем.

Среди салы и сэрэ встречаются иногда самые странные животные и люди. Говорят, однажды вместе с музыкантами ходил неведомыми путями попавший в степь слон. «Где слон — там и той», — говорили казахи. И действительно, стоило только прослышать, что в соседнем ауле появилось такое чудо, как стар и млад садились на коней, мчались смотреть на «живую гору».

Поэтому, увидев трехгорбого верблюда, баи не особенно удивились: мало ли чего можно ждать от веселых людей!

Но, узнав, что это и есть тот самый Желмая, из-за которого Алдар-Косе столько времени был неуловим (баи скорее готовы были признать ум верблюда, чем ум Алдар-Косе), они начали внимательно рассматривать животное.

Правда, близко к нему салы и сэрэ никого не подпускали.

— Верблюда можно спугнуть! — объяснял баям разбитой музыкант в белом, будто горный снег, халате. — Знаете, как мы его изловили? К нему пошла девушка, одетая мужчиной. Желмая подпускает к себе только безбородых!

— Сколько вы хотите за него? — спросил Аблай.

— Он продается почти даром, — ответил музыкант. — Одна золотая монета! За трехгорбого верблюда! Аллах не сделал такого второго! И всего одна золотая монета!

Все баи — даже Мынбай — захотели стать обладателями Желмаи. Золотая монета! Даром!

— Но, почтенные баи, — продолжал музыкант, озорно блестя глазами, — вы знаете, что будет с тем, кто сделается хозяином Желмаи? Владелец этого чуда сразу же станет самым правдивым человеком в степи! Язык его будет говорить только правду! Ни одно слово лжи не смогут произнести его губы! И это — за один золотой! Кто хочет купить Желмаю?

Баи замешкались.

Аблай пробежал пальцами по своей холеной черной бороде, равнодушно отвернулся.

— Трехгорбый верблюд — отродье шайтана, — сказал он. — Его нужно убить вместе с Алдар-Косе!

«Конечно, — мстительно подумал Ергалы-бай, — если мой племянник Аблай начнет говорить правду, то ему придется сознаваться в десятках преступлений...»

— Почтенный Ергалы-бай, — услышал он вдруг голос

музыканта, — я дам вам золотую монету, если вы хотите купить Желмаю.

— У меня достаточно золотых! — вспылил обычно рассудительный Ергалы. — И в моих табунах хватает верблюдов! К чему мне трехгорбый урод?!

«К чему ему такой верблюд? — усмехнулся про себя Бапас. — Будь он только трехгорбым, его купили бы и за сотню золотых! Ергалы боится, что придется стать немым — он же слова правды не сказал за всю свою жизнь, седобородый козел!»

— Ну, а вы, почтенные? — не унимался музыкант в белом халате. — Бапас-бай, Мошеке-бай, Мынбай? Неужели знаменитый Желмая не стоит одного золотого?

— Пусть он провалится сквозь землю, твой трехгорбый шайтан! — пробормотал Мошеке-Обжора. — Пусть он сгорит, пусть его съедят волки... Он мне и даром не нужен.

— Убить его завтра вместе с Алдар-Косе! — визгливо выкрикнул Мынбай. — Вместе они хотели погубить нас, пусть вместе и сами погибнут! А я на их могиле сыграю новую свою песню!

— Ну, песен у нас хватит и без вас, почтенный Мынбай, — сказал музыкант. — Что ж, придется это трехгорбое чудовище привязать пока неподалеку от его хозяина. Пусть посмотрят в последний раз друг на друга!

Музыкант заиграл на домбре веселую песню, и все двинулись вслед за верблюдом, которого вели двое силачей в красных халатах к остову юрты, где томился привязанный Алдар-Косе.

— Поймали Желмаю! Желмая! Вот он какой, глядите! — звенели детские любопытные голоса.

И хотя в сумерках много не разглядишь, тем не менее верблюд сразу же учуял хозяина, потянулся губами к Алдар-Косе.

— Нюх, как у собаки! — восхищенно цокнул языком рыжебородый Желекеш. — Он всегда чуял погоню, поэтому мы и не могли поймать Алдар-Косе, когда они были вместе.

Некоторые из салы и сэрэ еще не спешили. Позади толпы на маленьком коньке громоздился, словно обломок скалы, покрытый синим сукном палуан-богатырь Самат. Рядом с ним на тонконогом скакуне сидела закутанная в легкие яркие одежды девушка. Были видны только ее черные,

подведенные сурьмой глаза. Богатырь нежно и бережно поддерживал ее.

Как только кончилась веселая мелодия, девушка взяла свою домбру и заиграла «Медную сайгу».

Все оглянулись на девушку.

— Кто это? — спросил Аблай.

— Акын-кыз, акын-девушка! — охотно объяснил музыкант в белом халате. — Она не открывает лица перед мужчинами. Кроме того, она едва сидит в седле — очень больна. А чем, неизвестно. Видите, приходится ее поддерживать, чтобы она не упала. Мы везли ее к знаменитому бахсы—знахарю, но узнали про вашу радость, почтенный Аблай-бай, и свернули к вам.

Девушка оборвала «Медную сайгу» и заиграла другую мелодию.

— Что это? — спросил, вслушиваясь в звуки домбры, Мынбай. — Похоже на «Кара-жорга» — Карий конь.

— Это редкая песня, — отозвался музыкант. — В ней говорится о том, что победа всегда дается тому, кто сильнее... Могучий бай всегда победит жалкого бедняка! Акын-кыз хвалит всех баев, которые победили Алдар-Косе! И вас, Аблай-бай, и вас, Ергалы-бай, и вас, Мошеке-бай, и вас, Бапас-бай, и вас, Мынбай...

Аблай сохранял, как обычно, полную невозмутимость, а остальные бай млели от похвал, жмурились, как сытые коты, которых чешут за ушами.

Двое из танцоров, смеясь и повизгивая, притащили от колодца кожаное ведро-черпак и нахлобучили его на голову Алдар-Косе.

— Ничего, не задохнется! — крикнул музыкант. — А то слишком много чести для такого мальчишки видеть перед собой столько почтенных баев!

Жигиты смеялись, танцоры уже кружились в пляске, зазвенели бубны и дудки — начиналось веселье.

Аблай что-то шепнул Желекешу, и когда бай отошли от Алдар-Косе, то возле него остались на страже уже трое жигитов.

Трехгорбый Желмая был оставлен тут же. Музыканты сами связали ему ноги, привязали арканами к юрте — говорят, ведь Желмая даже летать умеет.

Вместе с жигитами-сторожами остался и палуан-богатырь в синем халате — Самат. Он по-прежнему бережно и

нежно опекал девушку-акына. Аблай, испугавшись неизвестной болезни девушки, приказал внести ее в стоящую неподалеку малую гостевую юрту.

Самат то сидел в юрте, то выходил к сторожам. Сюда доносились приглушенные войлоком байской юрты мелодии домбры и сыбызги, песни. Время от времени веселье стихало: сказитель читал достан—поэму.

Слов ее слышно не было, и тогда из малой гостевой юрты начинала звучать тихая мелодия домбры — это играла больная девушка.

Она играла немного из одной песни, немного из другой. Ее домбра попеременно звучала грустно и немошно, задорно и радостно.

— Э-э, бедняжка, больна, — качал головой Самат-палуан, — сильно больна. То плачет, то смеется, то вся горит, то — лед... Э-э, плохо...

А песни девушки несли с собой аромат степной полыни, в них слышался дробный стук копыт, пение ветра в крыльях свободного беркута.

Даже трехгорбый верблюд качал головой в такт мелодиям ее домбры.

Взошла луна.

В рассеянном лунном свете фигура привязанного к остову юрты Алдар-Косе была похожа на прибитого орла с распростертыми крыльями.

Стихла музыка, кончилось угощение, жигиты помогли баям и музыкантам разойтись по юртам.

Вездесущий и недремлющий Желекеш раза два выходил из большой юрты, чтобы посмотреть, не дремлют ли сторожа, и самолично проверить узлы на руках и ногах Алдар-Косе.

А когда все в ауле успокоилось, когда даже собаки крепко заснули и лунная ночь стала еще светлее, то начались чудеса.

Жигиты-сторожа, мирно считавшие звезды, взглянули на трехгорбого верблюда и задрожали: из ноздрей его шел дым, а глаза светились злым зеленым пламенем!

Пути спали с верблюжьих ног так легко, словно были сделаны не из сыромятных, крепких ремней, а из обычной паутины.

Жигиты не успели меж собой словом обмолвиться, как упали без чувств.

...Они очнулись оттого, что у них начали тлеть чапаны.

— Ой, вай, горим! — воскликнул тот, кто первый открыл глаза.

Он вскочил на ноги, растолкал других. Потом подбежал к юрте, успокоился: Алдар-Косе был на месте.

Один из сторожей привычно проверил узлы на руках и ногах — все в порядке!

— Глядите! — ахнул он. — Трехгорбый исчез! Вон тлеет клок шерсти! Он провалился сквозь землю!

— Он улетел на небо! — воскликнул второй сторож. — Я видел, как он начинает расти, расти, расти... И тут меня так ударило, что я уже больше ничего не видел!

Третий сторож ни на что смотреть не хотел: он едва переставлял ноги, держался за голову и тихо стонал.

— Надо разбудить Желекеша, — предложил первый.

— А зачем? — сказал второй. — Алдар-Косе на месте, а этот чертов верблюд улетел или провалился... Хорошо, что мы не успели сгореть. Это шутки шайтана, не иначе!

Но все же решили позвать Желекеша. Он явился, заспанный, почесывая бороду.

— Верблюд улетел на небо, я сам видел! — повторял первый жигит. — Из ноздрей валил дым, глаза сверкали, как у голодного волка! Он вспыхнул и взлетел. Мы чуть не сгорели от этого пламени!

— Клянусь аллахом, он провалился сквозь землю! — кричал второй сторож. — Она расступилась, и, объятый пламенем, верблюд свалился в пропасть!

— Не знаю, куда он делся, — простонал третий сторож, — но на прощание Желмая так стукнул меня по голове, что до сих пор все кру́гом идет...

Желекеш, не веря своим глазам, быстро осмотрел место: трехгорбый пропал!

— Принесите огня! — приказал он сторожам. — И больше! Разбудите жигитов!

Через несколько мгновений среди юрты замелькали факелы, проснулись собаки и гулко забрежали спросонок.

Когда было все заново осмотрено при свете огня, Желекеш задумался, помял пальцами бороду, шагнул к Алдар-Косе и сорвал с головы кожаный чепрак.

Жигиты дружно вскрикнули: вместо измученного лица Алдар-Косе они увидели испуганное лицо совершенно незнакомого человека со светлой, небольшой, почти прозрачной бородкой.

— Жи́ренше! — закричал Желекеш. — Ты ли это?

— Да, так меня звали на земле! — дрожащим голосом ответил Жи́ренше. — Скажите, почтенные люди, где я нахожусь?

— В ауле Бапас-бая, — ответил Желекеш, потрясенно тараща глаза на Жи́ренше. — Но как ты все-таки очутился здесь?

— Хотел бы я это знать, — попытался усмехнуться Жи́ренше. — Я тихо и мирно ехал — ты же сам, когда гонялся за Алдар-Косе, видел меня три дня назад возле караванной тропы.

— Да, я видел тебя там, — растерянно подтвердил Желекеш.

— Ну, так мы ехали медленно, никуда не торопились, вдруг на нас налетел огненный вихрь, меня подхватило, и я больше ничего не помню... Вот я здесь. За что меня связали? — удивленно спросил Жиренше.

Жиренше отвязали и позвали к баям. Там он с новыми подробностями рассказал об огненном вихре, который подхватил его в степи и поднял в воздух.

Рыжебородый Желекеш выступал главным свидетелем: он действительно видел на днях Жиренше далеко отсюда, возле караванной тропы, и ехал он совсем не к Бапас-баю, а в другую сторону.

— А кони у него и его жигитов были такие, что на них нельзя добраться сюда так быстро, — закончил Желекеш. — Это проделки шайтана!

Когда Жиренше рассказали о том, что под кожаным чепраком и в этом рубище ждал казни сам Алдар-Косе, то Острослов лишился от страха чувств, и только три чаши кумыса помогли ему прийти в себя.

— Я, как все знают, — сказал Жиренше, — очень любил Алдакена. Но теперь он пошел против всей степи, и я с ним расстался. Как же я попал в его шкуру? Это дела трехгорбого верблюда, не иначе!

Баи попросили Жиренше рассказать, что ему известно о Желмае.

— Э-э, шайтан, а не животное! Я видел, как он мчался по степи. Это было весной, и у него на спине я насчитал пять горбов! Он сгорает и снова оживает! Разве вы не знаете?

Аблай выслушал Жиренше внимательно, потом сказал Желекешу.

— Проверь коней, все ли на местах. Посмотри: не исчез ли кто-нибудь из гостей. И не появился ли в ауле кто-нибудь, кого вечером не было.

И кивнул Жиренше: мол, рассказывай дальше.

Жиренше не надо было долго просить, он снова принял за свои сказки, через каждое слово поминая шайтана, трехгорбого верблюда и прочую нечисть.

Вернулся Желекеш и доложил Аблаю, что никто из музыкантов не пропал, все на местах, кони на привязи, из аула бесшумно выехать нельзя, потому что собаки не только всадника, но и перепелку не пропустят.

— А если шайтан опять спустит Алдар-Косе на землю? — спросил Мынбай. — Неужели аллах это допустит?

Аблай только пожал плечами.

Бапас, обычно молчавший, на этот раз изменил своей привычке. Он громко спросил Жиренше:

— Э-э, Острослов, скажи-ка лучше, куда ты девал моего барана?

— Да, почтенный бай, — приложил руку к сердцу Жиренше, — два новолуния назад я взял у тебя барана и обещал, что выучу его говорить. И я его выучил.

— Я дал пять овец в уплату за это! — сказал Бапас. — Я тебя убью, если баран не будет говорить!

Аблай с интересом посмотрел на Жиренше:

— А моих баранов ты можешь выучить, Острослов?

— Могу, великий бай, — ответил Жиренше.

— Э-э, но где же мой баран? — забеспокоился Бапас. — Если он уже стал чудом, почему тебе не съездить за ним? Я дам копей.

— Ваш почтенный баран, Бапас-бай, уже говорил совсем хорошо, — вздохнул Жиренше. — Но я его зарезал. Вот этой рукой!

Бапас словно лишился языка; глаза его широко открылись и спрашивали: почему? как? за что?

Жиренше встал, подошел к баю и прошептал ему на ухо несколько слов.

Глаза бая тотчас же приобрели обычное выражение.

— Правильно сделал, что убил, — сказал Бапас удовлетворенно, — только не ошибся ли? Вдруг убил другого своего ученика, а этот шайтан разговаривает до сей поры, а?

— Почтенный бай, мы съели именно вашего барана, — заверил Жиренше.

— Хорошо, — сказал Бапас и снова превратился в молчаливника.

Жиренше вернулся на свое место, сел рядом с Мынбаем. По знаку Бапаса вновь принесли угощения, разбудили музыкантов. Запела домбра.

Мынбай все время подкладывал Жиренше куски получше, ухаживал за ним, словно бедный жигит за богатым баем.

— Что ты сказал Бапас-баю, Острослов? — каждый раз спрашивал Мынбай. — Я есть ничего не могу, пока не узнаю... Жиренше, неужели ты хочешь, чтобы я умер от голода?

— Почему бы и нет? — ответил Жиренше. — По крайней мере, твоя дудка замолчит! Дай слово, что ты сегодня не будешь дуть в нее, и тогда я скажу.

— Клянусь аллахом, справедливым и всемогущим, что я сегодня не поднесу сыбызги к губам! — поклялся Мынбай.

— Я сказал Бапасу, — зашептал Жиренше, — что баран оказался очень разговорчивым. Он начал рассказывать другим баранам о том, что Бапас прошлым летом украл пять скакунов из табуна Сансызбая, а этой весной помог своему сыну утопить в реке десять коров из аула Кошкё. Потом рассказал про то, как Бапас донес Аблаю о проделках Ускембая... и всякое другое... Не мог же я терпеть, чтобы какой-то баран поносил почтенного бая? И чтобы другие бараны разнесли все это по степи! Я предупредил его раз, два, три... А потом убил... и зажарил, чтобы другим неповадно было.

— Э-э, какой нехороший баран... — заблеял от восторга Мынбай. — Такие тайны хотел выдать... Э-э... — И он пошарил глазами вокруг, прикидывая, кому же первому рассказать о том, что он услышал.

Жиренше понял его намерение и сказал внушительно:

— Но это ты услышал не от меня, а от какой-нибудь говорящей овцы, которую задрал неговорящий волк. Понял? Со мной ссориться не надо, Мынбай.

— Понял, Острослов, все понял, — закивал Мынбай. — Я это слышал от одного говорящего волка, которого задрала неговорящая овца... Я не подведу тебя, Жиренше.

...Утро наступило быстро, и, казалось, баи успокоились. Как ни чудесно исчез Алдар-Косе, у богатеев вроде бы не было оснований опасаться возрождения безбородого хитреца. Тем более, что в ауле и без того было много интересного: богатыри начали состязаться в борьбе.

В борьбе на поясах равных палуану Самату не было, и ему пришлось показывать свою силу по-иному: кидать по два, по три жигита через глиняный дувал, поднимать над головой корову, одной рукой перебрасывать барана через юрту.

Жиренше развлекал баев разными шутками, среди которых наибольшим успехом пользовалась «лошадь наоборот».

В огороженном месте Острослов поставил бок о бок, в ряд, десять лошадей. А одну из них поставил наоборот: все стояли головами к юрте, а она — к юрте хвостом.

— Почтенные баи, — сказал Жиренше, — у меня есть

удивительная лошадь! Там, где у всех лошадей голова, — у нее хвост. А там, где у всех лошадей хвост, — у нее голова! Плата — один ягненок с одного бая. Совсем даром!

Первым пошел посмотреть необыкновенную лошадь Аблай.

Он рассердился было, но Жиренше сказал:

— Великий бай, ведь я верно говорил: у нее хвост там, где у всех головы, чего же вы сердитесь?

Баю было стыдно сознаться, что его обманули так просто, и он смолчал. За ним пошли другие байы, и в результате пять ягнят перекочевали к музыкантам. А потом Жиренше пустил посмотреть «чудо» всех — и жигитов, и жатаков, и детишек.

Над богатеями, которые заплатили за «чудо» ягнятами, все тихонечко посмеивались. А Мынбай, чтобы его не упрекнули в глупости, на всякий случай все время повторял:

— Поразительная лошадь! Чудо, а не лошадь! У всех хвост — у нее голова, у всех голова — у нее хвост. Э-э, каких чудес только нет на свете!

Юркий музыкант в белоснежном халате сказал Аблаю:

— О великий бай! Наша акын-кыз чувствует себя совсем плохо! Видно, ей вчера не нужно было бы играть на домбре! Но она очень хотела, чтобы ее послушал такой знаменитый на всю степь человек, как вы.

Аблай невозмутимо смотрел на расторопного музыканта, кивал головой, а когда палуан Самат пошел в юрту, чтобы помочь узбечке выйти, сказал:

— Пусть к ней пустят женщин из моего рода. Они помогут ей. Старухи у нас в роду знают тайны лекарственных трав.

Музыканты растерялись.

Палуан Самат начал говорить о том, что девушка очень стеснительная, никого, кроме близких друзей, к себе не пускает, но Аблай так гневно поглядел на человека-скалу, что тот сник и умолк.

Старухи из Большой юрты Аблая пошли в малую гостевую юрту, где провела ночь акын-кыз. Они поговорили с девушкой, дали ей каких-то мазей, целебных корней.

— Это действительно очень красивая девушка, — громко сказала тетка Аблая, выйдя из юрты.

— Вы не ошиблись? — спросил бай. — Может, это перодетый мужчина?

— Нет, нет! Мы так осмотрели ее, — усмехнулась тет-

ка, — что она ничего и не заметила. Клянусь аллахом, это очень красивая девушка...

Когда салы и сэрэ на своих игреневых конях выходили из аула, то казалось, солнце потускнело — словно уходило само веселье.

Вместе с ними уезжал и Жиренше-Острослов. Он обменял у какого-то пастуха пятерых своих ягнят на одежду и был очень доволен, что сбросил с себя лохмотья, доставшиеся ему от исчезнувшего Алдар-Косе.

Все вышли из юрт и смотрели вслед салы и сэрэ, не замечая палящего солнца.

— Желекеш, — позвал вполголоса Аблай, и рыжебородый тотчас же очутился перед баем. — Бери жигитов и поезжай следом за музыкантами. Можешь даже ехать вместе с ними. Будут расспрашивать, помалкивай. Говори: бай, мол, приказал никому не говорить, куда еду. И смотри за ними! Держись возле них как можно дольше. Если что случится, присылай весть.

— Я понял, бай-ага, — сказал Желекеш, довольный тем, что он снова может оказаться в седле.

И через несколько мгновений, догоняя неторопливое шествие музыкантов, из аула вынеслась на степной простор группа вооруженных жигитов. Впереди скакал рыжебородый Желекеш — верный пес Аблая.

Со старым Сансызбаем не поспоришь — табун теперь его. Но и отобрать деньги у жатаков оказалось делом не менее трудным. Во-первых, деньги было невозможно найти: хитрые жатаки прятали их где-то в степи, в тайнике. Во-вторых, жатаки не признавали своей вины: они, мол, и сами не знали, что в их полях обнаружился золотой песок. Это какой-то ходжа приехал на суд и стал торговаться. А они ведь всё признали, даже то, что потрава произошла по их вине! Баи ошиблись, их обманул Алдар-Косе, но при чем же тут они, жатаки? Да, к жатакам придраться было невозможно. Во всяком случае, тощий Ускембай такой возможности не видел.

— Проклятый Алдар-Косе! — размахивая камчой, шипел он. — Срым! Скачем назад, в аул Бапаса! Может, мы еще успеем на казнь этого безбородого обманщика. Э-э, тогда я полосну его камчой сто раз: за каждого пропавшего коня — один удар!

Чернобородый Срым приказал седлать коней, и посланцы Аблая, проклиная на чем свет стоит Алдар-Косе и хитрых жатаков, поскакали к Бапасу.

— Но мы еще вернемся! — пригрозил Ускембай. — И тогда юрты ваши запылают, а дети захлебнутся в крови стариков! Хоп!

...Алдакена разбудил стук копыт — это уезжали ни с чем жигиты Аблая.

Следом за ними уплыл и парящий в синеве неба беркут.

— Слава аллаху, ты снова живешь! — сказал круглоглазый широкоплечий Илхас, склоняясь над Алдакеном.

— Аллах здесь ни при чем, — поправил его широколицый белозубый Жанша, — надо говорить: слава Жиренше! Вот так будет верно!

И они, поправляя и перебивая друг друга, рассказали Алдакеному, как он был освобожден.

...Жиренше с Желмаем, Илхас и Жанша, как было условлено, ждали Алдар-Косе у колодца Боз-Айгыр. Прождали полдня.

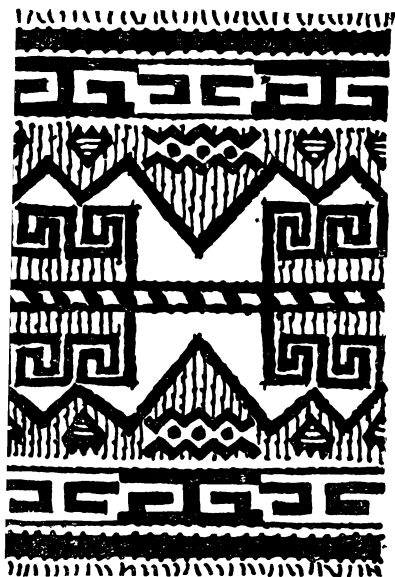
Ехал мимо какой-то жатак, сказал грустно:

— Поймали нашего Алдакена!

Жигиты рассмеялись, а Жиренше сказал:

— Да, сорвали бороду, избili его!

— Как же так? — удивился жатак. — Что-то ты пута-

Глава двенадцатая

ЛУЧШИЙ ДРУГ

От страха утка ныряет хвостом вперед.

Казахская пословица

Алдар-Косе пришел в себя только на второй день.

Он лежал в невысокой юрте и в круглую отдушину — шанра́к, что находится посреди потолка-купола, видел яркую синь, будто глядел в небесный колодезь. И там, в этой бездонной сини, висел беркут. Он словно смотрел вниз, на Алдакена.

— Очнулся наконец, — облегченно вздохнули сидящие в юрте друзья. — Теперь будет поправляться! Скоро снова здоровым станет!

...В аул жатаков, тех самых бедняков, которые выиграли суд бия, полуживого Алдакена привезли по совету Жиренше.

— Туда поехали Ускембай и Срым! Даже Аблаю в голову не придет там искать беглеца, — сказал Острослов. — Только остановитесь где-нибудь в крайней юрте, чтобы никто вас не видел.

Так и сделали. Никто из прибывших не выходил из юрты. Ускембай и его жигиты даже не догадывались, кто обитает рядом с ними.

Сыну Аблая, пожалуй, и не до этого было: он не успел перехватить табун, и коней, полученных по приговору бия, жатаки успели продать жене внука Сансызбая, толстухе Борсык, которая все еще кочевала недалеке от аула Мошеке-Обжоры.

ешь, Острослов. Это случилось сегодня, возле реки. Алдаке-на схватил черный Срым — бешеная собака Аблая.

Начались подробные расспросы, и стало ясно: Алдар-Косе, возвращаясь из аула Мошеке-бая после бийского суда, попал в засаду.

— Э-э, зачем он поехал на этот суд? — в сердцах вскричал Илхас.

— Да разве Алдакен мог поступить иначе? — возмутился Жиренше. — Аул бедняков в беде, а наш Алдакен проезжает мимо?!

И они помчались к аулу Бапаса, даже не представляя еще себе, как им удастся спасти Алдар-Косе, но понимая, что нужно спешить и что их место возле друга.

Вдруг уже на той стороне реки, у Старых колодцев, Жиренше круто изменил направление. Жигиты удивились, но повернули вслед за ним. Оказывается, Жиренше вспомнил: здесь, недалеко, полдня пути, кочует жена внука Сансызбая, толстая Борсык, женщина деловитая, любимица старого бая. Говорили, что она поджидает степных музыкантов и певцов — салы и сэрэ, с которыми вместе должна ехать на той, в летнюю кочевку Сансызбая.

Любимица старого бая на этот раз так и не дождалась музыкантов — их перехватил Жиренше. Чтобы как-то утешиться, она удачно купила у жатаков отличных коней из табунов Аблая. Тех самых, которых присудил беднякам бий-судья.

Сэрэ и салы, узнав от Жиренше о беде Алдакена, все вместе придумали план спасения друга.

Речь зашла о том, чтобы незаметно провести в аул Бапаса отважного Жиренше и его друзей Илхаса и Жаншу. Салы и сэрэ вспомнили о старом шуточном трюке — трехгорбом танцующем верблюде. Старая свалывшаяся шкура, много праздников повидавшая на своем веку, тут же была извлечена из выюков и подновлена.

Острослов предложил еще один интересный план: он оденет паранджу и будет выглядеть как правоверная мусульманка. А танцовщица, девочка-узбечка, спрячется в третий горб. Передними ногами верблюда будет Илхас, задними — Жанша.

Дальше все вышло так, как было предусмотрено. Трехгорбого верблюда выдали за Желмаю. Жиренше, одетый в женское платье, сыграл на домбре любимую песню Алдаке-

на. Уж кто-кто, но Алдар-Косе среди тысячи других музыкантов всегда мог отличить игру Жиренше.

— Я услышал Острослова, — сказал Алдакен друзьям, — и понял — помощь рядом. А потом я слушал те мелодии, которые Жиренше играл в юрте. И мне стал ясен план побега. Песня о птице, которую хитростью освободили из клетки, — это же про меня!

— А музыканты объясняли баям, что это песня о их победе! — засмеялся Илхас.

— Потом я услышал песню о ночной скачке, о верном друге, о победе над злым баем... Вот только зачем на голову мне надели ведро? — спросил Алдакен.

— Чтобы выиграть время, — ответил Жанша. — Из-за него стража не так скоро обнаружила подмену.

Дальше Алдар-Косе узнал, что, после того как палуан Самат оглушил жигитов-сторожей, из трехгорбого верблюда вышли Илхас, Жанша и девочка-узбечка. Сбросивший женский наряд Жиренше был привязан к остову юрты вместо Алдакена. На голову Жиренше нахлобучили все то же кожаное ведро. Шкуру трехгорбого верблюда аккуратно свернули вместе со всеми палочками и веревками, которые помогали спрятанным внутри людям двигать верблюжьей шеей, глазами, ртом.

Желмая уже примчался на условный зов и стоял возле юрты. Илхас и Жанша положили на верблюда лежащего без чувств Алдар-Косе, взяли с собой трехгорбую шкуру и скрылись. Как и было рассчитано, ни одна собака в ауле даже не твякнула на уходящего с ношей Желмаю.

В степи, в хорошо укрытом месте, беглецов ждали кони. Дальше все уже было легче — Желмая без ноши почти не отставал от скакунов. Через день беглецы беспрепятственно достигли аула жатаков.

— Ведь все засады Аблай снял, — весело подмигнул Илхас Алдакену. — Зачем сторожить степь, когда «злодей» пойман!

— Желмая пасется здесь, — предупреждая вопрос Алдар-Косе, сказал Жанша. — Правда, у жатаков всего пять верблюдов, но лысину на лбу Желмай мы замазали краской, и на него никто не обратит внимания.

— Тем более, что «настоящий», трехгорбый Желмая исчез! — впервые улыбнулся Алдакен.

— Не просто исчез, а сгорел! — Жанша улыбнулся так

широко, что его белые зубы, казалось, осветили полумрак юрты.

На том месте, где он стоял, и возле оглушенных сторожей набросали верблюжьей шерсти и подожгли ее!

...Алдар-Косе начал быстро поправляться. На следующий день он уже пытался бродить по юрте. Упругий рыжий вихор на его макушке торчал почти так же задорно, как раньше.

Днем, когда хозяин юрты принес свежий кумыс, в юрту забежал ягненок и начал жевать рваную полу алдакеновского чапана.

— Смотрите! — воскликнул Алдар-Косе. — Обычно гостя угощают барашком, а тут барашек ест гостя!

Однако ягненок не отставал. Он смотрел на лепешки, на кумыс и жалобно блеял.

Алдакен дал ему кусочек лепешки. Ягненок ее быстро сжевал и снова заблеял. Алдакен дал еще кусочек, который исчез так же быстро, как первый. Тогда Алдакен встал, посадил ягненка на свое место и сказал:

— Вот, сиди на моем месте, а я буду просить, чтобы ты дал мне хоть кусок лепешки! Иначе с тобой останешься голодным! Бе-е!

— Узнаю прежнего Алдар-Косе! — целый день повторял Илхас, и с его молодого лица не сходила радостная улыбка.

У хозяина юрты было трое детей. Они вели себя тихо, старались не мешать гостю, но Алдакелу это не нравилось.

— Неужели я такой страшный? — спрашивал он малышей.

Потом, посадив ребят поближе к себе, начал рассказывать им сказки.

— Вы знаете, почему верблюд всегда оглядывается, когда пьет воду? Не знаете? Э-э, плохо, плохо... Давным-давно у верблюда был очень красивый хвост. Большой, длинный, так и горел на солнце! А у коня почти не было хвоста. Пришел конь к верблуду, говорит ему: «Мы с тобой сородичи, но ты на меня как-то странно всегда смотришь...» Верблуд ему отвечает: «Зачем так говоришь, нехорошо так говорить». — «Жаксы, ладно, — сказал конь. — Если ты меня уважаешь, то дай мне на праздник поносить твой хвост. А у тебя пока будет мой. После праздника, когда пойдешь на водопой, я принесу тебе хвост обратно...» Верблуд ведь очень добрый, если его не дразнить. Он отдал хвост сородичу. Про-

шел праздник, прошло лето, прошло еще лето, а конь хвоста не возвращает. Вот почему до сих пор верблюд каждый раз, когда пьет воду, непременно оглядывается: не несет ли конь ему хвост?..

Теперь ребят от Алдакена нельзя было отогнать — они требовали все новых сказок.

Дня через два, когда Алдакен стал уже бодро расхаживать по юрте, мальчики прибежали с новостью: в аул приехал Шик-Бермес и с ним трое жигитов!

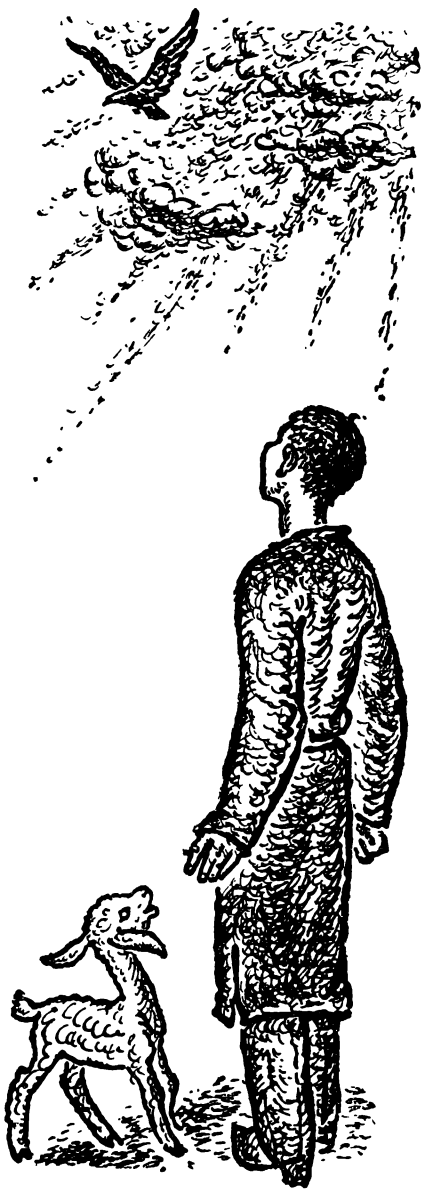
Илхас и Жанша забеспокоились: как бы жадный бай не пронюхал про Алдакена!

Сам же Алдар-Косе, услышав имя Шик-Бермеса, разве селился.

— Когда первый раз в жизни я приехал к нему в аул вместе с музыкантами, — вспомнил он, — то нас провели в байскую юрту. Стоит там угощение — саба́, полная кумыса, и блюдо с сыром. Мы сидим, блюдо стоит, нас никто не угощает; Шик-Бермес на жизнь жалуется, по его словам выходит, что он от голода каждый день умирает три раза. А я улыбаюсь. Он про голод, а я улыбаюсь. Тогда он спрашивает:

«Чему ты улыбаешься?»

«Я улыбаюсь вон той сабе с кумысом и тому блюду с сыром. Почему они в нашем разговоре не участвуют?»

спрашивали у Алдара-Косе дети. — Сколько историй с вами происходило!

— Дорогие мои, — отвечал Алдакен, — для того чтобы совершить все, что обо мне говорят, и двух больших жизней не хватит. А у меня позади всего ничего — жизнь-то во-о-он какая маленькая! Ведь любой из вас может выдумать что-нибудь интересное и даже веселое, стоит только захотеть.

— Э-э, не так это просто, Алдакен, — говорили взрослые жатаки. — Кому аллах дал смекалку, а кому — нет... Вон жадный Шик-Бермес: его хоть плеткой бей — ничего он веселого не придумает!

...Но те, кто так говорил, ошиблись. Оказалось, что Шик-Бермес, если нужно, может такое придумать — только руками разведешь от удивления!

— Это самое смешное, что я слышал с прошлого лета! — сказал Алдакен, когда отдышался от смеха. — Ай да Шик-Бермес!

Вот как жадный бай развеселил жатаков.

Он приехал в аул, собрал всех мужчин и сказал:

— Вы знаете, что мой лучший друг Алдар-Косе сейчас томится в ожидании казни! Но я хочу его спасти и договорился об этом с Аблаем. Если мы соберем хороший выкуп, то моего дорогого друга Алдакена отпустят живым и невредимым! Вы не верьте тем, кто говорит, что мы с ним были враги! Не было и нет лучших друзей! Мне бы сидеть в юрте бая Аблая и есть пилáв, пить кумыс. А я езжу по степи и собираю выкуп для Алдакена!

— Да, это наш лучший друг, — поддакнул толстый родственник. — Мы ничего не пожалели, чтоб спасти его!

— Если бы он захотел рассказать, как спасал Алдакена однажды ночью в моем ауле, — показывая на толстого родственника, молвил Шик-Бермес, — то вы бы диву дались! Как он защищал Алдакена арканом и камчой! Э-э, для друга и жизни нельзя жалеть! А денег тем более!

— Когда дело идет о деньгах, — сказал Алдар-Косе Илхасу и Жанше, которые передали ему слова Шик-Бермеса, — то самый тупой и глупый богач становится изворотливым и опасным, как змея. Жадный бай хочет отыгратся — ведь я заставил его вынуть из тайника десять золотых монет. Теперь он решил во что бы то ни стало вернуть их.

— Если не с твоей помощью, то с помощью твоего имени, — произнес Илхас.

Пришлось Шик-Бермесу предложить угощение.

А на следующий день ко мне приходят его работники — сородичи от него сбежали, приходилось чабанов и табунщиков из других родов нанимать, — жалуются: плохо живут, совсем запах мяса забыли.

«Ничего, — говорю, — не печальтесь, накормлю вас».

«Э-э, Алдакен, — отвечают они, — скорее из воды огонь добудешь, чем жадного бая сделаешь щедрым».

«Ничего, — говорю, — ветер не подует — тростник не шелохнется. Будет вам баран!»

И в тот же день — надо же такому несчастью случиться! — баран упал в сухой колодец, сломал себе ногу. Шик-Бермес бежит вокруг, то за голову, то за живот хватается, кричит:

«Ой, пропадет баран! Ой, за что меня аллах покарал! Ой, что теперь делать!»

«Делать нечего, — говорю я ему, — надо его быстрее прирезать, а то сдохнет — есть нельзя будет».

Прирезали барана.

«Что же теперь делать? — спрашивает бай. — Сразу столько мяса. Мне одному не съесть!»

Тут я ему посоветовал поймать двух перепелок сразу: и от славы скупца избавиться и мясу не дать пропасть. Он послушался. Позвал своих работников и сказал им:

«По степи ветер носит грязные слова, будто я скупее всех. Пусть аллах накажет тех, кто этому верит!

Вот, смотрите, какой я щедрый: варю для вас барана! Только с уговором: вам из казана — все жидкое, мне — все твердое. А?»

Работники вздохнули, согласились — хоть навару мясного поесть. Я сам с казаном возился, огонь такой развел — сразу все забурило. А варил я мясо долго-долго. Бай волнуется, я его успокаиваю: сейчас, мол, все будет готово. Мясо так у меня разварилось, что от костей отвалилось. Тогда я начал всех угощать.

«Мне твердое, твердое! — твердит Шик-Бермес. — Как уговорились!»

Но твердого-то в казане — одни кости! Так работники все мясо съели, а Шик-Бермес кости глодал. Э-э, и как он меня ненавидеть стал с той поры! Увидит — дрожит весь. Вот-вот замертво упадет.

— Алдакен-ага, правда все то, что о вас говорят? —

— Давай, Алдакен, мы приведем этого жадину к тебе? — предложил Жанша. — Свяжем его жигитов, отберем то, что они собрали обманом в других аулах!

— Нет, я сам с ним расправляюсь! — сказал Алдар-Косе. — Пора уже мне выходить из юрты!

— Неужели вы пожалеете барана или козленка, когда гибнет наш Алдакен? — продолжал уговаривать жатаков Шик-Бермес. — Ведь столько сделал для вас всех Алдар-Косе! Правда, ни для кого он не сделал столько добра, сколько для меня. Но зато и друга у него нет преданнее, чем я...

Однако красноречие Шик-Бермеса не вызывало у жатаков никакого отклика. Они только весело улыбались, но не трогались с места, не бежали, как это было в других аулах, в свои юрты, чтобы принести жадному баю монету или две.

— Мы с вами все дети одной степи, казахи! — вновь пустился в уговоры Шик-Бермес. — Вы же, видно, не любите Алдар-Косе, который сделал для вас так много добра! В других аулах за него готовы последнее отдать. А вы... э-э, плохие вы казахи... Ведь если вы будете скупиться, то не видать вам нашего Алдакена в живых!

Шик-Бермес даже слезу пустил от жалости, но не успел он вытереть глаза рукавом чапана, как увидел того, кого он больше всего боялся увидеть: перед ним стоял живой и неведимый Алдар-Косе!

Толстый родственник зажмурился от ужаса. Шик-Бермес словно окаменел, рука его так и застыла на полпути к лицу.

— Ты хотел встретиться со мной в степи, как жигит с жигитом, — сказал спокойно Алдар-Косе. — Помнишь, что ты сказал три ночи назад в ауле у Бапас-бая? Так вот, мы встретились!

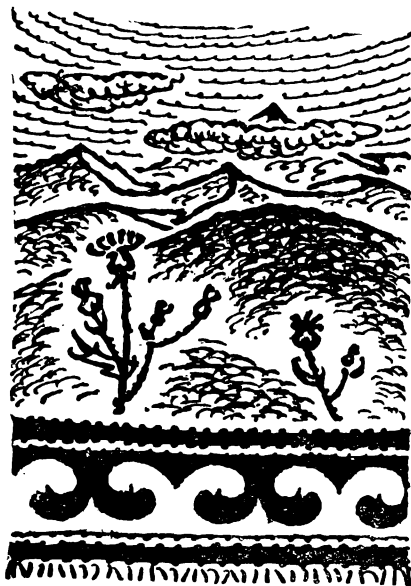
— Казахи! — вдруг тоненьким голосом завопил Шик-Бермес. — Это... шайтан! Это не Алдар... не Косе...

— Ошалелая утка ныряет хвостом вперед! — усмехнулся Алдар-Косе. — Так и ты, бай, уже не понимаешь, что говоришь!

Шик-Бермес вдруг захрипел, покраснел, замахал рукой и медленно повалился на бок. Он смотрел в ужасе на Алдар-Косе, шевелил губами, но сказать ничего не мог.

Жигиты без всякого сожаления смотрели на онемевшего от испуга бая.

Глава тринадцатая

ТАЙНА ДАЛЬНИХ ГОР

Крылья большой мечты с годами не слабеют.

Казахская пословица

Жигитов Шик-Бермеса заставили отдать все ценности, которые они с по-

мощью обмана собрали в других местах. Потом несколько жатаков вместе с толстым родственником поскакали вдогонку за отарой, отправленной Шик-Бермесом два дня назад в свой аул.

Двое жигитов увезли онемевшего Шик-Бермеса.

— Везите медленно, — напутствовали их жатаки, — а то не довезете бая до его юрты!

Вскоре после отъезда Шик-Бермеса в аул прискакал Жиренше.

Он ворвался в юрту, где отдыхал Алдакен, бросился к нему на шею.

Друзья обнялись, долго молчали.

— Э-э, да ты уже настоящий палуан! — сказал Жиренше. — Как обнял меня — кости хрустнули! Значит, можно ехать к Дальним горам!

Как ни уговаривали Жиренше отдохнуть после большой дороги, он твердил одно: ехать, ехать, ехать.

— Если, конечно, Алдакен может сидеть в седле! — каждый раз добавлял он.

Алдар-Косе заявил, что на Желмае он может ехать хоть до самого неба.

Жигиты вышли готовить коней и Желмаю в дорогу, а

Жи́ренше и Алдар-Косе рассказали друг другу обо всем, что произошло с ними.

Светлая, почти прозрачная борода Жи́ренше тряслась от смеха, когда он показывал, как удивились бай, увидев вместо Алдакена его, Жи́ренше. Он показал, как выпучил глаза Мошке-Обжора, как потерял напускную невозмутимость Аблай, как вцепился в свою толстую бороду Ергалыбай.

Долго смеялись друзья над выдумками Жи́ренше, и даже плен Алдар-Косе и его избавление от казни стали казаться им если не веселой, то забавной историей.

Алдакен поведал своему спасителю происшествие с Шик-Бермесом. Жи́ренше удивился выдумке жадного бая.

— Мы часто забываем, — задумчиво промолвил он, — что враги тоже коварны и хитры. Пора уже показать баям нашу силу. Мы должны во что бы то ни стало привести в степь жигитов с Дальних гор. Я, Илхас и Жанша тоже поедем к Шойтасу. Теперь уж одного тебя мы не оставим!

Солнце еще не сделало и половины пути по небу, когда жатаки вышли в степь провожать Алдар-Косе, Жи́ренше, Илхаса и Жаншу.

— Скоро вернемся, родные! — сказал Алдакен.

— Ничего не бойтесь! — крикнул Жи́ренше. — Мы вернемся с надежной защитой!

Сначала ехали знакомой дорогой. К вечеру миновали брод через реку — тот самый, где черный Срым устроил засаду и захватил Алдакена.

За рекой пошли нетронутые степи. Они белели круглый год. Зимой — от снега, летом — от ковыля. Их так и называли Белыми.

Дав небольшую передышку Желмае и коням, жигиты провели в седлах всю ночь. К рассвету они миновали колодец Боз-Айгыр — место, на котором Жи́ренше ждал Алдакена и где жигиты узнали о том, что Алдакен попал в когти Аблая.

Выбрав ложбину поудобнее, всадники устроили привал. Сразу, даже не притронувшись к запасам еды, которую им дали с собой жатаки, заснули.

Илхаса и Жаншу разбудил смех. Смеялись Алдакен с Жи́ренше.

— Желекеш никак не хотел отпускать меня, — рассказывал Жи́ренше. — «Ты, говорит, должен ехать вместе со

всеми салы и сэрэ». Я ему говорю: «При чем тут салы и сэрэ? Я этих музыкантов и певцов вижу первый раз в жизни! Ты же знаешь. Я попал к Бапасу по небу! Мне с тобой не по пути». Пришлось уехать от него не прощаясь.

— Но с друзьями ты договорился? — спросил Алдакен.

— Они схватят Желекеша и его жигитов, как только луна снова родится на небе. К этому времени мы с жигитами Шойтаса уже будем в степи! — уверенно произнес Жиренше.

Алдакен, как все люди, вновь вернувшиеся к жизни, был особенно весел и радостен. В седле и на земле, после еды и перед сном он без устали шутил, вспоминал забавные истории, остроумные проделки.

— Давайте-ка теперь подумаем, как нам быстрее проехать к Дальним горам, — сказал Жиренше. — Вон, видите, тучка стоит там, где небо сходится с землею? Это уже горы виднеются!

...Через день жигиты увидели горы во всей их великой красе. Но прошел еще один день, прежде чем они ощутили прохладное дыхание скал и въехали в первое большое ущелье. Там друзья остановились, чтобы договориться, как искать Шойтаса.

Мрачная красота каменных исполинов, суровые склоны ущелий, могучие валы kloчущих потоков, выющихся в глубоких расщелинах, — жигитам, привыкшим к бескрайним просторам плоской степи, все это казалось чужим, тревожным.

Даже Алдакен и тот затих, стал немногословным, лицо его посуровело.

Как искать Шойтаса, никто не знал. Решили ехать по едва видной тропе вверх и вверх — ведь кто-то встретится в конце концов!

На следующее утро, после неудобного ночлега в сырой пещере, жигиты встретили молодого казаха. Его малахай был неизвестного покроя — таких в степи, где жили друзья, не носили.

— Жигит Шойтаса! — воскликнул Жанша, первый заметивший всадника, и погнал коня ему навстречу.

Всадник также радостно бросился к ним. Оказалось, что он тоже приехал из степи, которая лежит к востоку от гор, в десяти днях пути.

— Я Исатай, из рода Болат, — сказал жигит. — Вот уже три дня и три ночи ищу Шойтаса.

Исатай, по прозвищу Левша — его левая рука была значительно сильнее правой, — видно, считался у себя в степи лихим жигитом, если его послали за Шойтасом.

Узнав, что случай свел его с Алдар-Косе и Жиренше, о проделках которых слух дошел и до их юрт, Исатай очень обрадовался.

— Мы найдем Шойтаса! — радостно воскликнул он. — Ведь с нами такие известные жигиты!

Он рассказал друзьям, что без Шойтаса им никак не справиться с обнаглевшими жадными баями, поведал, как голодают жатаки.

— Кроме собственного кулака в рот положить нечего! — грустно молвил Исатай.

— И у нас творятся такие же дела! — тоже погрустнел Жиренше. — Есть ли край, где не жирные байы, а бедняки живут хорошо?

— Там уж бедняки не были бы бедняками, — улыбнулся Алдакен.

— Вот я и хочу, чтобы бедняки... — начал Жиренше.

— ...стали баями? — перебил его Алдакен.

— Нет, — продолжал Жиренше, — стали жить так, как им хочется, а не так, как хочется аблаям!

— Для этого мы и приехали сюда, — сказал Илхас. — Шойтас нам поможет!

— Мы с отцом и братом работали на бая всю зиму, — пожаловался Исатай, — а как бай нам отплатил? Дарю тебе, сказал бай отцу, землю... ту, что под твоей юртой!

Искать Шойтаса стало немного легче — Исатай-Левша

уже объездил ближайшие ущелья. Значит, можно было сразу ехать в объезд горы.

На следующее утро им повезло: в большом ущелье, на одном из склонов, они заметили дымок.

Однако добраться до него оказалось не так-то просто: лишь после полудня, пробравшись сквозь заросшую дикими цепкими растениями расщелину, жигиты увидели небольшую, сложенную из толстых древесных стволов хижину. Из ее крыши курился дым.

Коней, которых нельзя было провести к хижине, пришлось оставить внизу, возле ручья, бегущего по дну ущелья. Сверху кони выглядели маленькими, как мыши. Желмая рядом с ними казался сусликом.

Седобородый рослый казах в меховой круглой шапке вышел из хижины навстречу незваным гостям.

После приветствий и расспросов о здоровье жигиты рассказали, кто они и откуда.

Старик слушал их внимательно, иногда легкая улыбка проносилась по его белому, отвыкшему от степного солнца лицу.

Все расселись возле хижины на стволах поваленных деревьев.

Старик долго выпрашивал у жигитов, как и где теперь кочуют аулы, кто из баев разбогател, а кто обеднел, кто кого взял в жены и кто у кого родился.

— Я знал одного хитреца, по имени Алдар-Косе, — вдруг сказал старик. — Давно, когда я еще был молодым... Не твой ли это сородич? — обратился он к Алдакену.

Алдакен покачал головой.

— На моих глазах, — продолжал старый казах, — этот весельчак выкинул одну из своих шуток. Отец Сансызбая дал Алдар-Косе пасти своих двух лучших коней. А хитрец спрятал их. Потом отрезал у каких-то старых лошадей хвосты, воткнул их в землю, а сам уселся как ни в чем не бывало и играет на дудке. Бай пришел, смотрит: нет коней.

«Видишь — хвосты торчат, — говорит Алдар-Косе. — Кони ушли пастись под землю. А я им играю, чтобы они не потерялись и нашли дорогу обратно!»

Бай схватился за хвосты, Алдар-Косе кричит:

«Отпусти, оторвутся, кони пропадут!»

Бай не слушает — дернул и вытянул из земли два хвоста.

«Говорил тебе — не тащи. Сам виноват!» — сказал Ал-

дар-Косе, и мы вместе с ним уехали на байских конях. Жаль, что это не твой сородич...

— Вы давно здесь живете, ага? — спросил Жиренше.

— Я люблю иногда приезжать сюда, — уклончиво ответил старик. — Я сказитель Жубандык.

Жиренше и Алдар-Косе переглянулись: имя знаменитого сказителя Жубандыка они слыхали от старших. А Жиренше несколько зим назад даже слушал сказителя на одном из аульных праздников. Но в последние годы Жубандык редко появлялся в степи. Люди говорили, что он живет не то в пустыне, не то в горах.

— Вижу ваши желания, гости мои, — продолжал Жубандык. — Вы ищете Шойтаса.

— Где же он, ага? — трепетно спросил Илхас.

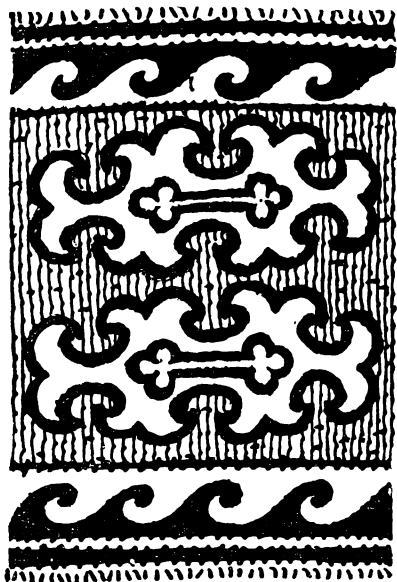
Все жигиты подались вперед и затихли, жадно ловя слова Жубандыка.

— Его здесь нет, — ответил сказитель.

— Как же так? — растерянно произнес Исатай.

— Так! — спокойно проговорил Жубандык, глядя на заснеженные вершины гор. — Ведь Шойтаса никогда не существовало.

Глава четырнадцатая

СИЛЬНЕЕ ВСЕХ

Сильнее всех не тот, кто силу показывает, а тот, кто свою силу знает.

Казахская пословица

Друзья были поражены этим известием. Долгое время они не только не

могли слова сказать, но даже пошевелиться...

Как?! Шойтаса, великого богатыря Шойтаса не было и нет?! Этого не может быть! Что же теперь делать?

— Простите нас, ага, — прервал молчание Алдар-Косе, — но то, что вы сказали, лишило нас языка. Шойтас — мечта казахов, он наш заступник. И если его нет, то почему же вы, ага, не придете в степь и не расскажете об этом народу?

Жубандык внимательно оглядел растерянных жигитов, и по его бледному лицу пронеслась мимолетная улыбка.

— Стоит ли раскрывать эту тайну гор? — молвил он. — Мечта — крылья народа.

— Время сказок и утешений прошло, ага! — загорячился Алдакен. — Многие акыны поют о счастье, но не указывают, где его искать, где оно лежит. Чем эти акыны лучше муллы, который обещает рай на небе после смерти?

— Шойтас — не самый сильный из жигитов, — сказал Жубандык. — Правда, его именем назывались многие палуаны — вот баи теперь и боятся имени Шойтаса. Хотите послушать притчу о том, кто сильнее всех?

Жубандык задумчиво поглядел на вбитые в небо снежные клинья далеких гор, сорвал травинку, покрутил ее в пальцах.

— Ибра́й, лысый табунщик, и Сармала́й, рыжий батрак, считались самыми заядлыми спорщиками в ауле. Где бы они ни встретились, сразу же начинался спор. А если к ним подбегал Богда́-пастух, то поднимался такой крик, что начинали мычать коровы, ржать кони, блеять овцы, весь аул выбегал из юрт, а рассерженные верблюды плевались куда попало.

Спорили Ибрай, Богда и Сармалай по любому поводу: где кончается степь и начинается небо, куда улетают птицы и куда уходят облака, почему бай всегда богатый, а бедняк всегда бедный, — да мало ли о чем можно спорить, если очень хочется спорить.

Однажды был большой той—праздник. Народу собралось на него со всей степи видимо-невидимо. Приехали и родовые старшины, и уездные начальники, и даже один всемогущий, как аллах, тюрé—чиновник.

Были на тое и все трое спорщиков. И на этот раз заспорили о том, кто в степи сильнее всех.

— Сильнее всех наш бай! — сказал Богда. — У него самые быстрые в ауле кони, ест он лучше всех, а пьет больше всех!

— В нашем ауле бай, конечно, самый сильный, — согласился с другом Ибрай. — Но что такое аул? Травинка на лугу! Таких аулов, как наш, не меньше, чем звезд на небе.

— Больше! — заспорил Богда. — В три раза больше!

— Хорошо! — опять согласился Ибрай. — Выходит, наш бай совсем-совсем не самый сильный.

— Э-э, сильнее всех в степи бий-судья! — сказал рыжий батрак Сармалай. — Все бай, чуть какой спор, едут к нему. Коней ведут, баранов ведут. Как бий скажет — так и будет. Ясно, бий всех сильнее.

— А ты как думаешь, Сармалай, — спросил Ибрай друга, — бий один на белом свете?

— Бий не солнце и не месяц, — ответил рыжий батрак, — в каждом роду есть свой бий.

— Если биев много, значит, над ними есть главный бий, — сказал Ибрай уверенно. — Значит, тот самый главный бий сильнее всех.

— Зачем зря тратить слова? — промолвил Богда. — Бий всех биев, судья всех судей — почтенный мулла-ишан и он, как и мы, правоверные, приехал на той. Пойдемте к нему и спросим его: он сильнее всех или нет? Если почтенный мул-

ла скажет «да», то наш вопрос будет ему приятен и нас, может, угостят чем-нибудь. А если есть люди на свете сильнее его, то он скажет нам о них.

Спорщики согласились со словами Богда и пошли искать мулла-ишана. Но так как всюду толпился народ, а голоса у трех друзей слышны были далеко, то спор их привлек много любопытных. И они вместе со спорщиками пошли к мулле-ишану.

— Мы трое войдем в юрту, — сказал Ибрай, — а вы, правверные, подождите нас тут. Что скажет нам мулла-ишан, то скажем вам и мы.

Мулла выслушал спорщиков и воздел руки к небу:

— Слава аллаху, который позаботился о вас и сразу привел ко мне! Да, сильнее меня никого нет в степи. Судьи приходят ко мне за советом. Баи просят меня разрешить спор, который не под силу бию. Я...

Но тут подошел к мулле один из его учеников и прошептал что-то на ухо.

— Как? Сам Темирбек приехал? — засуетился мулла, и его важность как ветром сдуло. — Где мой лучший халат? Иду к великому баю!..

Поднялась суматоха, и трое спорщиков вышли из юрты.

— Что сказал мулла-ишан? — спросили ожидающие друзей любопытные.

— Что богач Темирбек сильнее его! — ответил Ибрай. — Надо идти к нему!

По дороге к толпе подходили всё новые и новые жатаки, все говорили о том, что Темирбек — самый богатый бай в степи, что у него сто табунов и сто отар, а сто караванов ходят в сто городов.

Возле громадной белой юрты Темирбека стояли кони в богатой упряжи, вход был устлан толстыми коврами, жигиты стояли вокруг и не подпускали к ней любопытных.

Толпа, сопровождающая спорщиков, почтительно остановилась. Ибрай, Богда и рыжий батрак Сармалай направились к входу. Их грозно остановили два жигита-палуана. Но, узнав о споре, провели друзей внутрь юрты.

Какое зрелище предстало глазам троих бедняков! Слуги в ярких одеждах бесшумно приносили и уносили драгоценные блюда, наполненные угощениями. Задумчиво звучала домбра. Гости возлежали на мягких, сверкающих шитьем кошмах и подушках.

Темирбек благосклонно выслушал спорщиков и улыбнулся.

— Если я захочу, — произнес он, — то куплю всю вашу степь, и всех ваших баев, и всех биев с муллой-ишаном в придачу...

Но тут в юрту вошел жигит и, наклонившись к Темирбеку, заговорил быстро-быстро. Лицо Темирбека сразу же стало серым, губы задрожали. Он, испуганно поглядывая на вход, забормотал какие-то жалкие слова.

— Уходите, — приказал друзьям-спорщикам жигит, — великому баю не до вас! Уходите!

Спорщики вышли из юрты и увидели перед собой громадную толпу, напирющую на испуганных жигитов-палауанов. Это были бедняки, которым очень хотелось узнать, чем же наконец закончился спор и кто сильнее всех в степи.

— Вот кого боится бай! — восторженно произнес Ибрай. — Глядите!

— А кого же тут бояться? — удивился Богда.

— Ты сам из бедняков, — сказал рыжий батрак Сармалай, — чего тебе-то его бояться? Но если ты не с народом, то тут не мудрено испугаться!

— Эй, так кто же сильнее всех? — закричали из толпы.

Жубандык умолк. Долгим взглядом обвел вершины гор.

— Слово, как птица, рождается с крыльями, но его надо учить летать. Это не сразу дается, крыльям нужно окрепнуть... — промолвил он после молчания. — Конец притчи я еще не знаю. Скажут спорщики народу, что это он сильнее всех? А может, народ пойдет дальше, к самому царю царей, и тот тоже затрясется от страха... Сильнее всех!.. Слабость богатыря в том, что он не знает своей истинной силы. Шойтаса боятся враги, в него верят друзья — он должен жить! И он живет.

— Я не понимаю, ага... — начал было Исатай.

Но Жубандык продолжал, вставая:

— Идемте, друзья, я покажу тайную тропу, которая приведет вас к жигитам Шойтаса.

Глава пятнадцатая

ЖИГИТЫ ШОЙТАСА

Чем больше у человека друзей,
тем он сильнее.

Казахская пословица

Целый день Жубандык вел Алдар-Косе и его друзей узкими ущельями, наполненными туманом водяных брызг, мрачными темными расщелинами, в которых днем было темно, как ночью.

Наконец раскрылась перед всадниками ярко-зеленая долина, наполненная веселыми дымками юрт. Небольшой табун коней пасся возле жилищ. Ветер доносил до Алдар-Косе легкий звон, похожий на далекое пение струн.

— Здесь живут свободные жигиты, — сказал Жубандык. — Они пришли сюда с разных концов казахской земли, ушли от своих баев и стали свободными.

Жигиты выслушали рассказы Алдар-Косе и Жиренше о делах Аблая и его прислужников.

— Стонет казахская земля, — грустно нараспев произнес Жубандык. — Братья должны помогать братьям!

— Нас немного, — сказал старший из свободных жигитов Алдар-Косе, — но мы поможем вам справиться с Аблаем! Поезжайте к себе, поднимайте жатаков, готовьтесь к борьбе, а мы появимся, когда нужно будет!

Порешили твердо: сказать, что видели самого Шойтаса, что Шойтас скоро спустится с гор — баи это почувствуют на собственной шкуре.

— Шойтас — это ты, это я, это он, это они, — объяснял друзьям Алдакен. — Шойтас — везде, это из нас. Шойтас жи-

вет, когда мы все вместе, когда мы сильнее всех! Жатаки ждут Шойтаса и пойдут с ним в любую битву!

— Э-э, дорогой, — проговорил Жиренше. — А казахи разбросаны по округам, по жузам, по всей степи от моря до гор. Бедняков не соберешь вместе так быстро.

— Что же делать? — спросил Алдар-Косе.

— Хитрость спасала нас прежде и еще поможет нам сотни раз, — ответил Жиренше.

Исатай-Левша не хотел расставаться со своими новыми друзьями.

— Посмотрю, что у вас получится, — сказал он, — а тогда уж вернусь к себе в степь, поучу наших жатаков, как нужно с баями справляться!

Жубандык вывел Алдар-Косе и его друзей в предгорья, пожелал удачи.

— Мы еще встретимся! — пообещал он. — И помните всегда о народе — о том, кто сильнее всех!

...В ущельях и отрогах еще таились ночные туманы и тени, а над степью уже вставало солнце.

Роса сверкнула на травинках, как разбитая на мелкие кусочки радуга. Запела ранняя птица, и ветерок, словно музыкант струны, начал перебирать стебли ковыля. В эти мгновения, наверно, каждая камышинка чувствовала себя свирелью.

Друзья, спускающиеся с гор, увидели на небе еще не погашенную первыми лучами солнца яркую утреннюю звезду — Шолпан. И они помчались ей навстречу.

...Через несколько дней после того, как жигиты верну-

лись в аул жатаков, в степи начали происходить таинственные дела.

Музыканты и певцы схватили, связали жигитов Желекеша и всех их привезли к Алдар-Косе. Как не был храбр Желекеш, но, увидя живого и невредимого Алдар-Косе, так испугался, что его рыжие волосы стали седыми.

Затем ночью выкрали из Большой юрты Бапаса самого Бапас-бая и Мошеке-Обжору.

Палуан Самат, одетый Шойтасом, с лицом, вымазанным белой краской, и подрисованными, ставшими необыкновенно большими, черными глазами, вошел в юрту, где спали бай. Жигиты-жатаки осветили его факелами, и ошеломленный Бапас-бай безропотно дал себя связать, а Мошеке-Обжору, задыхаясь от собственного жира, застонал, словно корова, обвешанная верблюжьих колючек.

От испуга ноги Обжоры подкашивались, и он вынужден был встать на четвереньки. Но тогда его гора-живот уперся в пол юрты и Обжора беспомощно, как жук, проколотый острым сучком, заболтал ногами и руками.

Он пытался было лизать сапоги «Шойтаса», но жигиты взвалили Обжору на коня и увезли.

«Шойтас» и его жигиты — бледнолицые великаны, с необычно широкими плечами — появлялись только ночью, при свете факелов. Их так боялись, что никто даже и не пытался сопротивляться.

Ни один из жатаков не встал на защиту своего бая.

А когда кони жигитов «Шойтаса» ночью бесшумно входили в аул, ни одна из собак даже ни разу не залаяла.

Это была заслуга Илхаса, который неустанно совершал длинные переходы из аула жатаков в дальний аул, к старiku сыровару, другу Алдар-Косе. Теперь старик вместо сыра варил в своих котлах ту самую мазь, которая, если ею намазать коня, верблюда или одежду, оказывала на всех собак умиро-

творяющее действие. Даже злющие псы чабанов и те, приняхавшись, спокойно клали морды в лапы — дескать, свои едут.

— Шойтас пришел! — летело над степью.

Те жатаки, которые умели крепко сидеть в седле и руки которых могли держать камчу или дубинку, мчались в аул жатаков, к Алдар-Косе и Жиренше.

...Аблай, лишившись соратников, не терял, однако, даром времени. Он засел где-то в дальних аулах и собирал жигитов, чтобы встретиться с Шойтасом в битве.

Жигиты, потерявшие своих баев, напуганные судьбой Желекеша и Срыма, не слишком охотно шли к Аблаю. А тут еще история с собаками-людоедами.

Своих знаменитых собак, которые научены были бросаться на людей, Аблай выпустил однажды на волю: ему показалось, что в аул проникли жигиты Шойтаса.

Чутье не подвело хитрого бая: в эту ночь в ауле действительно побывали Жанша и Исатай-Левша. Но собаки, как обычно, жатаков не тронули, а перекусали всех жигитов, которые, заслышав шум, выбежали из юрт.

После этого отряд Аблая сильно поредел и собак пришлось убить. Только несколько псов спаслись и, скитаясь по степи, прибежали в аул жатаков. Там они свирепо сторожили перепуганных баев — все остальные жители аула, благодаря чудесной мази, не представляли для овчарок никакого интереса.

...А жатаки все шли и шли к Алдар-Косе и Жиренше.

Пришел пастух Сабыр со своим племянником Казангапом. Алдакен рассказал им, как пригодился ему пойманный ими волк, и они долго хохотали.

Пришла со всеми детьми вдова Одек-апа из аула Шик-Бермеса да привела еще с собой бедняков, много лет страдающих от скупости жадного бая. Все они решили навсегда остаться жить здесь.

Днем в ауле жатаков начались приготовления к тою — ставились новые юрты, чистились казаны, пеклись лепешки.

А ночью, выставив надежную охрану, жатаки готовились к сражению: протягивали между юртами арканы — бельдеу, закрывали сухой травой вырытые канавы, расставляли лотки с золой, которую кидают в глаза нападающим, точили пики.

Были приспособлены к бою и косы: ведь косам все равно, что косить — траву или лошадиные ноги.

Желй — веревки, служащие обычно привязью для жеребят-сосунков, — тоже пошли в ход: из них делали петли, потом раскладывали между юрт. Дернешь из юрты за веревку — петля схватит все, что в нее попадет.

Готовились также сетки, похожие на те, которыми ловят перепелов. Сетки эти можно было бросать сверху на врага, чтобы он в них запутался.

А сколько еще разных ловушек готовили жатаки баям!

Но лишь только занималась заря, как все стихало, и аул снова приобретал обычный, мирный вид: дымился в чанах иркит — квашеное молоко, превращаясь в сыр — курт, пылали очаги в юртах, приходили верблюды, навьюченные кошмами и кольями для новых юрт, — ведь на праздник — той — съезжаются гости со всей степи!

И гости прибывали: жатаки из дальних аулов, дальние и близкие родственники этих жатаков и родственники этих родственников. Приехали салы и сэрэ, привели знаменитых скакунов жигиты — победители прошлых байг — скачек.

Байга ожидалась большая: скачки жеребят, скачки копей-двухлеток, или стригунков, как их нежно все называли, скачки молодых коней и самое главное — состязание скакунов.

Молодые жатаки качались на качелях, пели песни. Охотники стреляли из луков в «алтын-табак» — золотую пластинку. Кто трижды подряд попадал в нее, тому она и доставалась.

Ухватив друг друга за кожаные пояса, боролись силачи, старались сбить противника с ног, бросить его на землю.

Началась байга.

Помчались среди плотных рядов зрителей жеребята. Первым бежал крепкий черный как ворон жеребенок из байского табуна. Его хватали за хвост и за гриву — всем почему-то хотелось, чтобы победил беленький тонконогий жеребенок из аула жатаков.

Жирише устроил доселе невиданные веселые гонки ишаков. Ишаки кричали, кусали друг друга, время от времени вдруг останавливались.

Зазвучали песни, зазвенели струны.

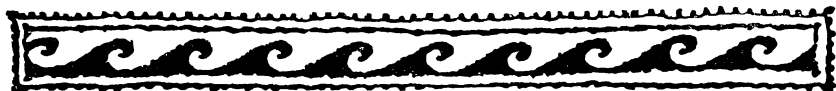
Верный Желмая, озорно поблескивая большими умными глазами, весело притопывал всеми четырьмя ногами.

— Когда все бедняки вместе, — улыбаясь, произнес Жиренше, — то нам никто не страшен — попробуй-ка нас перехитри! Если народ верит в свои силы, он сильнее всех, — торжественно молвил сказитель Жубандык.

— Нет ничего на земле радостнее шуток и смеха народа-победителя! — сказал Алдар-Косе.

Солнце уже спряталось за краем степи, но высоко-высоко в небе парил орел беркут. Солнечные лучи освещали его — сверкающую точку в бездонной густой синеве. И беркут казался сказочной птицей, которая приносит с собой счастье.

О Г Л А В Л Е Н И Е

О безбородом хитреце	3
Пролог	5
Глава первая. Большая юрта Аблая	10
Глава вторая. Волки в степи	19
Глава третья. Шойтас-богатырь—гроза баев	32
Глава четвертая. Знаменитый Шик-Бермес	45
Глава пятая. Мрачный караван	66
Глава шестая. Суюнши	77
Глава седьмая. Острослов Жиренше	86
Глава восьмая. Аул бедняков	99
Глава девятая. Во имя аллаха всемогущего	113
Глава десятая. В пасти волка	124
Глава одиннадцатая. Веселые бродяги	138
Глава двенадцатая. Лучший друг	150
Глава тринадцатая. Тайна Дальних гор	159
Глава четырнадцатая. Сильнее всех	165
Глава пятнадцатая. Жигиты Шойтаса	169

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва,
А-47, ул. Горького, 43. Дом дет-
ской книги.*

Для среднего возраста

Привалов Борис Авксентьевич

ВСАДНИК БЕЗ БОРОДЫ

Ответственный редактор

И. А. Трояновский

Художественный редактор

Л. Д. Бирюков

Технический редактор

М. А. Кутузова

Корректоры

В. К. Мирингоф и Т. Ф. Юдичева

Сдано в набор 1/VII 1964 г. Подписано

к печати 7/X 1964 г. Формат 60×84^{1/16}.

Печ. л. 11. Усл. печ. л. 10,04. Уч.-изд.

л. 9,86. Тираж 65 000 экз. ТП 1964 № 425.

A08643 Цена 40 коп.

Издательство «Детская литература».

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Рос-

главполиграфпрома Государственного

комитета Совета Министров РСФСР

по печати. Москва, Сущевский вал, 49.

Заказ № 898.

Цена 40 коп.

Юрий Стрелецкий • ВСАДНИК БЕЗ БОРОДЫ